

Высшее профессиональное образование

М. П. Котюрова

СТИЛИСТИКА НАУЧНОЙ РЕЧИ

Учебное пособие

Филология

ACADEMIA

81.411
К 438

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

М. П. КОТЮРОВА

СТИЛИСТИКА НАУЧНОЙ РЕЧИ

Учебное пособие
для студентов учреждений
высшего профессионального образования

АКАДЕМ'А

Москва

Издательский центр «Академия»

2010

УДК 82.085(075.8)
ББК 81.2-5я73
К735

СТАНИСЛАВ
НАУЧНОЕ

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент Московского гуманитарного педагогического института *Т. В. Павловец*;
доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского государственного технического университета *Л. В. Кушнина*

Котюрова М. П.

К735 Стилистика научной речи : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / М. П. Котюрова. — М.: Издательский центр «Академия», 2010. — 240 с.
ISBN 978-5-7695-6035-4

В пособии рассматриваются основные термины и понятия, фонетические, словообразовательные и стилистические особенности лексики письменной научной речи. Говорится о принципах формирования индивидуального стиля речи ученого и основных подходах к редактированию научного текста.

Для студентов высших учебных заведений.

УДК 82.085(075.8)
ББК 81.2-5я73

Оригинал-макет данного издания является собственностью Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом без согласия правообладателя запрещается

© Котюрова М. П., 2010
© Образовательно-издательский центр «Академия», 2010
ISBN 978-5-7695-6035-4 © Оформление. Издательский центр «Академия», 2010

Моему учителю
Маргарите Николаевне Кожиной,
профессору Пермского университета,
с безграничной признательностью

ВВЕДЕНИЕ

Факторы, благоприятные для научного творчества

Первой предпосылкой научного открытия является страстная жажда познания [Селье, 1987]¹. При этом необходимо накопление фактов. Вот почему лингвисту необходимо слушать речь, читать тексты с определенной целью. Следующая стадия — созревание идеи в процессе притяжения ассоциаций из разных областей знания.

Научная идея соотносится со смелой догадкой. Научные догадки подтверждают мысль о том, что не существует логического научного метода, гарантирующего решение научной проблемы. Многое зависит от интуиции и воображения ученого, даже от случая. Главное — в оригинальности подхода к проблеме и остроте наблюдения. Как говорил С. И. Вавилов, нельзя запланировать открытие — оно всегда неожиданно. Но возникает оно из разумно поставленного и тщательно проведенного исследования.

И еще. Нельзя не согласиться с точкой зрения, высказанной министром образования Российской Федерации В. М. Филипповым: «Чем более жесткие требования будет выдвигать перед человечеством природа, тем большее значение будут приобретать человеческие способности, дарования и качества. В этом смысле XXI век призван стать веком человеческих качеств».

Общие положения. Функциональная стилистика — толерантное научное направление. Она сформировалась в духе идей великих предшественников в области языкознания — как отечественных, так и зарубежных, плодотворно развивается благодаря креативному усвоению эмпирических и теоретических достижений разных наук. Функциональная стилистика как эмпирически и теоретически обоснованное лингвистическое направление включает активно развивающийся раздел — стилистику научной речи (научного текста). Становление этого раздела осуществлялось, несо-

¹ Здесь и далее в квадратных скобках ссылки на источники. — (См. список литературы).

мненно, в рамках функциональной стилистики, формирование же очень быстро потребовало выхода за пределы собственно лингвистической области знания.

И это легко объяснимо: развитие науки неизбежно вызвало интерес к изучению самой научно-познавательной деятельности и научного текста в качестве средства не только ее осуществления, но и закрепления, накопления и хранения продукта этой деятельности — научного знания. Это привело к зарождению и активному расширению междисциплинарной проблематики, объединившейся в особую отрасль — науковедение, граничащее, в свою очередь, с эпистемологией, или теорией научного познания, психологией научного творчества, логикой познавательной деятельности и др. Научный текст как объект функционально-стилистического изучения является средостением формирования по существу *целостного знания*, дифференцированного лишь с целью объяснения вновь установленных обобщений посредством других, уже получивших обоснование.

Так, источником идей для стилистики научной речи служат прежде всего теория познания, науковедение, синергетика, логика и психология научной деятельности, а также смежные с функциональной стилистикой сегменты лингвистического знания — лингвистика текста, когнитивная лингвистика, стилистика текста, психолингвистика, социопсихолингвистика и др.

Эти и другие, названные, научные направления не только *не отменяют*, но даже и не заменяют целей и задач, которые ставятся стилистикой (всегда через призму индивидуального, неповторимого видения проблем и путей их решения). Функциональная стилистика, во-первых, *обогащается* новыми научными фактами, полученными в процессе изучения обширного языкового материала; во-вторых, в общих и частных дискуссиях *формирует* методологический аппарат, конкретизирует комплекс проблем — одним словом, создает целостный познавательный образ функционального пространства языка. При этом важно отметить конструктивный по содержанию и толерантный по форме характер самих дискуссий в функциональной стилистике. Для примера приведем широкоизвестную дискуссию в журнале «Вопросы языкознания» 1954—1955 гг., которая по существу дала толчок формированию самой функциональной стилистики (см. анализ в: [Соловьева, 2008]). Несмотря на то что обсуждались принципиально важные для стилистики понятия *стиль языка*, *стиль речи*, *стиль художественной литературы* и др., участники дискуссии не оказались «в пылу (пламени) полемики» — сжигающем порой как ценные идеи, так и столь необходимые в интеллектуальной деятельности морально-этические качества личности.

Обращение к достижениям предшественников, прежде всего в области языкознания, а также и смежных наук, свидетельствует, по меткому выражению болгарского лингвиста Е. Вучевой, «не о соперничестве между отдельными дисциплинами, которые взаимно оспаривают эпистемологический статус, а о возможности дополнения и взаимодействия в рамках единого антропологического подхода к речевой деятельности» и тексту.

Толерантность функциональной стилистики как научного направления, можно считать, проявляется и в ее открытости — готовности содействовать решению прикладных задач. Так, функциональной стилистикой была выдвинута идея стилевой дифференциации языка. Не менее важно и то, что теория функциональных стилей была воспринята и широко используется методикой преподавания русского языка не только как родного, но и как иностранного.

В связи с внедрением новых образовательных стандартов возникает потребность в учебных пособиях нового поколения, ориентированных на формирование у студентов компетенций для успешной профессиональной деятельности. В этом плане функциональная стилистика является теоретическим фундаментом для овладения литературным редактированием — весьма перспективным: в современной социокультурной и языковой ситуации редакторская деятельность становится одним из чрезвычайно значимых и социально востребованных аспектов работы филолога. Этим объясняется включение в данное пособие раздела по редактированию научных текстов.

Когнитивно-функционально-стилистический подход к тексту позволяет найти решение целого ряда юрислингвистических задач [Котюрова, 2008]. В частности, мы предлагаем конструктивный путь решения вопроса об авторстве текста *научно-технической* статьи в связи с судебной лингвистической экспертизой. (Вопрос: Внес ли *М* вклад в *написание* статьи, опубликованной в соавторстве с *Н*?) Экспертная ситуация предполагает определение индивидуальных особенностей стиля речи каждого соавтора, что традиционно являлось одной из предметных областей функциональной стилистики.

Ограниченные возможности судебно-экспертного исследования неизбежно ориентируют на формирование минимального комплекса когнитивно-функционально-стилистических установок: 1) анализируются целые тексты научных статей; 2) тексты, не подвергавшиеся профессиональному (хорошему) редактированию, сохраняющие особенности *естественной* научной речи; 3) выявляются отклонения от эталонной научной речи, приводящие к *погрешностям*, под которыми, в отличие от орфографических и пунктуационных ошибок, понимаются неоправданные отступле-

ния от нормативного словоупотребления, конвенциональных правил словосочетания, формирования композитивных словосочетаний, порядка слов и т.д. [Котюрова, Баженова, 2007:19].

В любой области научного знания, в том числе и в стилистике научной речи, имеется много нерешенных и спорных вопросов, касающихся содержания даже основных понятий. Поэтому необходимо уточнить представление о статусе функциональной стилистики в кругу смежных дисциплин, объяснительной силе функционально-стилистической теории, содержании понятий *функциональный стиль* и *дискурс*, их соотношении со стилистикой научной речи.

В современной лингвистической науке преимущественно принимается определение функциональной стилистики в формулировке М. Н. Кожинной: «Функциональная стилистика — это лингвистическая наука, изучающая особенности и закономерности функционирования языка в различных видах речи, соответствующих тем или иным сферам человеческой деятельности и общения, а также речевую структуру складывающихся при этом функциональных стилей и нормы отбора и сочетания в них языковых средств» [Кожина, 1972:11].

Как видим, функциональная стилистика решает проблемы жизнедеятельности языка на достаточно высоком уровне обобщения при абстрагировании от конкретной, реальной речи (см.: сфера деятельности, закономерности функционирования, структура стилей и др.). В связи с этим интересно следующее суждение немецкого ученого Фридриха Кликса: «Самым существенным результатом мышления является образование и фиксация в памяти *различного уровня абстракций*. Подобно ступенкам лестницы, обозначения способствуют введению все более абстрактных понятий... При помощи этой “лестницы” человеческое мышление может и подниматься, и опускаться, выбирая самые различные ступени абстракции... В таком движении лежит источник творческого мышления, т.е. основа тех процедур, посредством которых человек может создавать новое знание (курсив мой. — М. К.)» [Кликс, 1983:13 — 14]. Представляется, что именно движение по «лестнице абстракции», условно говоря, «сверху вниз» обуславливает формирование взаимосвязанных направлений лингвистики — функциональной стилистики и (тоже функциональной) стилистики научной речи.

Для функциональной стилистики определение базовых стилеобразующих факторов и выявление их воздействия на формирование того или иного функционального стиля речи сыграли роль, которую трудно переоценить. Однако в настоящее время перед стилистикой научной речи — не без влияния смежных наук — встают задачи, которые обусловлены снижением уровня абстракции самого предмета изучения и тем самым приближени-

ем к автору текста как субъекту познавательно-коммуникативной деятельности. Новые аспекты изучения научной речи порождают исследовательские затруднения.

Как известно, содержанием научной речи, зафиксированной в виде текста, является научное знание. Знание — это не собрание случайных фактов, а набор сведений, объединенных в процессе познания в определенную упорядоченную систему. Интерпретацией процесса познания занимается когнитивная наука. При этом чрезвычайно важно то, что «интерпретация процесса познания... неоднократно претерпевала изменения. Если вначале акцент делался на... логический аспект оформления полученной информации, то в последнее время и сам процесс познания, и формы его выражения получают иную трактовку» [Абиева, 2007: 217]. Именно об «иной трактовке» научного знания писал В. В. Петров: «До недавнего времени... обработка информации жестко ассоциировалась только со структурами знаний, игнорируя тем самым “образную” компоненту человеческого мышления» [Петров, 1995:7].

В связи с этим возникает первое затруднение: стилистика научной речи неизбежно сталкивается с необходимостью учитывать контекст, окружающий речь. Это приведет «к своего рода глобализации исследования, т.е. учету влияния на речь всех сторон жизни человека, его ауры, ибо речевая деятельность связана со всеми другими видами деятельности человека» [Кожина, 2005:62].

Второе затруднение имеет методический характер: в частности, очевидно, что необходима, но пока не может быть осуществлена, дифференциация стилистики на авторскую и адресатную (с учетом ролей участников речи — [Шмелева, 1997:304]). Поэтому следует отметить, что, стремясь к последовательному изложению авторской стилистики, мы лишь спорадически в объяснительной части обращаемся к положениям (в настоящее время, можно сказать, вполне возможной) адресатной стилистики.

Стилистика научной речи «под зонтиком речеведения» (М. Н. Кожина, Т. В. Шмелева и др.) имеет широкий спектр возможностей построения; в частности, излагаемая концепция посвящена описанию функционально-стилистического варианта письменноречевой коммуникации в науке.

О предмете стилистики научной речи

Стилистика научной речи ориентирована прежде всего на письменную форму. Она отвечает на ряд «запросов»: выявить содержательную, или смысловую, структуру многомерного пространства научной речи; определить единицы анализа смысловой структуры научного текста; рассмотреть средства оформления этих

единиц; очертить контуры стилей изложения научного знания; объяснить закономерности формирования этих стилей в пределах единого научного функционального стиля русского языка.

Объяснительный подход к научной речи является актуальным и предпочтительным, так как он лежит в русле современной лингвистики, которая, по замечанию А. Е. Кибрика, «вплотную подходит к рубежу, когда автономный описательный подход себя изживает... Устройство языковых объектов таково, что их невозможно правильно выделить, проанализировать и в конечном счете описать безотносительно к их функциональной природе. Исходя из того, естественно ожидать, что на смену *как*-лингвистике придет *зачем/почему*-лингвистика, в основе которой будет лежать примат объяснения» [Кибрик, 2003:103]. В связи с этим можно считать, что те или иные свойства содержания текста с целью их изучения можно представить в форме конструкторов, с которыми можно производить различные ментальные операции (усложнять, упрощать, обращать на него пристальное внимание/не замечать, игнорировать/абстрагироваться, выбирать ракурс, смотреть снаружи, проникать внутрь, дифференцировать, объединять элементы, обобщать и др.).

Стремление рассмотреть сам объект изучения (текст) посредством метода, определяющего способы и приемы «подступа» к материалу, реализуется либо в общем взгляде на текст как целостность с присущими ей свойствами, либо во взгляде, фокусирующем тот или иной компонент с присущей ему совокупностью общих и частных свойств. При этом именно общий, «объемный» взгляд оживляет смысл, приближает текст к его создателю и тем самым позволяет рассмотреть его как интеллектуальную жизнь и — еще уже — научно-познавательную деятельность автора. Такой общий подход открывает широкие возможности для выявления и квалификации особенностей речи, их сопоставления и обобщения.

Разработка проблем стилевой семантики неизбежно сталкивается с понятием горизонтального (линейного, синтагматического) и вертикального (обобщенно-смыслового) контекста. Горизонтальный контекст обуславливает наличие таких свойств текста, которые интерпретируются в качестве текстовых категорий связности, логичности, точности (см. главу 4), а вертикальный — наличие субтекстов [Баженова, 2001]. При таком подходе к стилевой специфике содержания целого текста допустимо утверждать, что стилевую семантику можно дифференцировать на разных основаниях, и прежде всего определять оппозитивные и неопозитивные различия (в функциональной грамматике см.: [Бондарко, 2003]), зафиксированные текстовыми категориями точности, критичности, метафоричности речи.

(Уточним: технология построения того или иного стиля изложения не является нашей целью; разработка такой технологии может послужить основой формирования особого научного направления — лингво-когнитивной стилистики.)

Вместе с тем необходимо приблизить стилистику к задаче объяснить практическое пользование языком. Об этом еще в 1929 г. писал проф. Г. О. Винокур, рассматривая стилистику как «науку о практическом применении идеальных возможностей собственного языка в зависимости от условий и намерений» [Винокур, 1929]. Представляется целесообразным разработать именно объяснительно-практический подход к научной речи, который на данном этапе будет способствовать притяжению фундаментальных общенаучных и частно-научных (функционально-стилистических) идей, методов и приемов объяснения научных фактов.

Имея в виду именно притяжение идей, приведем следующие примеры. В функциональной стилистике еще в 60-х годах XX в. — на основе исследований психолога И. П. Павлова — М. Н. Кожиной было высказано предположение о том, что тип мышления является одним из сильнодействующих стилеобразующих факторов. Это предположение было подтверждено в дальнейшем лингвистически (на материале научных текстов) М. Н. Кожиной и ее учениками, в частности Е. А. Юниной в кандидатской диссертации «Функционально-стилистический метод как критерий определения типов мышления» (Саратов, 1989).

В исследовании, имеющем по существу функционально-стилистический характер, идея синергетики о стабильных и хаотических явлениях в динамических системах позволила И. В. Самойловой дать интересный анализ маргинальных коммуникативных блоков в текстах целых научных произведений [Речевая индивидуальность ученого как фактор текстообразования. — Канд. дисс. — Пермь, 2008].

В свою очередь, развиваемые в функциональной стилистике положения об индивидуальности речи автора находят подтверждение в современных исследованиях по когнитивной лингвистике. См., например, идею о расширенном сознании, высказанную А. В. Кравченко вслед за А. Кларком и Д. Чалмерсом (1998): «Расширенное сознание — взгляд, в соответствии с которым сознание не заключено в тело, а ментальные состояния не определяются исключительно состояниями мозга. Внешние факторы играют существенную роль в определении ментальных состояний как результата согласований между средой и организмом; в этой системе сцеплений мозг, тело и мир вступают в *меняющиеся отношения взаимной каузальности*» [Кравченко, 2007:41] — отношения, опосредованно обосновывающие феномен речевой индивидуальности. Такая биокогнитивная концепция представления (менталь-

ных репрезентаций) позволяет по-новому подойти к пониманию сущности процессов, составляющих когнитивную способность человека. В рамках этой концепции, по мнению авторов, «речь следует вести о том, каким образом языковая деятельность интегрирована в когнитивную динамику человека как структурно детерминированной системы» [Там же]. Решение этой проблемы может послужить толчком к углубленному изучению речевой индивидуальности ученого.

Важно подчеркнуть, что этапы притяжения идей, методов, приемов, необходимых для разработки подходов к изучению предмета (в данном случае — предмета стилистики), последующего за тем становления концепции дисциплины, развертывания формируемой концепции, свидетельствуют о динамике научного знания, обусловленной развитием смежных областей науки в целом. Современные смежные с языкознанием направления обладают большой объяснительной энергией, а, в свою очередь, познавательная воля исследователей, направляющая эту энергию, на наш взгляд, позволит объединить синергетический, трансдисциплинарный, функционально-стилистический, дискурсивно-стилистический, категориально-стилистический и другие подходы.

Некоторые подходы к изучению научной речи

Синергетический (психосинергетический) подход. Речь/текст — это категориальный объект, характеризующийся системностью — качеством, возникающим в результате взаимодействия этого объекта с субъектом восприятия. В процессе взаимодействия субъекта и объекта — качественно разноуровневых структур — осуществляется самоорганизация новой системы — речи субъекта коммуникации. Здесь принципиально важна идея становления. «Становление — это выбор (пусть даже случайный) одного пути развития из конечного спектра возможных сценариев... взаимодействия элементов системы» [Волов, Китаев, 2005: 231 — 232].

Значит, благодаря силе разумной воли субъекта познавательной деятельности формируется относительно новая система — текст. Относительность новизны объясняется тем, что система включает старые, уже известные элементы и привлекает, притягивает новые, путь функционирования которых можно лишь предполагать. Действительно, нельзя же сказать, войдут ли они в общий фонд знания в качестве вполне упорядоченных элементов или останутся за пределами системы, пополнив достаточно хаотичную среду. Кроме того, важно учесть, что хотя субъекты познавательной деятельности имеют одни и те же психические свой-

ства, но обладают ими либо как существенными, либо как несущественными, даже случайными. В этом можно видеть причину различного влияния тех или иных свойств субъекта коммуникации на формирование текста. По-видимому, можно считать, что в силу именно психологических особенностей разные авторы «выдвигают» в качестве актуальных и оставляют периферийными различные языковые единицы и категории текста.

Синергетический подход дает возможность охватить текст во всем его объеме, поскольку позволяет не подвергать специальному изучению единицы, периферийные как для основного содержания конкретного текста, так и для научного функционального стиля речи. И тем не менее учитывать их при объяснении научного текста, причем не как негативные явления, а как совершенно естественные для него, хотя и выполняющие специфическую функцию в данном тексте. Мы разделяем мнение о том, что синергетический подход к изучению научных текстов имеет большую объяснительную силу [Сулименко, 2007:3], поэтому далее обратимся к изложению — хотя и лаконичному — своего понимания этого вопроса.

Комплексный (трансдисциплинарный) подход обусловлен взаимодействием разнопорядковых систем, изучаемых в рамках различных смежных наук и научных направлений: лингвистики, лингвистической прагматики, когнитивной лингвистики, психолингвистики, психологии, психологии научного творчества, психологии понимания, теории научного познания, науковедения, истории наук и научных открытий, формальной и диалектической логики и др. Действительное взаимодействие разнопорядковых систем обеспечивается включением самого субъекта речи в парадигму научного мышления. Такое включение, в свою очередь, «привело к настоящей революции в понимании языка и общения на языке. Одним из завоеваний этой революции стала лингвистическая прагматика — наука об использовании языка в реальных процессах коммуникации» [Клюев, 2002:10]. Некоторые достижения в названных областях научного знания, объединенные нашим замыслом и целью объяснить те или иные речевые явления в научных текстах, способствуют созданию разнопланового (а хотелось бы — многомерного!) очерка стилистики научной речи.

Функционально-стилистический подход связан с изучением текстов, в которых зафиксирована научная речь, обеспечивающая письменную коммуникацию посредством научного функционального стиля в сфере научно-познавательной деятельности ученых. Поскольку функциональный стиль — это научное понятие, представляющее собой сложнейший конструкт, созданный специально для того, чтобы изучить «жизнь» языка в научно-коммуникативной сфере, то несомненно, что научный стиль проявляется в тек-

стах весьма вариативно. Вариативность, многообразие научных текстов объясняется их функцией обслуживания познавательно-коммуникативной деятельности ученого, а значит, их приспособлением к этой деятельности. Такая зависимость научной речи от экстралингвистической действительности с неизбежностью влечет за собой поиск аргументативной базы не только внутри самой лингвистики, но и за ее пределами. В качестве дополнительного к функционально-стилистическому обоснованию стилистики научной речи мы рассматриваем дискурсный анализ в разработке прежде всего отечественных ученых Ю. С. Степанова, Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой и др., учитывая концепции французских, английских, американских ученых М. Фуко, Т. А. ван Дейка, Г. Кука и др., однако в трактовке, уточненной М. Н. Кожинной, Е. А. Баженовой, В. Е. Чернявской, Н. Е. Сулименко и др.

В связи с этим введем некоторые ограничения к постановке вопросов, которые будут рассматриваться в учебном пособии.

1. Человек понимает не речь, не язык, а ту действительность, которая стоит за речью (Н. И. Жинкин). Научную речь можно трактовать как форму «сопротивления» действительности мысли, которая не только не зависит от формы, а даже сопротивляется «спокойному тождеству» с нею, пребывая в постоянных флуктуациях. Однако важно подчеркнуть, что эти флуктуации мысли все-таки представляют собой маргинальные явления, не нарушающие инвариантной стабильности функционирования языка в достаточно консервативной — по форме — сфере научной коммуникации. Консервативность же поддерживается преемственностью нового научного знания: и «сумасшедшие идеи» возникают на прочном фундаменте достигнутого знания, что требует экспликации связи старого и нового знания; в противном случае, как известно, новое знание не войдет в научный фонд, т. е. не будет развиваться, привлекая последователей. Именно преемственность, а также постепенность развития новых идей благодаря дополнительной их аргументации обеспечивают заполнение формально-логических «скачков» диалектическими связями тех или иных компонентов научного знания — «консервативных» и новых.

Естественно, что консервативность научной сферы коммуникации поддерживается в силу разных причин:

— языковые единицы, создаваемые для выражения нового знания, объединяются в достаточно устойчивую терминосистему текста;

— «строевые» элементы научного функционального стиля являются стереотипными;

— психологические свойства ученых характеризуются единством, а значит, повторяемостью проявления в процессе научного творчества.

В свою очередь динамический характер научного знания обеспечивается влиянием других, экстралингвистических, факторов:

— деятельная природа научного знания;

— открытость системы научного знания;

— определенная хаотичность мышления;

— та или иная степень как логичности, так и интуитивности индивидуального стиля мышления ученого.

Все эти компоненты научной творческой деятельности с неизбежностью требуют не только использования готовых, но и формирования новых языковых средств (в частности, терминов) и текстовых конструкций для реализации конструктивно-стилевых представлений автора о научном тексте.

2. Научный текст является средством коммуникации субъектов научной познавательной деятельности, причем «текст оказывается одновременно и результатом деятельности (автора), и материалом для деятельности (читателя-интерпретатора)» [Валгина, 2003:8]. Как отмечает Н. С. Валгина, такая «двунаправленность текста: на автора-создателя и на воспринимающего текст читателя... рождает множество проблем при попытке охарактеризовать текст всесторонне» [Там же].

Мы ставим задачу рассмотреть текст лишь с одной стороны — со стороны создателя, понимаемого как субъект речи-мысли, или автора с присущим ему стилем речемыслительной (когнитивной) деятельности. Кажется, что только такой ракурс рассмотрения научного текста как носителя (выразителя) когнитивного стиля ученого и соответствует предмету стилистики научной речи (а не грамматики, не структуры текста, не герменевтики либо теории текста).

В монографии, посвященной специальному исследованию когнитивных стилей, психолог М. А. Холодная представляет описание десяти когнитивных стилей, отмечая при этом, что «познавательные стили — обоюдоострый познавательный инструмент» [Холодная, 2004:322]: сформированность лишь одного определенного стиля может превратить личность в «человека в футляре», зато богатство стилового репертуара приводит к значительному расширению интеллектуальных возможностей. Иначе говоря, «человек со сформированным персональным стилем (комплексом когнитивных стилей. — М. К.) владеет всем арсеналом средств, которые проявляются в зависимости от целей его деятельности и требований сложившейся ситуации» [Там же].

3. Несмотря на достаточно широкий информационный фон, относящийся к основаниям научного функционального стиля, текста, его смысловой структуры, вопрос о стилях изложения знания является одним из основных в развиваемой концепции стилистики научной речи.

Хотя «в современной зарубежной и отечественной литературе можно встретить описание около двух десятков различных когнитивных стилей» [Холодная, 2004:45], мы обращаемся к анализу воздействия фактора «когнитивный стиль» лишь контурно и фрагментарно, с акцентом на доминирующих особенностях — в силу неразработанности данной проблемы в стилистике научной речи.

4. Типологические признаки научных текстов как носителей стилей изложения научного знания проявляются в зависимости от различных экстралингвистических факторов, действующих отнюдь не пропорционально. Объяснение воздействия тех или иных факторов можно соотнести с выявлением специфики научного дискурса, учитывая при этом, что «дискурс не может быть сведен к (функциональному. — М. К.) стилю» [Степанов, 1995:41]. Научный дискурс требует полипарадигмального анализа [Алексеева, Мишланова, 2002] как многоаспектная коммуникативная деятельность в социально значимых условиях человеческого взаимодействия. Представляется, что функционально-стилистический подход, учитывающий более обобщающую экстралингвистическую основу на высоком уровне отвлечения (абстрагирования) от конкретных текстов, в единстве с дискурсивным анализом совокупности текстов позволит объяснить наличие определенных стилей изложения научного знания.

Деятельностный подход. При изучении смысловой структуры письменной научной речи, или научного текста, несомненно, необходимо учитывать и вовлекать в процесс исследования те явления, которые лежат в разных плоскостях действительности, т. е. не только речь (текст), но и внелингвистический контекст. При этом контекст понимается как комплекс существенных факторов, оказывающих систематическое влияние на формирование речи (текста).

В философии вычлняются три основных элемента деятельности, выступающих в структурной связи: «...субъект, наделенный активностью и направляющий ее на объекты или на других субъектов; объект, на который направлена активность субъекта (точнее — субъектов); сама эта активность, выражающаяся в том или ином способе владения объектом субъектом или в установлении субъектом коммуникативного взаимодействия с другими» [Каган, 1974:45 — 46].

Деятельность субъекта, первоначально всегда внешняя и практическая, затем приобретает форму внутренней деятельности сознания. Сознание человека, по мнению А. Н. Леонтьева, «это не плоскость, даже не емкость, заполненная образами и процессами. Это и не связи отдельных его “единиц”, а внутреннее движение его образующих, включенное в общее движение деятельно-

сти, осуществляющей реальную жизнь индивида в обществе. *Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания* (курсив мой. — М. К.)» [Леонтьев, 1977:157]. Таким образом, деятельность присуща не только самому познавательному процессу, но уже основной его предпосылке — сознанию субъекта как специфически человеческому феномену.

Объект познания следует понимать также не «созерцательно», в статической форме, а отраженным в поле сознания субъекта в бесконечном процессе его познания. Имеющееся знание об объекте познания (содержательная предпосылка получения нового знания) становится «объектом активной исследовательской деятельности субъекта. Содержание знания само оказывается элементом деятельности» [Швырев, Юдин, 1980:22]. Пребывание объекта в состоянии бесконечного познания (познаваемости), а знания об объекте — постоянно изменяющемся позволяет расширить понятие деятельности на понимание знания как объекта познания, отраженного в сознании субъекта. Именно включенность знания об объекте в познание как деятельность позволяет считать знание необходимым в комплексе компонентов познавательно-коммуникативной деятельности субъекта.

Под инвариантным, а также эталонным, образцовым, текстом понимается не конкретный текст, а предпосылки к его созданию (языковое сознание, компетенция относительно научного текста), обусловленные практическим механизмом текстообразующей деятельности вообще, а также в пределах научного функционального стиля. Иначе говоря, имеется в виду способность субъекта к формированию научного текста и присущих ему специфических черт (обобщенно-отвлеченности, подчеркнутой логичности и др.) развертыванию его посредством различных композиционных приемов, реализуемых определенными языковыми средствами. Кстати, А. Н. Васильевой высказано интересное предположение (подкрепленное ссылками на некоторые наблюдения и обобщения отечественных и зарубежных исследователей) о том, что языковые, в том числе стилистические, средства «отпечатываются» в сознании, подчиняются каким-то динамическим комбинаторным моделям, имеющим инвариант и многочисленные варианты. И особенно важно то, что наличие их дает возможность относительно быстро и легко планировать высказывание (текст) в целом, заполняя матрицы целыми речевыми блоками [Васильева, 1983:6].

При этом особая полевая структура (в частности, наличие ядра и периферии) коммуникации и ее компонентов, отраженная в сознании субъекта, обеспечивает относительное единство построения научных текстов при их вариативности в определенных пределах.

В основе трактовки познавательного-коммуникативного поля лежат широко известные в языкознании концепции, разработанные относительно единиц разных уровней языковой системы (см. обзор литературы и библиографию в работах: [Шур, 1974; Бондарко, 1976, 1978, 1984; и др.]). В этих концепциях наиболее ценными для стилистики научной речи являются следующие характеристики поля, относящиеся к содержанию, структуре и функции интерпретируемых групп языковых единиц: 1) двусторонний характер поля, имеющего план содержания и план выражения; 2) инвариантность структуры смысловых компонентов поля, представленной общим значением, объединяющим два и более частных; 3) наличие ядра и периферии поля как в плане содержания, так и в плане выражения; 4) наличие общей семантической функции поля.

Полевой подход к изучению научного текста позволяет:

– соотнести принцип диффузности, нерасчлененности предмета и свойства, предмета и действия и т.д. с объяснительным принципом единства аналитико-синтезирующей познавательной деятельности;

– объединить связанное: так, например, все смысловые либо формальные компоненты пребывают в парадигматических и синтагматических связях;

– увидеть главное, актуальное для коммуникативного процесса в целом либо для отдельных составляющих этого процесса, и периферийное, но «жизненно» необходимое для формирования текста; при этом главное, ядерное активно функционирует, распространяя влияние на весь познавательный процесс (единичное, «точечное» проявление чего-либо не свидетельствует о принадлежности к ядру);

– выявить действие закона притяжения элементов, локализовать, собрать, объединить отдельные языковые явления на функционально-семантической основе; например, стилистико-текстовые категории формируются на основе грамматических функционально-семантических категорий, описанных в функциональной грамматике;

– выявить действие закона умножения количества и усиления качества познаваемых явлений;

– установить единство не только явных противоположностей, но и единство противоположностей относительных, асимметричных; например: не притяжение — отталкивание, но притяжение — рассеяние; не усиление — ослабление, но усиление одних компонентов — появление, возникновение других, слабых, компонентов;

– в целом актуализировать волю исследователя и определить зависимость полевой понятийной структуры от его точки зрения.

Познавательное-коммуникативное поле можно рассматривать как систему частных смыслов (представленных в научном тексте

субтекстами — особыми комплексами языковых и текстовых единиц; подробное описание концепции политекстуальности см.: [Баженова, 2001]; а) обусловленных познавательной деятельностью субъекта по отношению к объекту, зафиксированной в тексте как в статике, так и в динамике; б) различающихся эпистемическим (научно-познавательным) содержанием; в) на функциональной (эпистемической) основе объединяющих определенные совокупности единиц всех уровней языка; г) характеризующихся ядерно-периферийным принципом организации этих единиц.

Подходя к речевому познавательному-коммуникативному полю с позиций синтезирующей деятельности (комплексно), следует подчеркнуть, что его объединяет *эпистемическая функция* — выражение всеми использованными в тексте языковыми средствами именно научного знания. Рассматривая речевое поле научного текста аналитически, необходимо отметить, что языковые средства — при меньшей степени обобщения — имеют частные значения, на основании которых формируются частные поля (субтексты), функционирующие в познавательном-коммуникативном поле.

На определенном уровне обобщения реальных текстов (точнее, абстрагирования от них) отмечается инвариантность (наличие общего значения) тех или иных комплексов языковых и текстовых единиц. Как известно, задачей любой науки является установление общих свойств и функций групп элементов, что «приводит к возрастанию роли принципа инвариантности и категории поля, которое может рассматриваться как способ существования элементов, а принцип инвариантности — как гносеологический принцип» [Шур, 1974:176].

Наряду с принципом инвариантности поля необходимо подчеркнуть роль его функциональности. Благодаря принципу функциональности частные поля (субтексты) могут взаимодействовать не посредством жесткой связи всех элементов одного поля со всеми элементами другого поля, а посредством сопряжения отдельных элементов одного поля с отдельными же элементами другого поля либо с другой подструктурой в целом, т.е. могут выполнять общую функцию «своего» поля.

Для примера приведем выражение оценки собственной, авторской, концепции. Новизна данной концепции, эксплицированная в аннотации, предисловии или введении, может не подчеркиваться в основном тексте специальными средствами. Читатель же распространит эксплицированную оценку на концепцию в целом. Поскольку при изложении нового автор с необходимостью использует и старое, известное, знание, то общая оценка новизны, естественно, охватывает не все содержание текста, а лишь наиболее важные, ключевые положения. Однако оценка именно

ключевых положений (как новых) и распространяется на все познавательное-коммуникативное поле текста.

Познавательное-коммуникативное поле как исследовательский конструкт характеризуется ядерно-периферийной структурой. Как известно, ядро и периферия присущи также группам языковых элементов, объединенных в функционально-семантические поля, описанные в функциональной грамматике. Существенное отличие речевого поля от полей собственно языковой системы заключается в динамичности ядра речевого поля в связи с коммуникативной установкой автора. Динамичное ядро неизбежно реализуется посредством широкого выражения в тексте, в то время как менее динамичное — эксплицируется в меньшей мере.

Так, в жанре монографии обычно излагается новое для научного сообщества знание. Ядро поля оценки нового знания в плане достоверности в текстах этого жанра весьма динамично, поскольку может включать либо сомнение в достоверности, либо уверенность в его достоверности, либо убежденность, т.е. высшую степень уверенности. Ядро поля оценки в текстах традиционных учебников, в которых обычно фиксируется знание «устоявшееся», бесспорное, менее динамично и включает лишь констатацию факта как свидетельство высшей степени уверенности в достоверности знания. В соответствии с этим в учебниках употребляются преимущественно языковые единицы со значением констатации факта. Однако формирование в тексте познавательного-коммуникативного поля в соответствии с коммуникативной установкой автора тесно связано с дифференциацией и взаимодействием функционально-стилистического и дискурсивного подходов к научному тексту. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Дискурсивно-стилистический подход. Обратимся к понятию *дискурс*. Признавая значительный вклад теории дискурса и дискурсивного анализа в исследование текста, тем не менее напомним, что многие положения, разработанные в рамках этого направления, были сформулированы и получили эмпирическое и теоретическое обоснование в функциональной стилистике.

Действительно, термин *дискурс* — начиная с 90-х гг. XX в. — стал обозначать «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте», «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова, 1990:136—137], поскольку текст сохраняет связь с процессом его создания автором и ориентирован на восприятие его читателем. (Кстати, такая двунаправленность текста позволила В. А. Шаймиеву выявить два соотносенных друг с другом признака научного текста — дискурсивность и метадискурсивность, причем последняя понимается как «лингвистическое проявление в тексте стремления автора обеспе-

чить адекватное восприятие читателем содержания текста научного произведения» — [Шаймиев, 2001:492].)

Согласимся с утверждением Е. О. Менджерички о том, что «термин “дискурс” в современной лингвистике приобрел множество новых интерпретаций ввиду его переосмысления в свете тенденций к междисциплинарному рассмотрению языка». Вместе с тем благодаря когнитивному подходу, который является основой дискурсивного анализа, понятие *дискурс* позволяет «объединить, интегрировать различные аспекты лингвистического анализа с целью рассмотрения текста во всей его полноте и целостности» [Там же: 53].

В современной лингвистике утвердилось мнение, что «дискурс — более широкое понятие, чем текст» [Кибрик, Плунгян, 1997:307]. Текст является «детиском дискурса» (Е. С. Кубрякова) и представляет собой результат процесса письменной речи, завершенное произведение, рожденное в ходе дискурса и имеющее свои «коммуникативные векторы» [Каменская, 1990]. Отсюда ясно, что к исследованию и текста, и дискурса применимы (могут быть применены) общие подходы.

В связи с этим вполне можно принять мнение Т. В. Дроздовой о том, что «не следует проводить жесткой границы между текстом и дискурсом» [Дроздова, 2003:66], что у этих двух понятий, наряду с противоположными свойствами, есть также ряд сходных характеристик, позволяющих применять отдельные положения дискурсивного анализа к анализу текста. К таким положениям прежде всего относится необходимость выхода за пределы самого письменного произведения.

Функциональная стилистика последовательно придерживалась этого важнейшего принципа на протяжении всей своей истории: и когда анализировались преимущественно дотекстовые единицы, и, тем более, когда центральным объектом исследования стал собственно текст, а не материал для извлечения и построения модели системы языка. Это говорит о том, что предметом исследования в функциональной стилистике фактически была и остается именно дискурсивная деятельность, зафиксированная («определенная») в тексте и понимаемая как речемыслительная деятельность, которая осуществляется средствами языка.

В связи с разделяемым нами именно таким пониманием основного принципа функциональной стилистики считаем не совсем логичным следующий вывод Ю. С. Степанова: «Дискурс не может быть сведен к стилю. И именно поэтому стилистический подход, создание стилистики как особой дисциплины в рамках изучения данного языка, — в настоящее время уже не является адекватным» [Степанов, 1995:41]. Алогизм здесь очевиден: утверждению о предмете (дискурс и стиль различаются) противопоставляется оценка

(создание стилистики уже не является адекватным) — налицо подмена понятий.

На этом фоне отметим интересный подход Н. Е. Сулименко к разграничению основных понятий функциональной стилистики и дискурсивного анализа — *функциональный стиль* и *дискурс*. Привлекательна ясность и убедительность трактовки основания, по которому дифференцируются эти понятия: «...понятие (дискурса) не отменяет понятие стиля ни онтологически, ни как исследовательского конструкта, определяющего принципы отбора и употребления языковых средств с учетом комплекса функциональных, социальных факторов. Однако нужно отдавать себе отчет в том, что дискурс может быть выделен и описан по любому (а не только коммуникативному) основанию, имеющему значимость для человеческого поведения, культуры, жизни: медицинский дискурс, эмотивный дискурс, сентенционный дискурс, гендерный дискурс, поведенческий дискурс (животных и человека), экологический дискурс и т. д., которые напрямую не связываются ни с одним функциональным стилем» [Сулименко, 2007:95]. Такая трактовка понятий *функциональный стиль* и *дискурс* позволяет уточнить их логические отношения в качестве не просто дополнительности, но с учетом когнитивного и коммуникативного основания — как отношения пересечения и наложения.

Вопрос о соотношении дискурсивного анализа и функциональной стилистики впервые был поставлен и внимательно рассмотрен М. Н. Кожинной (2004). Не отождествляя этих направлений современной лингвистики, М. Н. Кожина в то же время подчеркивает, что они очень близки между собой, поскольку оба реализуют «речеведческий аспект теории языка» [Кожина, 2004:29]. Сходство дискурсивной теории (в ее французском варианте) с отечественной теорией функциональной стилистики заключается в наличии общих признаков ключевого понятия каждой из теорий. В литературе отмечается, что термин «дискурс» употреблялся первоначально, в 70-х годах XX в., В. В. Виноградовым, Г. О. Винокуром и др. в значении, близком термину функциональный стиль [Дроздова, 2003:64—65]. Как считает Е. А. Баженова, общность методологических принципов дискурсивного и функционально-стилистического анализа «может рассматриваться как основание для их объединения и исследования текста с позиций дискурсивно-стилистической парадигмы» [Баженова, 2005:320].

Дискурсивная составляющая этой парадигмы позволяет учесть структуру познавательной деятельности и ее результата — научного знания, а также структуру речевого акта с присущими ему признаками взаимодействия коммуникантов. Функционально-стилистическая составляющая позволяет выявить способы представления специфически научных смыслов, а также определить

языковые и текстовые единицы, специально употребляемые для выражения интеллектуальной информации.

В целом дискурсивно-стилистический подход к научному тексту связан с решением вопроса о том, каким образом различные познавательные-коммуникативные процессы (в их широком экстралингвистическом контексте) отражаются в языковой и смысловой организации текста, обуславливая его стилевую специфику. Можно сказать, что структурно-смысловый пейзаж текста формируется в единстве формы и содержания. Это значит, что многомерное содержание произведения обусловлено комплексом сильнотенсивных факторов и потому представляет собой типовую организацию текста, отражающую типовое содержание, подчиненное авторскому замыслу.

В работах по функциональной стилистике принимается за бесспорное следующее утверждение: адекватное описание смысловой структуры текста возможно лишь при условии, если экстралингвистические факторы, внешние по отношению к текстообразованию, понимаются как внутренние, преобразованные в результате взаимодействия с конкретным содержанием текста.

Это положение, одно из важнейших в концепции М. Н. Кожинной, развивается при моделировании и описании смысловой структуры целого научно-речевого произведения. «Первый уровень структуры представлен смыслом весьма высокой степени абстракции, который формируется благодаря воплощению в тексте таких общих свойств научного мышления, как отвлеченно-обобщенность, логичность, целостность. Второй уровень составляют собственно эпистемические явления, запечатлеваемые в содержательно-композиционной стороне текста, — эмпирический и теоретический этапы познавательной деятельности ученого, рациональный и интуитивный пути познания, формы знания как продукта познавательной деятельности и др. И лишь третий уровень, соотносящийся с более низкой степенью абстрагирования от конкретной эпистемической (научно-познавательной) ситуации представляет собой “реализацию авторского замысла”» [Салимовский, 2005:31]. Значит, третий уровень смысловой структуры научного текста связан с человеком, целенаправленно формирующим стиль изложения научного знания. В свою очередь, мысль исследователя, благодаря ее способности выявлять, анализировать, аргументировать, трактовать, сравнивать, объяснять и т. д., в одном и том же тексте найдет основания (и средства аргументации наличия этих оснований) постановки и решения проблем на разных уровнях абстрагирования.

Плодотворной представляется трактовка В. Е. Чернявской дискурса как лингвистической категории, открывающей новый тек-

стовый признак — его дискурсивность. Важно, что «дискурс — это принципиально открытая система, это совокупности тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены так или иначе к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но в комплексном взаимодействии многих текстов» [Чернявская, 2007:9]. При таком понимании вполне убедительным представляется обобщение автора: «... дискурс обозначает то коммуникативное пространство, в котором возможно взаимодействие определенных типов текста, следовательно, в сферу притяжения дискурса включается не одно коммуникативное событие, но целый их комплекс. Только и именно в дискурсе ясно, что такое завершенность отдельного текста, существующего внутри дискурса» [Там же]. Очевидно, что «дискурсивность означает понимание текста не как изолированной единицы, но как составной части метатекстового единства...» [Там же:8]. Это единство — дискурс — понимается как «рамка», соотносящая текст с определенными знаниями, моделями его создания и восприятия, а также с другими, тематически близкими текстами.

Таким образом, функционально-стилистический анализ научных текстов, их обобщенных свойств, а также характеристик, присущих текстам с типовым — научно-познавательным — содержанием, вполне может, а на данном этапе развития гуманитарной науки даже должен быть дополнен, углублен, расширен за счет дискурсивного анализа текста. Вместе с тем изучение текста, специально ориентированное на дискурсивный анализ, с учетом конкретных социальных и психологических особенностей автора, понимаемого как субъект познавательной-коммуникативной деятельности, также может быть дополнено, расширено, обобщено за счет функционально-стилистического анализа.

Категориальный подход. *Категория* — это научное понятие, выражающее наиболее общие свойства и связи явлений действительности, представляющее собой одно из исходных понятий, которые не определяются через понятия лингвистической теории. Поэтому применительно к базовым строевым единицам языка лингвисты пользуются производными научными терминами «грамматическая категория», «морфологическая категория», «синтаксическая категория», которые конкретизируют понятие категории в отношении его содержания и формы, однако лишь в системно-структурном, а не функциональном аспекте исследования языка.

В современном языкознании активно разрабатывается онома-сиологический (от содержания к форме) аспект функционального подхода к изучению грамматических категорий. Именно такой подход оказался созвучным современной функциональной сти-

листике, поскольку он «стирает грани между уровнями языка, показывая, как средства разных уровней дополняют друг друга и взаимодействуют друг с другом при выражении определенных значений» [Гак, 1985:14]. В рамках этого подхода важнейшую роль сыграли прежде всего исследования А. В. Бондарко, посвященные проблеме функционально-семантических полей. Система разноуровневых средств языка, объединенных на функционально-семантической основе, получила статус самостоятельного объекта — идеализированного, но сохраняющего связь с языковой реальностью. Этот объект имеет специфические свойства, структуру, функцию и т. п. и носит название *функционально-семантической категории* (ФСК). Акцент на структурном компоненте получил отражение в синонимичном термине «*функционально-семантическое поле*» (ФСП), закрепляющем ядерно-периферийную организацию объекта.

В функциональной грамматике ставится задача разработки проблем семантики, требующих внимания к различным аспектам системности. Речь идет о системном анализе семантических категорий и единиц, семантического содержания высказывания и целого текста. При таком подходе к фактам языка и речи, по мнению А. В. Бондарко, «функциональное направление лингвистических исследований по существу становится системно-функциональным... На современном этапе “движения по спирали” результаты семантических исследований требуют поисков нового в теории системности — системности, охватывающей всю сферу выражаемого содержания и его языковой интерпретации» [Бондарко, 2003:7, 9].

В функционально-стилистической разработке понятия категории термин «ФСП» интерпретируется в соответствии с расширением объекта исследования на основе реального функционирования языка — языковой системы в целом, т. е. с учетом реализации коммуникативной функции языка. Расширение объекта исследования сопровождается изменением трактовки терминов «функция», «функционирование». Это изменение зафиксировано посредством компонента «стилистическая» в номинации категорий — «*функциональная семантико-стилистическая категория*» (ФССК). Ориентация на другой компонент понятия приводит к существенной перестройке организующего принципа категории, связанной с «перемещением» познавательного фокуса от грамматического центра к коммуникативному.

Обобщенно можно сказать, что в функциональной стилистике та или иная ФССК понимается как функциональная система языковых средств (различных языковых уровней), связанных между собой в текстах определенной сферы общения на основе выполнения ими единого коммуникативного задания, т. е. связанных функционально-стилистически.

Широта, неопределенность компонента «функциональный», входящего в понятие ФССК, позволяет изменять лингвистический ракурс рассмотрения категорий. Так, усиление коммуникативного, в частности текстологического, аспекта подчеркивается термином «текстовая категория». Этот аспект — на стыке функциональной стилистики и лингвистики текста — позволяет осуществить сдвиг фокуса внимания исследователя на конкретный текст (в отличие от типа текстов при функционально-стилистическом анализе), в котором наибольший удельный вес получают комбинаторика единиц с определенным значением и распределение (плотность) их на текстовом пространстве.

Содержание понятий ФССК и текстовой категории подвижно, динамично, «переливчато». И это объясняется не только разнообразием конкретного языкового материала, но и различием подходов к функционированию языка — с акцентом либо на структурно-семантической, либо на функционально-семантической, либо на коммуникативной стороне тех или иных единиц. Естественно поэтому, что ФССК считается категорией текстовой, однако особого типа. При этом исследователи аргументируют особое положение разрабатываемых категорий. Назовем некоторые категории.

Категория диалогичности [Кожина, 1986] понимается, с одной стороны, как фундаментальное свойство речи вообще, как всеобщий ее признак, речевая реализация коммуникативной функции языка. При таком самом широком понимании диалогичности в тексте «вся организация речи (речевая системность), все языковые ее средства реализуют диалогичность» [Там же]. С другой стороны, М. Н. Кожина рассматривает ее как текстовую категорию, поскольку в письменной (научной) речи формируются специальные средства и способы выражения мысли, выступающие в функции диалогичности. Наконец, автор называет и такой уровень выражения диалогичности в письменной речи, как отражение особенностей, черт собственно устного диалога (чужая речь, цитация).

Особое положение среди ФССК занимает *функциональная семантико-стилистическая категория акцентности* [Иванова, 1988]. Отличие связано с социолингвистическим пониманием термина «функция», с учетом экстралингвистической действительности.

На абстракцию весьма широкого характера (подобную коммуникативной функции языка) — понятие антропоцентризма языка — опирается также многоаспектная, многоуровневая, разномасштабная *категория «точка зрения»*. Эта категория (не только общелингвистическая, но и общечеловеческая), по В. Г. Байкову, есть «универсальная функционально-семантическая категория,

формы которой отмечены как антропогенные элементы языка в его строе и семантике..., а также содержатся в фоновых знаниях и используются во вторичных знаковых системах для достижения поэтического эффекта» [Байков, 1990:7].

Весьма своеобразное место в концептуальном пространстве когнитивных категорий занимает *категория аргументации* как «комплекс вербально реализованных когнитивных процедур обработки знания, приводящих к изменению его статуса в модели мира адресата» [Баранов, 1990:41]. Существенно, что, по наблюдениям А. Н. Баранова, аргументация — за исключением отдельных лексических единиц — не имеет языковых аналогов, непосредственно предназначенных для выражения аргументативных смыслов. Поэтому фактически можно учитывать лишь «совместность когнитивного содержания аргументации с планом содержания соответствующих языковых выражений» [Там же].

Несомненный интерес представляет категория, выдвинутая в современной стилистике художественной речи и получившая название «*стилистический эффект*», понимаемый как динамическая категория, которую по существу можно считать когнитивно-психологической стилистической категорией. Л. Г. Лузина подчеркивает, что стилистический эффект не может быть рассмотрен как свойство текста и не может быть понят сам по себе: «...эффект воздействия, как правило, связан с человеческими эмоциями, мыслительной деятельностью, человеческими установлениями, социокультурными нормами и другими явлениями, которые не имеют внутренне присущих им границ... Стилистический эффект в ситуации чтения объясняется, по-видимому, взаимодействием когнитивных и социально-психологических факторов» [Лузина, 1990:87].

По-видимому, стилистический эффект можно рассматривать именно в качестве функционально-стилистической категории, задающей программу когнитивно-речевой деятельности в разных сферах общения. Когнитивно-психологический характер этой категории позволяет соотнести ее, применительно к научной речи, с категорией понимания как «раскодирования» научных смыслов.

Различие подходов к изучению функционирования языка обусловлено активным сотрудничеством науки о языке с другими когнитивными науками, а также с общей теорией систем, общей теорией симметрии и др. Такое сотрудничество обогащает концептуальное содержание понятия «категория» в новом для лингвистики направлении.

Так, Н. Л. Мышкина посредством синтеза различных системных подходов разрабатывает комплексный многоаспектный метод исследования текста (на материале художественных произведений) как динамической системы — метод, включающий анализ

общетекстовых категорий и их функций. В концепции автора фундаментальной, сущностной текстовой категорией является *категория динамической системности*, по своей значимости для текста сопоставимая только с категорией предикативности — важнейшей в теории предложения. По мнению Н. Л. Мышкиной, описать динамическую системность — это значит описать движение системы в устойчивых и хаотических линиях развития. Такой подход обусловлен тем, что целесообразное поведение системы представляет собой лишь один из аспектов движения текстовой системы и, следовательно, категории динамической системности. Другую, не менее важную сторону этой сложной категории автор определяет как неупорядоченность текста, его хаотичность, асимметричность [Мышкина, 1991:76—77].

Динамику содержания понятия «категория» можно представить так: единство значения и средств его выражения → единство функционального потенциала разнородных единиц (ФСП — в функциональной грамматике) в языке как системно-структурном образовании → единство функционального потенциала разнородных единиц (ФССК) в языке как системно-функциональном образовании → «текстовая категория» с определенной коммуникативной установкой → когнитивно-психологическая стилистическая категория → категория речевой системности → категория динамической системности ...

Содержание понятия «категория» обусловлено также значением компонента «функция», «функционирование», «среда функционирования» по отношению к субстанции категории, различаемой как языковая единица → предложение как наименьшая коммуникативная единица языковой системы → высказывание как наименьшая коммуникативная единица речи → текст (фиксированная речь) как сложноорганизованная коммуникативная система → сфера коммуникативной деятельности.

Выявляя пути разработки, изменения содержания понятия «категория», мы ясно видим стремление исследователей не только к расширению содержания, но и к его теоретическому осмыслению. Как пишет Н. К. Рябцева, «этот процесс трехступенчат: число однородных изучаемых объектов (явлений) ситуаций принимается бесконечным (экстраполяция); это множество трактуется как единство (обобщение); такое мыслимое единство наделяется свойствами класса и подкласса (абстрагирование) от нерелевантных свойств» [Рябцева, 1989:248]. Переход от эмпирического понятия к теоретическому отражается в терминах, в частности: 1) грамматическая категория лица/числа/рода...; 2) функционально-семантическая категория локальности/темпоральности/аспектуальности...; 3) функциональная семантико-стилистическая категория диалогичности/акцентности/гипотетичности...; 4) динами-

ческая интерактивная категория «стилистический эффект»...; 5) категория динамической системности...

Последняя, несомненно, как бы не «вписывается» в плавное движение к теоретизации, поскольку экстраполяция, обобщение и абстрагирование здесь совершают «скачок», «вырываются» в весьма объемное когнитивное пространство. Представляется, однако, что именно такой дискретный ряд частных категорий, закрепленных в данных терминах, свидетельствует о развитии, естественно, не всегда логически четком, содержания понятия «категория».

Существенно подчеркнуть, что при синтезе содержания понятия «категория» проявляются два противоположно направленных процесса — интеграция и дифференциация. Интеграция в данном случае заключается в том, что для уточнения содержания категории мы обращаемся к данным не только традиционной лингвистики, но и опираемся (т.е. используем в качестве фонового знания) на философские представления о категории. Дифференциация же проявляется в приспособлении этих представлений к функционально-стилевой специфике языкового материала.

Итак, термин «категория» сохраняет основной признак — композитивность, что отвечает композитивности целого текста. Текст как целостное речевое произведение формируется и существует как некая композиция языковых единиц — результат речевого развертывания мысли говорящего, направленной на решение его внеречевой задачи.

Основу для категориально-стилистического анализа текста предоставила лингвистика с ее вниманием к глобальным категориям текстообразования: целостности (когерентности), связности (когезии), завершенности, отдельности, которые в совокупности образуют грамматику текста, а также категории информации, сопоставимой с семантикой текста. Эта проблематика нашла отражение в работах И. В. Арнольд, М. П. Брандес, И. Р. Гальперина, О. И. Москальской, Э. Г. Ризель, Е. И. Шендельс и др. Особенно большой научный интерес вызвала монография И. Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования», в которой поставлена задача описать интуитивно осознаваемые признаки текста, возвести их в ранг категорий и показать их взаимообусловленность. Монография высветила общую неразработанность поставленной масштабной задачи и вызвала критическое осмысление проблем текстового структурирования [Новиков, 1983].

В дальнейшем на этой базе возникают более строгие классификации текстовых категорий: З. Я. Тураева дает их истолкование как понятийных универсалий, предлагает деление категорий на структурные и содержательные, утверждает двухплановый (с планом выражения и планом содержания) характер каждой категории, рассматривает средства их выражения [Тураева, 1994]. Ста-

новлению категориально-текстовой концепции способствовало понимание Е. В. Сидоровым текста как совокупности системно-деятельностных текстовых категорий [Сидоров, 1986]. Нельзя не согласиться с Т. В. Матвеевой в том, что «акцент на деятельностной стороне текста и его категорий принципиально меняет характер текстового анализа» [Матвеева, 1997:189] и приводит к осмыслению текстовой категории как объективного свойства текста.

Данный подход в области лингвистики текста вполне согласуется с категориально-стилистической трактовкой текста, сформировавшейся в пределах функциональной стилистики к концу восьмидесятых годов. К этому времени М. Н. Кожинной обосновано теоретическое понятие «функционально-семантической стилистической категории» (ФССК) в его сходстве и различии со смежными понятиями «функционально-семантическая категория» и «текстовая категория» [Кожина, 1987, 1989]. С учетом экстралингвистических стилеобразующих факторов, в том числе познавательно-коммуникативной деятельности ученого, разрабатывается ряд категорий: ФССК преемственности и формирования знания [Баженова, 1987], акцентности [Иванова, 1988], гипотетичности [Бедрина, 1993] и др. Доказано, что на категориальной основе могут решаться вопросы текстового отражения мыслительной деятельности автора текста.

Усилиями многих ученых утверждается категориально-стилистическое представление текста как единицы общения. Почти все категории: категория субъектности (субъекта речи, авторизации), оценочности, тональности (текстовой модальности, субъективной модальности), текстового пространства и времени, темы, композиции, адресата — получили функционально-стилевую интерпретацию.

По мнению Т. В. Матвеевой, внесшей значительный вклад в разработку текстовых категорий в аспекте функциональных стилей, «это направление, безусловно, получит дальнейшее развитие» [Матвеева, 1997:190]. Прежде всего необходим учет следующих четырех факторов: 1) отбор элементов категории из общеязыкового и общеречевого фонда; 2) частотная представленность отобранных элементов; 3) их комбинаторика; 4) размещение относительно композиционных частей целого текста. Кроме того, должна учитываться структурная типология текстовых категорий, опирающаяся на степень сложности элементов и характер их взаимосвязи. Элементом категории может выступать как минимальная двуплановая единица языка/речи (слово, морфема и др.), так и более сложная единица, вплоть до микротекста (заголовки, введение и др.). Т. В. Матвеева предлагает различать три структурных типа категорий: 1) линейные, представляемые в тексте последо-

вательным рядом однотипных языковых единиц; 2) полевые, представляемые неравномерно распределенным в тексте набором языковых средств разных уровней; 3) объемные, элементами которых выступают речевые структуры различного рода [Матвеева, 1990, 1992 и др.].

В настоящее время число выделяемых категорий велико и постепенно умножается. В связи с разными подходами к изучению и интерпретации свойств текста в качестве категорий, а также различной степенью разработанности тех или иных категорий пока невозможно представить единый алгоритм их анализа. Этим обусловлена неизбежная фрагментарность описания рассмотренных ниже категорий (см. главу 4).

Задачи стилистики научной речи

Ограничение круга задач стилистики научной речи соотносится с их отбором. Рассмотренные выше подходы к изучению научной речи позволяют сформировать проблемное поле дисциплины, акцентируя первостепенные (ядерные) задачи, которые должны быть конструктивно решены с учетом современного состояния научного знания в области именно функциональной стилистики русского языка. К ним относятся прежде всего определение статуса и специфики научного функционального стиля. Найденный еще в 60-х годах XX в. путь решения этой задачи оказался весьма перспективным благодаря выдвижению и разработке принципа единства лингвистического и экстралингвистического в речи, а также определению комплекса экстралингвистических стилеобразующих факторов, наконец, лингвостатистической обработке обширного текстового материала по «методу срезов» [Кожина, 1968, 1970] в отношении лексико-грамматических и морфологических характеристик текстов, представляющих научный стиль речи.

Надо сказать, что наиболее яркая, очевидная особенность научной речи — употребление терминов — сначала привлекла внимание не лингвистов, а ученых в области естественных наук. Из наблюдений над формированием терминов появилось и бурно развилось особое научное направление — терминоведение (см. литературу вопроса: [Татаринов, 1906; Лейчик, 1990; Алексева, 1998] и др.), посвященное проблемам становления и развития частных терминосистем. Это направление тесно связано со смежным — языком для специальных целей (В. М. Лейчик, А. И. Комарова и др.).

Можно считать, что описание научного стиля на современном теоретическом фундаменте выполнено: определен предмет дис-

циплины, дана характеристика основных лингвистических параметров научных текстов (языковых единиц разных уровней, функционально-семантических и текстовых категорий). Все это зафиксировано в литературе (чем и обусловлен достаточно объемный библиографический список, приведенный в учебном пособии). Для ознакомления с историей формирования стилистики научной речи представлен очерк «Стилистика научной речи в XX веке» (см. главу 2).

Вместе с тем становление и развитие ряда наук, сформировавшихся в результате дифференциации и интеграции научного знания, привели к расширению проблемного поля стилистики научной речи за счет, может быть, факультативных, периферийных задач (по отношению к основной), тем не менее весьма важных для дальнейшего изучения научной речи. Так, деятельностный подход к научному тексту, основанный на эпистемической трактовке его типового содержания — знания как продукта научно-познавательной деятельности, позволил выявить минимальную единицу смысла — эпистемическую ситуацию [Котюрова, 1988]. Естественно, что практическая задача обучения научному стилю речи неизбежно требует сформировать «гардероб» для презентации этой единицы в научном тексте [Баженова, 2001].

Научной речи присущи такие специфические свойства, как отвлеченно-обобщенность, диалогичность, гипотетичность и др. [Кожина, 1970; 1986 и др.]. В предварительном плане выявлено большое количество (около двадцати) смысловых, структурных, композиционных особенностей научной речи (текстов); эти особенности рассмотрены в литературе с разной степенью полноты и с различных теоретических позиций — в силу необычайной сложности экстралингвистической основы научной речи. Отбор характеристик научной речи с целью описания в данном пособии осуществлен с учетом доступной для студентов литературы по данному вопросу; в частности, в учебнике М. Н. Кожинной «Стилистика русского языка» (издание четвертое. — М., 2008) превосходно рассмотрены отвлеченно-обобщенность и понятийность научной речи. Поэтому в «Стилистике научной речи» этот вопрос минимизирован и предпочтение отдано связности, логичности, точности речи и плотности содержания научного текста (см. главу 4).

Стилистика научной речи строится на основе некоторых взаимосвязанных положений таких областей знания, как синергетика, эпистемология, психология, лингвистика, функциональная стилистика, а также психология научного творчества, когнитивная лингвистика, лингвистика текста и другие смежные научные направления.

Такая познавательная ситуация обуславливает (и обеспечивает) не только описательный, но и объяснительный характер этой

дисциплины. Причем описательно-лингвистический компонент стилистики неизбежно дополняется, сопровождается объяснением особенностей того или иного стиля изложения — объяснением по возможности все более углубленным по мере проникновения в познавательные тайны содержания речи, а также когнитивный (познавательный) стиль ученого как автора текста.

Объяснительный компонент стилистики простирается до индивидуального стиля речи автора-ученого. Целый ряд работ, посвященных вопросу об индивидуальных особенностях письменной научной речи (А. С. Архангельская, М. М. Ляховицер, О. Э. Мандельштам, Р. К. Терешкина и др.), говорит о том, что в научных текстах с необходимостью используются такие языковые единицы, которые соответствуют стремлению воздействовать на читателя. Тем не менее в научной речи эти экспрессивные элементы являются сугубо вариативными и не составляют ее категориальной инвариантной основы [Комарова, 2004:56], хотя, несомненно, придают особый колорит тексту, в определенной мере выражая индивидуальность мышления и речи ученого.

Речевая индивидуальность ученого действительно проявляется в научных текстах, причем в пределах научного функционального стиля, т.е. в отношении типичных стилевых черт, но либо в сторону их усиления, либо в сторону ослабления. Дискурсивно-стилистикальный подход к проблеме речевой индивидуальности ученого предполагает ее решение посредством изучения особенностей научных текстов, связанных с выражением доминирующих текстовых категорий.

Актуальность практической задачи овладения научным стилем изложения, а также отсутствие технологии формирования такого стиля речи, который соответствовал бы определенному научному содержанию, обуславливают наше обращение к разработке комплексного объяснительного подхода к редактированию научных текстов (см. главу 6), т.е. их совершенствованию самим автором или профессиональным редактором при подготовке к публикации. Эта глава имеет целью посылить содействовать воспитанию «речевой чувствительности» автора, редактора, читателя текстов научных трудов.

ОСНОВНЫЕ ТЕРМИНЫ И ПОНЯТИЯ СТИЛИСТИКИ НАУЧНОЙ РЕЧИ

Текст, научный текст, широкий контекст

Речь ученого как результат коммуникативно-познавательной деятельности проявляется в устной форме или зафиксирована в текстах. В лингвистике нет однозначного и общепринятого определения текста, что обусловлено сложностью и многоплановостью самого объекта, который в разных речеведческих дисциплинах и направлениях изучается с разных точек зрения.

Изучение текста осуществляется лингвистикой текста [Тураева, 1994], стилистикой текста [Одинцов, 1980; Солганик, 2006], грамматикой текста [Москальская, 1981], коммуникативной лингвистикой [Гвенцадзе, 1986] и, наконец, теорией текста [Валгина, 2003]. Наличие этих направлений по существу свидетельствует не столько об интересе к тексту, но и о сложности этого лингвистического феномена; передвижение фокуса рассмотрения текста приводит к значительным изменениям в его интерпретации.

Наиболее распространены три понимания термина «текст»:

- 1) как высший уровень языковой системы (собственно лингвистический аспект), когда текст рассматривается как единица языковой системы; 2) как область функционирования языка, его использование в речи, т.е. как единица речи (что и позволяет нам использовать номинации 'речь' и 'текст' в качестве синонимов); 3) как единица общения, обладающая относительной смысловой завершенностью, предназначенная для передачи замысла в процессе общения посредством текстов.

В настоящее время ситуация в лингвистике (и науках, изучающих язык человека в процессе его деятельности и общения) такова, что исследователи нередко заимствуют те или иные понятия, определения, подходы и иногда объединяют их без необходимости» [Тураева, 1994:109, 105]. Как видим, такое понимание текстовых уточнений. В связи с этим представляется необходимым особо сказать о разных уровнях лингвистического исследования в пределах динамической (функциональной) теории языка.

Текст, являясь продуктом речемыслительной и коммуникативной деятельности, в то же время в свернутом виде содержит динамику

своего развертывания, почему и может служить объектом изучения его порождения и интерпретации рядом научных направлений языкознания, в том числе и функциональной стилистикой.

Наиболее распространенное в лингвистике понимание текста как уровня языковой системы нельзя считать общепринятым. Критика этой позиции А. И. Новиковым заключается в следующем утверждении: если признать текст языковой единицей, то он должен обладать формальными признаками других языковых единиц — дискретных образований. Тем самым должны быть найдены объективные критерии определения границ текста. Однако в литературе, во-первых, под текстом понимается и предложение-высказывание, и сверхфразовое единство, и их совокупность. Во-вторых, такой существенный признак собственно текстовых единиц (больших, чем предложение), как наличие смыслового единства, оказывается весьма зыбким критерием, основанным на интуиции исследователя [Новиков, 1983:15].

В связи со сложностью определения границ текстовых единиц и текстового уровня как уровня языковой системы высказывается вполне обоснованное мнение о том, что «можно говорить не о структуре целого текста, а лишь о структуре отрезков внутри него» [Фридман, 1979:27]. Г. В. Колшанский [1978:27], отмечая трудность грамматического подхода к определению границ текста, предлагает опираться на коммуникативные параметры текста, связанные с его информативной, смысловой стороной. Понимание целого текста на информативно-смысловой основе качественно отличается от понимания текста как уровня языковой системы. Информативно-смысловая основа — это уже экстралингвистическая сущность.

В лингвистике текста общепринятым является следующее определение. Под *текстом* (от лат. *textus* — ткань, сплетение, соединение) понимается объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность, целостность, завершенность и др. [Гальперин, 1981]. Для дальнейшего рассмотрения этого понятия в стилистике научного текста особый интерес представляет тезис о том, что текст как воплощение языковой личности есть интегрирующий феномен лингвистической парадигмы, связывающий исследование языка с анализом взаимодействия языка с психологией личности, определения, подходы и иногда объединяют их без необходимости» [Тураева, 1994:109, 105]. Как видим, такое понимание текстовых уточнений. В связи с этим представляется необходимым особо сказать о разных уровнях лингвистического исследования в пределах динамической (функциональной) теории языка.

Обращаясь к научному тексту как целому, которое в этом смысле нельзя осмысливать вне его содержательной стороны, невозможно не учитывать коммуникативных параметров — концепции,

цели общения, фонда знаний, субъекта, адресата и др., а на поверхностном уровне — текстовой организации, композиции, принципов и приемов развертывания текста. Все эти параметры определяют качественное своеобразие целого научного текста как единицы коммуникации.

Критериями определения целого текста как единицы общения являются следующие: *семантический* (трактовку семантики текста см.: [Новиков, 1983]), *коммуникативно-информативный* (в плане реализации замысла автора с целью достижения эффективности общения), *функционально-стилистический*, учитывающий целостность единства формы и содержания. Очевидно, что эти критерии опираются на системное единство собственной языковой стороны текста и его экстралингвистической основы, т. е. стороны неязыковой. Кроме того, по мнению М. Н. Кожиной [1996:52], можно говорить о критерии *стереотипности/новизны* с одной стороны, использование готовых средств языковой системы и известный автоматизм при их употреблении, с другой — осознанный и целенаправленный выбор средств из языковой системы, а также творческое формирование новых терминов и понятий и конструирование текста. Соотнесение текста с этим критерием позволяет высветить степень новизны как сущностного свойства научного знания.

Применение критериев определения целого текста неизбежно приводит к выводу о том, что именно в целом тексте происходит перестройка статичности языка в динамику речи, т. е. коммуникативные возможности языка начинают превращаться в реальность функционирования. Итак, при изучении текста необходим выход за пределы отдельного высказывания в целый текст (произведение) — выход, который сопряжен с качественно иным взглядом на текст, когда одних только языковых знаний недостаточно для объяснения многих существенных сторон текста.

Различия между понятиями текст и целый текст обусловлены самим познавательным подходом к формированию этих понятий для трактовки текста вполне достаточно лингвистической интерпретации; сущность же целого текста может быть определена и объяснена лишь на экстралингвистической основе. Для производства и понимания целого текста недостаточно знания системы языка, поскольку «знание значений языковых единиц еще не означает умений оперировать ими в тексте, подчиняясь коммуникативно-познавательным целям» [Дридзе, 1980:134]. Языковая организация текста обусловлена его экстралингвистической основой — содержанием и широким коммуникативным контекстом. Истинный смысл текстовых компонентов может быть понят в контексте не только целого произведения, но — шире — области научного знания.

Благодаря особой организации целый текст произведения перестает быть чисто лингвистическим феноменом, не теряя, однако, связи с языковой системой. Особая организация текста соотносится, по М. Н. Кожиной, с речевой системностью. Речевая системность присуща целому произведению и может быть определена и структурирована лишь в целом тексте, которому присуще подчинение единому организующему центру — образу автора (если речь идет о художественном тексте) или субъекту познавательной деятельности (в научном тексте). Важно подчеркнуть, что системная организация целого текста пронизывает всю текстовую ткань произведения, причем стилистически значимыми оказываются все языковые средства, вовлеченные в эту текстовую организацию.

В функциональной стилистике текст соотносится с широким контекстом, или его экстралингвистической основой: выявляется коммуникативная целесообразность использования языковых ресурсов в той или иной сфере и ситуации общения, устанавливается соответствие их целевой установке говорящего и т. п., иначе говоря, осуществляется выход во внешнюю среду вплоть до широкого социокультурного контекста, за рамки языковой системы.

Своеобразие функциональной стилистики как синтезирующей науки состоит в принципиальной многоаспектности анализа текста, выходящего за рамки языка в широкий контекст его реального использования. Таким широким контекстом научной речи, или ее экстралингвистической основой, является коммуникативно-познавательная деятельность не только автора, но и научного сообщества в целом. В научном тексте представлена речевая система, содержание которой — научное знание — объединяется функционально на эпистемической, или научно-познавательной, основе. Вместе с тем контекст может быть актуальным для толкования текста не «целиком», а избирательно — как совокупность тех или иных факторов, наиболее значимых для предмета исследования.

Деятельностный подход к анализу текста позволяет конкретизировать единство текста и его широкого контекста, статус которого достаточно ясно определен в следующем рассуждении: научное понятие *контекст* — это «теоретический конструкт, вводя который в ткань своих рассуждений, лингвист абстрагируется от актуальной ситуации и утверждает в качестве “контекстуальных” только те факторы, которые (благодаря их влиянию на участников языкового события) систематически определяют форму, соответствие и значение высказывания» [Жоль, 1984:174]. Этот широкий, но в то же время и минимальный контекст можно представить в виде модели познавательно-коммуникативной деятельности — модели, включающей автора и читателя как субъектов

познавательной деятельности (по отношению к объекту) и коммуникации, а также текст.

Для функционально-стилистического исследования понятие контекста представляется очень важным во избежание «лингвистического фетишизма», потому что научный текст, как известно, создается под воздействием ряда экстралингвистических факторов. Установить главные экстралингвистические факторы и объединить их в минимальный (необходимый и достаточный) комплекс как основу формирования текста позволяет деятельностный подход к анализу научного текста, в котором выражено знание как продукт познавательной деятельности субъекта по отношению к объекту. Речь идет о понятии деятельности в отличие от понятия познавательного отношения, предполагающего «чистое», совершенно незаинтересованное и бесстрастное изучение наличного объекта. Несмотря на то что деятельность проявляется в многообразных конкретных формах, важно то обстоятельство, что «... внутренняя деятельность... сохраняет общую структуру человеческой деятельности — в какой бы форме она ни протекала» [Основы, 1974:11].

Экстралингвистические основания смысловой структуры научного текста

Исходным принципом изучения целого научного текста представляется само познавательное движение от экстралингвистической основы к претворению ее в речевом произведении. Понятие *экстралингвистической основы научного текста* можно конкретизировать посредством научного знания, обусловленного познавательно-коммуникативной деятельностью субъекта по отношению к объекту в научной сфере общения, т.е. знания, представляющего собой единство объективного и субъективного.

Со структурой научного знания, выраженного в тексте, мы соотносим структуру смысла научного текста, смысла, который можно представить как единство противоположностей, диалектически связанных на деятельностной основе. Знание лежит в основе таких противоположностей, как: 1) познавательно-коммуникативная деятельность — продукт этой деятельности; 2) деятельность (процесс) — составляющие (моменты) этого процесса: проблема, гипотеза, доказательство гипотезы; 3) продукт — составляющие (аспекты) этого продукта: онтологический, аксиологический и методологический аспекты знания и др.

В лингвистическом отношении особенно интересно третье противопоставление. Знание в онтологическом аспекте понимается нами в смысле предметности: всякое знание выражается в

тексте посредством взаимосвязанных понятий, т.е. терминосистемы. Формирование, развитие, уточнение понятий в тексте всегда имеет избирательный, неполный, ограниченный характер, поэтому выражение определенных (именно таких, а не иных) логико-семантических отношений между понятиями обусловлено прежде всего экстралингвистически. К таким неязыковым условиям относятся общий уровень развития конкретно-научного знания, эмпирическая или теоретическая направленность нового, авторского знания, жанровые традиции, а также индивидуально-авторская установка.

Отсюда ясно, что предметно-понятийный компонент знания может быть представлен в тексте по-разному. В качестве противоположных выступают эксплицитная и имплицитная формы, однако их «чистота» относительна, так как невозможно выразить содержание во всей его полноте, т.е. обозначить все логико-семантические отношения между всеми понятиями, использованными для развития основных понятий, но невозможно и совсем их не выразить. В последнем случае можно говорить о «разрозненном», «точечном» характере их представленности в тексте: содержание терминологически зафиксировано, но отношения между терминологическими понятиями не эксплицированы.

Предметно-понятийный компонент знания представляет собой «материал», из которого формируется научное знание, выражаемое автором в тексте. Предметно-понятийное содержание должно характеризоваться тем или иным отношением к нему со стороны субъекта. В силу пассивной роли этого компонента на первый план (или в центр) в познании выдвигаются его оценочный и методологический аспекты, само наличие которых обусловлено активностью субъекта. В частности, в аксиологическом аспекте должна быть выражена ценностная ориентация субъекта в процессе познавательной деятельности; в методологическом — должны быть выражены способы обоснования и интерпретации знания, получаемого субъектом познавательной деятельности.

Методологический аспект знания (на принятом уровне обобщения) рассматривается как способ формирования новых понятий, обоснования и интерпретации основных и уточняющих понятий, т.е. способ установления логико-семантических отношений между понятиями. Установка исследователя на получение — преимущественно — эмпирического или теоретического знания относится к методологическому аспекту знания и определяет применение либо разработку (соответственно) эмпирических или теоретических методов познания — таких, как наблюдение, эксперимент, мысленный эксперимент, измерение, статистические методы, анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, идеализация, формализация и др. Номинации этих и многих других ме-

тодов, способов, приемов изучения объекта, а также познавательных характеристик этого объекта (сущности, формы, состава, генезиса, изменения, функции, отношений с другими объектами) и других параметров его изучения функционально-семантически объединяются в тексте методологической направленностью содержания.

Оценочный аспект знания является продуктом абстрагирования от конкретно-содержательной стороны текста — продуктом, обусловленным сущностью ценностной ориентации субъекта познавательной деятельности в общем фонде научного знания. Известно, что познавательная деятельность включает в себя творчество как один из важнейших компонентов человеческой деятельности, а творчество, в свою очередь, это «высшая и наиболее сложная форма отношения (и оценки! — М. К.) как обязательного компонента сознания» [Платонов, 1982:95]. Естественно, что в научном тексте специальными средствами выражены именно актуальные отношения понятий, а также оценка степени достоверности, новизны, дискуссионности и значимости авторского знания. Языковые средства, выражающие эти и многие другие ценностные характеристики знания, помогают читателю ориентироваться в сложном, многогранном содержании научного текста.

Экстралингвистические факторы, связанные с субъектно-объектными отношениями в процессе познавательной деятельности, оказывают сложное влияние на формирование смысловой структуры. Прежде всего это влияние обусловлено — со стороны объекта — теоретическим или эмпирическим характером знания (онтологический аспект), степенью новизны и достоверности (аксиологический аспект), глубиной интерпретации и способами доказательства гипотезы (методологический аспект знания). Это влияние также обусловлено — со стороны объекта — категориальным профилем мышления ученого (достаточно широким или более узким), преимущественно дискретным (аналитическим), континуальным (синтетическим) и другими стилями мышления, творческой фантазией, глубиной интуиции, ассоциативностью мышления. Все эти экстралингвистические факторы, как будто нейтральные, внешние по отношению к текстообразующей деятельности, могут быть поняты как внутренние, преобразованные во взаимодействии с конкретным содержанием познавательно-коммуникативной деятельности. Такое понимание экстралингвистической основы и смысловой структуры научного текста позволяет углубить понимание соотношения экстралингвистического и собственно лингвистического.

Совершенно закономерно, что преимущественно эмпирическое или теоретическое содержание (знание) оказывает воздей-

ствие на формирование смысла текста. Динамика знания, представленного в тексте, заключается в том, что в процессе развертывания текста характер знания подвергается изменению от проблематичного до относительно достоверного.

В описательно-эмпирических текстах динамика знания детерминирована двуединством аналитико-синтезирующей деятельности. Это отражает выделение в объекте более мелких частей и более подробное рассмотрение их, позволяющее получить новое знание. Наиболее широкое и полное выражение *онтологического аспекта* при ограниченном выражении аксиологического и методологического аспектов можно объяснить тем, что в описательно-эмпирических текстах в связи с преобладанием аналитически-упорядочивающей стороны мысли, представлено главным образом описание внешних, внутренних и лишь некоторых сущностных (абстрактных) свойств, логически легко «обозримых». Поэтому динамика мысли в описательно-эмпирических текстах как будто не требует специального выражения, тем не менее, как правило, подчеркивается композиционными (делением на абзацы, параграфы и т. п.), графическими (шрифтовыми выделениями) и другими несобственно языковыми средствами.

В описательно-теоретических текстах эксплицировано более динамичное знание, сформированное в результате взаимодействия всех трех его аспектов и обуславливающее разрешение проблемной ситуации. В таком тексте динамика проявляется не только в незначительном сокращении «пошагового» формально-логического движения мысли, но и в сокращении значительном, преодолеваемом лишь с помощью интуиции. Иначе говоря, динамичное знание определяет весьма подвижный, многоплановый смысл текста, насыщенный в теоретическом и эмпирическом отношениях. В «окружении» содержательной стороны текста легко можно найти информацию оценочного характера, а также информацию, свидетельствующую об определенных путях движения к новому знанию.

При этом онтологический аспект знания в этих текстах более лимитирован, чем в описательно-эмпирических, значение же других аспектов увеличивается. Можно даже сказать, что теоретический характер знания обуславливает изложение содержания, приводящее к «эффекту айсберга», когда текст наполнен глубоким подтекстом, в котором «запрятана» интерпретация понятий, когда в тексте эксплицируются логико-семантические отношения лишь между понятиями, наиболее актуальными для формирования нового знания.

Приведем пример, чтобы проиллюстрировать выражение знания в движении, включающем «остановки» для оценки «ситуации», для поиска путей решения очередной задачи.

«Расслоение первоначально однородной Земли на окисно железное ядро и силикатную оболочку показывает, что на планетной стадии развития Земли должен существовать и действовать эффективный механизм химико-плотностной дифференциации вещества мантии»... Отношения основания-следствия, выраженные конструкцией *показывает, что..*, зафиксированные между терминированными понятиями *расслоение* и *механизм дифференциации* благодаря активности субъекта познавательной деятельности, причем не на денотативной основе, а на гносеологической, позволяющей мысли двигаться от конкретно наблюдаемых явлений к абстракции и их обобщению. Последнее как раз и свидетельствует о том, что данная конструкция выражает один из шагов в процессе познания, а значит, о «включении» методологического аспекта познания при выражении причинно-следственных отношений между понятиями. Конструкция *должен существовать и действовать эффективный механизм* выражает не столько должностное, как это кажется на первый взгляд, а высшую степень уверенности в предпринятом шаге по пути познания, вместе с тем подчеркивая активность субъекта познавательной деятельности.

Именно в теоретических текстах особую значимость приобретает процессуальность научного знания, а именно движение мысли от исходного знания ко все более достоверному. Причем уверенность в его достоверности выражается все более «сильными» средствами на каждом новом шаге познавательной деятельности. Процессуальность научного знания особенно ярко акцентируется средствами, способными выразить аксиологический и методологический аспекты знания. Исследованный материал показывает, что специфика экспликации движения знания от гипотетического к достоверному в значительной мере обусловлена варьированием содержания — преимущественно эмпирического либо преимущественно теоретического характера.

В связи с этим введем некоторые ограничения в отношении избранного нами аспекта описания научного текста, а также определим основные понятия — *научный функциональный стиль, стиль изложения научного знания, экстралингвистическая основа научного текста.*

Функциональный стиль речи, стиль изложения научного содержания

По определению М. Н. Кожинной, *функциональный стиль* — это исторически сложившийся, общественно осознанный тип функционирования языка, обладающий своей речевой систем-

ностью, сложившейся в результате реализации принципов отбора и сочетания языковых средств, соответствующий той или иной социально значимой сфере общения и деятельности, соотносительной с определенной формой сознания — наукой, искусством, правом и др. И другое важное теоретическое положение: «Не следует отождествлять речевой функциональный стиль с понятием текста, ибо текст — это само речевое произведение, обычно написанное или произнесенное; это структурное единство содержания, формы и средств выражения в его целостности. Функциональный же стиль — это одно из свойств языковой ткани текста, обусловленное общей спецификой экстралингвистической основы текста». Воздействие экстралингвистической основы на формирование текста имеет системный характер, значит, «ни один из факторов независимо от его природы не обладает детерминирующей силой “сам по себе” — он приобретает детерминирующие свойства лишь как элемент системы» (курсив мой. — М. К.) (Кругликов, 1988:65).

Этот вывод основан на строгих экстралингвистических и лингвистических критериях, но в тексте есть словосочетание «языковая ткань», а функциональный стиль обусловлен ее свойствами. Использование таких научных метафор дает «второе дыхание» дискурсивному мышлению, позволяет руководствоваться как рациональными, так и интуитивными посылками, так как стиль — это не только совокупность речевых средств, но и особые свойства переплетения общей ткани текста. Такое ощущение стиля, в частности научного, по мнению К. Э. Штайн, имеет место у П. Флоренского, который дает образное определение функционального стиля — «чекан языка, особое его строение, степень его плотности» [Флоренский, 1990:123]. «Чекан языка» вмещает такие элементы значения, как специальная отделка, обработка, рельефное изображение, четкость, уплотнение, сжатие, выразительность, тщательно отделанный, знак достоинства. Наверное, это и есть «прибавочный элемент» к жесткому научному определению [Штайн, 2007].

В русском языке дифференцируются научный, официально-деловой, газетно-публицистический, разговорный и др. стили, которые формируются под влиянием комплекса базовых экстралингвистических стилеобразующих факторов. *Экстралингвистические стилеобразующие факторы* — это те условия внеязыковой действительности, в которых протекает речевое общение и под влиянием которых происходит отбор и организация языковых средств, т.е. речь приобретает стилевые характеристики. Стилеобразующие факторы весьма разнообразны: сфера общения (наука, искусство, политика, право, религия, обиходное общение и бытовая сфера), тип содержания и т.д. Термин «экстралингви-

стический» довольно условен: так как речь идет о функциональной природе языка, то данное понятие приобретает собственно лингвистическую значимость.

Научный функциональный стиль — это исторически сложившийся, общественно осознанный тип функционирования языка, обладающий своей речевой системностью, сложившийся в результате реализации конструктивного принципа открытой, последовательной, подчеркнутой логичности речи. Открытая логичность (термин А. Н. Васильевой) проявляется в отношении содержания, в котором репрезентируется логика генезиса, эволюции объекта — от простого к сложному, от старого (свершившегося, полученного) к новому (получаемому), логика генезиса субъекта познавательной деятельности — от далекого предшественника к современнику и автору, логика познавательной деятельности — от очевидного, внешнего к неочевидному, скрытому, внутреннему (от описания явления к закону); от сомнения к уверенности и констатации факта и т. д.

Открытая логичность, как видим, соотносится с тенденцией к абстрактизации, которая также реализуется в движении мысли от ее «микромформ» к «макроформам» (понятие — суждение — умозаключение — логема — концепция — теория — закон). Открытая, или подчеркнутая, логичность (термин М. Н. Кожиной) речи проявляется в использовании специальных языковых единиц, в частности для выражения связи самостоятельных предложений, абзацев и других более сложных единиц речи/текста.

Конструктивный принцип логичности речи обусловлен воздействием таких экстралингвистических стилеобразующих факторов, как сфера общественного сознания — наука, вид деятельности — познавательно-коммуникативная, тип мышления — понятийный. Логичность речи, понимаемая в качестве конструктивного принципа, или порождающего пути (термин Греймаса) научного текста, соотносится с центральным, глубинным уровнем построения, в широком смысле — синтаксиса речи, на котором субъект стремится к соединению с объектом. Порождающий путь в научной речи — путь логического движения (конечно, с перерывами, скачками, которые можно заполнить логическими шажками) от понятий как простейших единиц мысли. Допонятийный путь (представлений, образов, «штрихов» восприятия, но еще не мысли) научная речь не фиксирует. В научной речи эксплицируется путь соединения понятий в суждения, суждений — в умозаключения, умозаключений — в логемы, логем — в концепцию и т. д., а также путь перехода от одних единиц мышления к другим, подобным, в частности от единиц одного уровня абстрактности к единицам более высокого уровня абстракции, но никогда — к образности, конкретности. В этом и проявляется жесткое

действие конструктивного абстрактно-логического принципа порождения научной речи.

Последовательное (и «вездесущее») действие логичности речи, концентрированно и специфически проявляющейся в тенденции к абстрактизации, закономерно приводит к формированию таких свойств научной речи, или ее стилевых черт, как *отвлеченно-обобщенность*, которая обуславливает использование соответствующих языковых единиц всех уровней языка, *связность* (содержательно богатые понятия в силу линейности речи вынужденно требуют выражения их логико-семантических связей как внутри предложения, так и за его пределами в целом тексте), а также *системическая определенность/неопределенность*. Глобализирующее (и не имеет значения количество «фокусов» мысли — один или несколько) целостно-композиционное мышление ученого (автора конкретного текста) способно справиться с любым объемом знания — содержания научной речи — благодаря мощному конструктивному принципу — абстрактно-логическому пути порождения высокоорганизованной речи.

Стиль изложения научного содержания — это система языковых единиц, объединенных в пределах научного функционального стиля речи на основе когнитивных стилей и познавательной структуры деятельности ученого. *Когнитивные стили* — это «своего рода посредники между “ментальным миром” субъекта и “миром реальности”, обеспечивающие в конечном счете такое уникальное человеческое качество, как “индивидуальность творческого ума”» [Холодная, 2004:362].

Обращение к когнитивным стилям как основе формирования стилей изложения вдохновляет нас (на данном этапе развития психологии интеллекта и стилистики научной речи) потому, что представляется убедительной такая точка зрения: «Проблематика когнитивных стилей представляет интерес именно как та потенциальная область психологического знания, где, возможно, будет найден вариант объединения общепсихологического и дифференциально-психологического аспектов изучения человеческого интеллекта с выходом на понимание природы индивидуального ума» [Там же]. Рассуждая аналогично мысли психолога, можно считать, что и понятие «стиля изложения», объединив общие функционально-стилистические и индивидуально-специфические, контекстуальные параметры научной письменной речи, окажется продуктивным для описания коммуникативно-познавательной деятельности ученого.

Разумеется, что нельзя разделить общее и частное, социальное и индивидуальное в онтологическом отношении (как сущее), однако в гносеологическом (познавательном) — можно подвергнуть анализу, синтезу и другим ментальным операциям любые явления

действительности, языка и мышления. И это необходимо, если мы хотим проникнуть в сложнейшее пространство научного знания, зафиксированного в научных текстах и, тем не менее, пребывающего в постоянном процессе производства.

Когда мы говорим о научном знании «вообще», «в целом», мы в высшей степени обобщаем это понятие, тем самым максимально его упрощая. Научное знание зафиксировано в тексте всегда фрагментарно, сегментированно, лишь частично, однако в форме динамической целостности. Эту смысловую целостность, «результативность» можно, в свою очередь, дифференцировать, реконструировать, интерпретировать, т. е. выявлять в тексте его смысловую структуру. Реконструируя смысл, который автору необходимо было выразить, на наш взгляд, можно проникнуть в творческую лабораторию ученого, создающего текст, с одной стороны, персональный, неповторимый, с другой — доступный восприятию и пониманию читателя. Иначе говоря, можно проникнуть в индивидуальную лабораторию мышления и речи ученого: функциональная стилистика вплотную подошла к возможности поставить эту проблему.

Подчеркнем, что эта проблема имеет, бесспорно, междисциплинарный характер. Теоретическое возрастание не только функциональной стилистики, но и когнитивной лингвистики, психологии, в частности психологии научного творчества, эпистемологии, кибернетики, наконец, синергетики и др., естественно, стимулирует поиск объяснительных принципов реализации речевой индивидуальности ученого, адекватных именно этой проблеме, а не просто использование уже найденных либо установленных, однако для решения совершенно других задач.

С открытым характером научного знания, особенно, по видимому, гуманитарного, соотносится не только применение общенаучных методов, способов, приемов познавательной деятельности, но их переработка и трансформация. В этом отношении особый интерес вызывает синергетика как «базовая методология гуманитариев XXI века» [Волов, Китаев, 2005]. Изученная по этому вопросу литература обогащает нас возможностью положить в основу — наряду с рассмотренными выше — *синергетический* подход к рассмотрению процессов мышления, репрезентированных в научном тексте.

В. Т. Волов и Д. Ф. Китаев, целенаправленно обратившиеся к трансформации принципов и законов синергетики применительно к гуманитарным наукам, считают: «...поскольку синергетика оперирует понятиями и аппаратом, развитым в рамках естественных наук, ученым-гуманитариям... далеко не просто разобраться в совокупности ее идей и представлений» [Там же:7]. С таким суждением нельзя не согласиться, поэтому необходимо сделать

оговорку: мы представим здесь лишь основные положения синергетического подхода к решению поставленной нами проблемы — что неизбежно! — либо обобщенно, либо редуцированно и адаптируя этот подход к проблеме речевой индивидуальности ученого.

Синергетический подход позволяет обосновать выбор единицы анализа научного текста, содержание которого вполне можно понимать как сложную нелинейную и открытую систему. А значит, систему, действующую в единстве упорядоченности (благодаря чему — устойчивости) и хаотичности. Действие принципа устойчивости и хаотичности покажем на примере такого очевидного свойства научного текста, как открытая (подчеркнутая) логичность. При этом будем исходить из единства всех компонентов логичности как системы, которые формируют ее как целостность, позволяющую вычленять из нее различные единицы анализа.

Интересно то, что даже наиболее четко логически выстроенные фрагменты научного текста [Котюрова, 1988:157] отнюдь не соответствуют широко известному мнению о выражении в научной речи последовательно логического мышления и, следовательно, мнению о господстве логического принципа в организации содержания.

Как показывает анализ логически наиболее упорядоченных фрагментов текста, в них имеют место как логически сравнимые, так и логически несравнимые суждения. Для определения отношений между несравнимыми суждениями требуется «выход» за пределы тех умозаключений, в рамках которых рассматриваются суждения. Только целостная картина проблемной ситуации позволяет объединить эмпирические данные, теоретические положения, гипотезы и т. д. Все эти компоненты знания объединяются в качестве области поиска аргументов явно неформальным путем, т. е. интуитивно.

В синергетическом осмыслении речь идет о значимости именно хаотичных явлений, с которыми имеет дело исследователь в процессе научно-познавательной деятельности. Как видим, для функциональной стилистики интересно и ценно то, что холистический (целостный) подход к явлениям действительности «концентрируется на том, что прежде оставалось на периферии научного познания: на первый план выходят те самые маргинальные содержания и образования, которые ранее игнорировались..., нарушая тем самым целостность миропонимания» [Синергетическая парадигма, 2004:10].

Сложность изучения проблемы речевой индивидуальности ученого в немалой степени связана с тем, что неизвестен водораздел между стереотипным, т. е. общеречевым/общетекстовым, и индивидуальным использованием языковых единиц и категорий.

Синергетика, как утверждают В. Т. Волов и Д. Ф. Китаев, «это не просто еще одна теория или еще одно направление науки, а система концепций, которая претендует на роль *новой научной парадигмы* и даже более того — на роль новой парадигмы мышления!» (курсив мой. — М. К.) [Волов, Китаев, 2005:7]. В синергетической парадигме «субъект согласованно взаимодействует с объектом, одновременно являясь неотъемлемой частью троичного единства — объекта, субъекта и взаимодействия между ними» [Там же:243].

Деятельностная трактовка научного стиля, выдвинув проблему фактора «субъект речи» [Лапп, 1993], позволила дифференцировать научные тексты — с учетом степени выражения в них субъекта познавательной деятельности — на *объективированные* и *субъективированные*. Такая дифференциация ориентирует на ограничение материала исследования текстами, имеющими субъективированный характер.

Приведем мнение с позиции науковеда: «...“аскетическая традиция”, берущая начало, видимо, с Ньютона и породившая в те времена ханжескую скромность обычаев английских средневековых церковных университетов (Кембридж), заставляет многих авторов вплоть до сегодняшнего дня тщательно убирать из научных сообщений все то, что, по их мнению, не относится непосредственно к излагаемым результатам и использованным методам» [Карцев, 1984:108 — 109]. Такие рафинированные, освобожденные от хаотических элементов материалы представляют ограниченный интерес и для истории науки, и для стилистики научной речи.

Синергетика определяет хаос (хаотические элементы) не как полную разупорядоченность (и тем более не бессмысленность), а как «слабоструктурированное состояние системы, когда случайные колебания в поведении элементов могут быть не только дезорганизующими, но и конструктивными, т. е. элемент выступает как хаотический не с точки зрения сознательного пользователя, а с точки зрения внутреннего состояния системы — относительно других элементов, в деятельности которых благодаря хаотическому элементу возникают новые тенденции» [Пономаренко, 2007:18]. Поэтому хаотизация в определенной мере признается необходимой в смысловой системе текста.

Ясно, что только такие тексты, в которых с упорядоченной, четко логически выстроенной информацией взаимодействует информация ассоциативная, логически непредсказуемая, обусловленная, по-видимому, в немалой степени психологическими особенностями субъекта познавательной деятельности, — только такие тексты могут предоставить благодатный материал для изучения речевой индивидуальности ученого. В эпистемическом отношении мы имеем в виду теоретические тексты, в синергетической

трактовке — тексты, представляющие собой «нормальную» хаотическую структуру, а не жестко структурированную систему.

В синергетической концепции творческой деятельности особое значение придается понятию *креативного поля* (креативного ландшафта). Структура креативного ландшафта не жесткая, а довольно подвижная, это «некие конфигурации внутреннего (собственного) пространства и внешнего окружения творящего субъекта; эти конфигурации определяются распределенной целью креативной деятельности» [Князева, 2000:233]. Поскольку творческая (в нашем случае — текстообразующая, но понимаемая лишь в отношении содержания текста) деятельность — нелинейная система, то она не строго следует по «предписанным» ей путям, а совершает блуждания по полю возможного. Представляется важным замечание Е. Н. Князевой о том, что, по результатам исследований психологов, «креативность связана с наличием расширенного фокуса ассоциации» [Там же:240].

Эпистемическая ситуация как основная единица смысла текста

С идеями психологов о «расширенном фокусе ассоциации», а также когнитивистов — о расширенном сознании и «распределенной когниции» (по утверждению А. В. Кравченко «эмпирические исследования человеческой когниции показывают, что когнитивные процессы распределены в мозгах, телах и наших общественных и физических мирах» — [Кравченко, 2007:40] резонирует функционально-стилистическая концепция политекстуальности научного текста, разработанная Е. А. Баженовой (2001). Для стилистики научной речи непосредственный интерес представляет вопрос о прагматическом потенциале научного текста, связанном с поиском оптимальных способов представления читателю полученного знания [Баженова, 2007:67 — 74].

На наш взгляд, абстрактная модель научного знания, акцентирующая содержательную специфику научного текста, может быть соотнесена с понятием эпистемической ситуации [Котурова, 1988; Баженова, 2001]. Интересно то, что, в свою очередь, в когнитивной лингвистике разрабатывается понятие «коммуникативная ситуация» как суперконцепт, соотносимый со знанием о коммуникативной (преимущественно вербальной) деятельности. «Все подструктуры, содержащие коммуникативно-регулятивную информацию, образуют органический сплав, они симбиотичны, весьма тесно взаимодействуют, а создаваемые ими конфигурации сугубо индивидуальны и предельно динамичны» [Боронин, 2007:185]. Существенно отметить, что эти понятия, близкие в методологи-

ческом отношении, рассматриваются на разном материале, поэтому получают различную лингвистическую интерпретацию.

Эпистемическая ситуация, в уточненной формулировке и трактовке Е. А. Баженовой, понимается как экстралингвистическая основа научного текста, а именно как «совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического компонентов, оказывающих систематическое влияние на формирование научного текста и определяющих его стиливую специфику» [Баженова, 2001].

Онтологический компонент связан с предметным содержанием знания, т.е. научным осмыслением явлений реального мира (природы, человека и общества), получающим выражение в системе исходных, основных и уточняющих понятий. Методологический компонент характеризует познавательную деятельность со стороны способов получения, развития и обоснования научного знания, а также его репрезентации в содержательно-логических формах понятий, категорий, идей, концепций и т.д. Аксиологический компонент соотносится с оценочной природой познания, субъект которого (ученый) является не только мыслящим человеком, но и человеком оценивающим. При этом оценке подвергается как старое, так и новое знание, получаемое лично автором. Социально значимыми, а значит, наиболее важными, характеристиками знания являются степень его достоверности, новизна и актуальность — универсальные параметры оценки научной информации. Рефлексивный компонент связан с личностным характером познавательной деятельности, в которой исследователь проявляет индивидуальный стиль мышления, эмоциональные реакции на то или иное научное явление, а также активно утверждает свою личностную позицию в науке. Иными словами, рефлексия выявляет спектр личностных качеств исследователя, актуальных для его научной деятельности.

Следует сказать, что личностно-психологическое начало, включающее персональный познавательный стиль, понимаемый как «иерархически организованная, многосторонняя и гибко изменяющаяся форма интеллектуального поведения» [Холодная, 2004:338], свойственно в большей степени самой научно-познавательной деятельности, чем тексту, являющемуся «рафинированным» продуктом научного творчества. Вместе с тем в тексте всегда остаются «следы» авторской рефлексии, поскольку «отсутствие личностных моментов не просто лишает научный труд обаяния индивидуальности, но приводит к ощутимым потерям в содержательном плане» [Архангельская, 1980:66]. В связи с этим и можно утверждать, что «наука — это живая человеческая практи-

ка, вбирающая в себя и страсть, и радости, и трудности, обнаруживающиеся в стиле выражения мыслей» [Баженова, 2007:50].

Коммуникативно-прагматический компонент эпистемической ситуации соотносится со сложным и многогранным процессом перестройки всех экстралингвистических факторов познавательной деятельности в собственно лингвистические, т.е. текстовые, так как научный текст — это узел, связывающий познание и общение. Именно в тексте осуществляется преобразование всех компонентов эпистемической ситуации в смысловую структуру, объективированную средствами языка.

Невозможно переоценить роль текста в научной коммуникации, поэтому приведем убедительное рассуждение Е. А. Баженовой: «Только текст, находясь на пересечении двух типов коммуникативного взаимодействия — одного ученого с другими и одного этапа в развитии отрасли знания с последующим, — способен обеспечить работу сложного механизма науки. Вне текста (точнее, до текста) мысль существует лишь в форме субъективного познания индивида, она не является общезначимым социальным фактом и, следовательно, не может стать предметом объективного научного анализа. Поскольку научное познание ориентировано на коммуникацию, то эпистемическая ситуация соотносится не только с собственно познавательной, но и с текстообразующей деятельностью ученого, в результате которой когнитивное преобразуется в коммуникативное и новое знание обретает “голос”, чтобы быть услышанным» [Там же:321].

Кроме того, вполне можно добавить к прагматическому потенциалу научного текста информацию, представленную в виде дополнительных сообщений, неожиданных ассоциативных замечаний и т.д. типа благодарности за помощь, пожелания читателям, предостережения, прогноза развития научного знания и др. На первый взгляд, все они имеют довольно случайный характер, но читатель как представитель именно научного социума вполне определенно объединяет их функцией коммуникации.

Маргинальные явления в нелинейной системе содержания научного текста действительно имеют важное значение. Сосуществование и даже содействие упорядоченных и маргинальных элементов возможно, по-видимому, благодаря «высокоорганизованному механизму регуляции интеллектуальной деятельности» [Холодная, 2004:337], присущему как автору, так и читателю. Этот механизм, как можно предположить, воздействует и на двусторонний коммуникативный процесс — порождение и восприятие текста. Именно этот механизм в психологии получил название когнитивных стилей, которые в стилистике научной речи играют роль основополагающих при интерпретации стилей изложения. При этом «и отправитель информации, и ее получатель вносят в

акт коммуникации как общие, так и различные (отличающие их) предпосылки» [Серкова, 1978:80].

Восприятие целого текста соотносится с осмыслением данного «текущего» фрагмента, который характеризуется также целостностью и носит название абзаца (в другой терминологии — сверхфразового единства, или сложного синтаксического целого). Как при порождении, так и при восприятии текста смысловое единство абзаца формируется посредством двух взаимосвязанных мыслительных операций — развертывания и свертывания содержания: только благодаря развертыванию содержание свертывается и оформляется красной строкой, т. е. начинается с абзаца (термин имеет метонимически связанные значения). Интересно, что Л. В. Щерба, отмечая «важное значение умения писать» так, чтобы это не было «как бы ошупью» [Щерба, 1957:54], считал абзац, или красную строку, знаком препинания, знаком членения речи, который «углубляет предшествующую точку и открывает совершенно *новый ход мыслей*» (курсив мой. — М. К.) [Щерба, 1935:369]. При таком членении текста оказываются однопорядковыми и целый текст как единство смысла, и абзац (отрезок текста), эквивалентный целостному мыслительному акту. Вместе с тем они функционально различны: текст «надстраивается» над абзацем и реализует смысловую программу речевого поведения [Серкова, 1978:82], включающую как развертывание, так и свертывание содержания.

Важно подчеркнуть, что и при обычном восприятии (чтении) текста, и при его изучении необходимо следовать за смысловой программой автора, изменяющейся в контексте объективных и субъективных факторов, и учитывать воздействие на нее наиболее активно определяющих поведение коммуникантов.

Субтекст как речевая реализация компонента эпистемической ситуации

В работах некоторых зарубежных лингвистов утверждается, что текстом может быть континуальная структура, возникающая на основе лишь семантических критериев. Между элементами континуальной структуры выстраиваются качественно иные отношения совместимости, выраженные в семантическом сходстве удаленных друг от друга структур. С точки зрения М. Хэллидея и Р. Хасана, текст является единицей значения, а не формы. Т. ван Дейк также различает внешнюю структуру текста, которая формируется материально выраженными связями между предложениями, и его глубинную семантическую структуру. Поверхностная структура текста, по мнению автора, характеризуется линейной

связностью, семантическая — глобальной связностью, т. е. семантическим контекстом.

Как видим, в лингвистике текста при определении его статуса дифференцируются линейные (дискретные) и континуальные (имеющие свою топологическую организацию) структуры, причем в описании смысловой организации текста главная роль отводится континуальным логико-семантическим составляющим. По мнению Е. А. Баженовой, все это позволяет называть дискретную структуру, хотя и лишенную формально выраженной связности, но обладающую семантической и смысловой связью составляющих ее речевых средств, т. е. по существу дискретно-континуальную, — «субтекстом» [Баженова, 2001].

Дискретно-континуальные субтексты обладают относительной смысловой целостностью, которая обеспечивается однородностью выражаемого ими содержания. Посредством отдельных слов, словосочетаний и предложений, «инкрустирующих» текстовую ткань, транжируют новое знание, формируют когнитивный и прагматический контекст, в который оно погружено. Интеграция субтекстов в рамках целого текста отражает взаимодействие всех аспектов научно-познавательной деятельности, направленной на получение и представление нового научного знания адресату.

В соответствии с определением, предложенным Е. А. Баженовой, «Субтекст — это относительно самостоятельная структурно-смысловая единица целого научного текста, являющаяся средством речевой реализации онтологического, методологического, рефлексивного или коммуникативно-прагматического аспекта эпистемической ситуации; имеющая свой денотат и целеустановку, обусловленную спецификой соответствующего аспекта» [Там же:82].

Субтексты репрезентируют типовое содержание научного произведения и выполняют текстообразовательные функции. Взаимодействуя друг с другом, они интегрируются в единую политекстуальную систему, обеспечивающую тематическое развертывание текста, его смысловую целостность и композиционную упорядоченность.

Модель политекстуальной структуры научных произведений академических жанров (статей и монографий) включает субтексты, «опредмечивающие» в речевой ткани текста содержание аспектов эпистемической ситуации. Дифференцируются субтексты: нового знания, старого знания, методологический субтекст, субтекст оценки, субтекст авторизации, субтекст адресации и периферийный субтекст.

Модель политекстуальности базируется на комплексном подходе к интерпретации смысловой структуры научного произведения, т. е. в ней учитывается обусловленность текста наиболее зна-

чимыми экстралингвистическими факторами, обобщенными в понятии эпистемической ситуации.

Модель отражает такое важнейшее свойство смысловой структуры текста, как его системная организация. *Системность текста* обусловлена наличием в нем взаимосвязанных подсистем — субтекстов, с которыми соотносится поликомпонентная структура эпистемической ситуации. Политекстуальность является наиболее общей закономерностью системной организации текста. Благодаря системности содержания текст выполняет коммуникативную функцию.

Политекстуальной структуре присуща функциональность, связанная с относительной *автономностью субтекстов*. Понятно, что не существует субтекстов вне связи с другими субтекстами, но это не означает, что каждый субтекст непременно связан со всеми субтекстами. Принцип функциональности субтекстов предопределяет не жесткую связь всех единиц одного субтекста со всеми единицами другого субтекста, а сопряжение отдельных элементов одного субтекста с отдельными же элементами другого субтекста.

Наконец, предложенная модель может рассматриваться как универсальная, поскольку фиксирует *стилистическую инвариантность субтекстовой структуры*, обобщенно отражающей типологические черты стандартного научного текста.

В целом понятие политекстуальности позволяет углубить представление о композиционно-смысловом устройстве научного текста в зависимости от важнейших экстралингвистических факторов, а также объяснить природу смысловой многомерности научного текста.

Персональный познавательный стиль

Персональный познавательный стиль — это «многосторонняя и гибко изменяющаяся форма интеллектуального поведения» [Холодная, 2004:338]. Кроме того, данная форма является многомерной по своим проявлениям, иерархической по своему устройству, интегральной по своим механизмам и гибкой по адаптивным возможностям [Там же: 348]. Персональный познавательный стиль — это результат интеграции механизмов, соотносимых со стилями: 1) познавательного отношения к миру, 2) постановки и решения проблем, 3) кодирования и переработки информации. При этом существенно подчеркнуть (вслед за М. А. Холодной), что персональный познавательный стиль «нельзя рассматривать как характерное для данного человека одномерное, устойчиво доминирующее предпочтение определенного способа познания... Ибо человек со сформированным персональным стилем владеет всем ар-

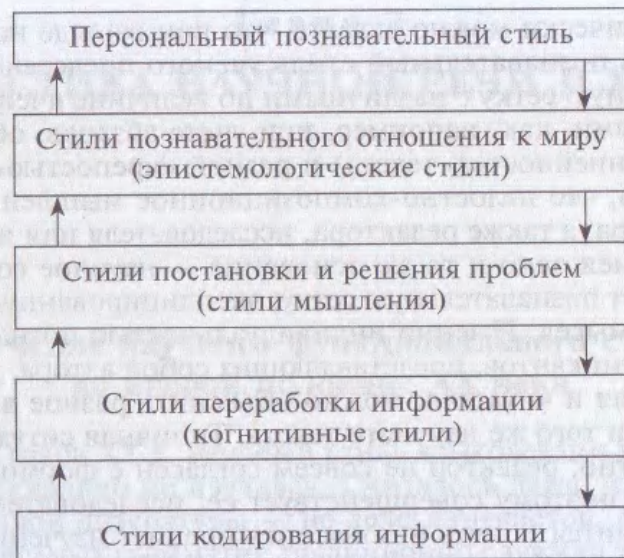

Рис. 1. Иерархия индивидуальных познавательных стилей как основа формирования персонального познавательного стиля [Холодная, 2004:323]

сеналом средств, которые проявляются в зависимости от целей его деятельности и требований сложившейся ситуации» [Там же:322]. Приведем разработанную психологом М. А. Холодной схему (см. рис. 1).

Можно предположить, что персональный познавательный стиль неизбежно воздействует на формирование научного текста, в котором научное знание выражено в форме (т.е. «как бы») познавательной деятельности и ее продукта — результата. Персональный познавательный стиль представляет собой гибкую многокомпонентную структуру с внутренними вариативными связями. Эта структура, несомненно, формируется не только в процессе самой познавательной деятельности, но — и это весьма важно! — и в процессе овладения научным функциональным стилем речи посредством становления и совершенствования собственного стиля изложения научного содержания — стиля, который затем достигает статуса индивидуального.

Учитывая развернуто-свернутость текста, можно анализировать текст, манипулировать его смыслом, овладеть функциональным стилем, воспринимать индивидуальный речевой стиль ученого стереометрически, фокусируя внимание на определенных компонентах и их связях. В таком случае целесообразно рассматривать содержание текста как целостность аналитически, т.е. от целого к его частям в соответствии с иерархией компонентов персонального познавательного стиля.

Изучение научного функционального стиля во второй половине XX века

До 50-х годов XX в. научный стиль языковедами целенаправленно, специально не изучался. Считалось даже, что изучение языка научной литературы — не дело лингвистов. Материалом для описательных грамматик традиционно служили тексты художественной литературы, публицистики и разговорной речи. Из научной речевой сферы предметом исследования была лишь терминология.

Знаменательной вехой в истории русской стилистики XX в. стала дискуссия по проблемам этой науки, проходившая в 1954—1955 гг. на страницах журнала «Вопросы языкознания». И хотя она, как отметил в заключительной статье В. В. Виноградов, «дала меньше обобщений и выводов, ... доказанных положений, чем предположений и вопросов», однако явилась мощным толчком для последующих разысканий в области стилистики в целом и, в частности, стилистики научной речи. Как пишет М. Н. Кожина, «...обращение к материалам дискуссии и их осмысление с современных позиций не просто обнаруживает поступательное развитие науки, истоки перспективных проблем, но поучительно и в плане наблюдения за самим процессом поисков в ходе решения проблем» [Кожина, 1997:9]. Совершенно справедливы также слова О. Г. Ревзиной: «Отечественной филологии абсолютно необходимо современное прочтение В. В. Виноградова... Главное в том, что в своих фундаментальных исследованиях В. В. Виноградов тематизировал те проблемы, которые приобрели огромную актуальность в наше время, и предложил тот способ мышления об этих проблемах, который глубинным образом отвечает современным научным интенциям» [Ревзина, 1995:208].

Уже в ходе названной дискуссии Ю. С. Сорокин обратился к анализу отрывка из научно-популярного произведения, а Г. В. Степанов определил исходные позиции для уточнения специфики научной речи, исходя из экстралингвистической основы научного стиля. В последискуссионный период активизировался кон-

Метафорически можно сказать, что при взгляде на текст как целостность познавательный стиль ученого представляет собой познавательную сетку с различными по величине ячейками (а не с одинаковыми, как, например, при учете абзацев, обусловленных лишь линейностью текста) и разной «крепостью» их связи. Естественно, что целостно-композиционное мышление (и внимание) автора, а также редактора, исследователя или вдумчивого читателя, имея одно и то же основание — научное содержание, подстраивает познавательную сетку, эксплицированную в тексте, под свой замысел. Именно индивидуальностью познавательной сетки коммуникантов, представляющих собой автора, редактора, исследователя и читателя, можно объяснить разное восприятие ими одного и того же научного текста. Типичная ситуация: автору все понятно; редактор не совсем согласен с формой выражения мысли, поэтому совершенствует ее; исследователь великодушно стремится понять и объяснить предмет изучения; внимательный (даже самый заинтересованный!) читатель воспринимает содержание с целью прагматической, для интеллектуальной пользы, — либо «в общем», либо фрагментарно, можно сказать, «точечно».

Наша цель, как уже было сказано, заключается в выявлении речевых способов и приемов выражения научного знания как интеллектуального продукта в форме коммуникативно-познавательной деятельности ученого.

кретный анализ научных, художественных и других текстов. Именно в 50—60-е годы XX в. был осуществлен переход от фрагментарного изучения тех или иных сторон языка, связанных с проявлением его функционально-стилистических свойств, к планомерному и глобальному описанию языкового материала.

Интенсивное исследование научного стиля начинается с середины 60-х гг. и в 70-е гг. Помимо общего поступательного развития стилистики, связанного с осознанием узости и необходимости расширения объекта, активизации исследований научной речи способствовали и социально-культурные явления. Среди них были научно-техническая революция, породившая массовость научной деятельности, широкий поток научных публикаций, необходимость их перевода на разные языки, реферирования, редактирования и, наконец, потребность в обучении научному стилю речи аспирантов. Позитивную роль сыграли также идеи машинного перевода и искусственного интеллекта. Все это дало внешний мощный толчок и поддержку развитию стилистики научной речи.

После более глубокого и детального рассмотрения проблемы экстралингвистических основ функциональных стилей, а также в связи с началом интенсивного применения в лингвистике статистических методов исследования (В. Г. Адмони, Н. Д. Андреев, О. С. Ахманова, Б. Н. Головин и др.) стало возможным определение специфики функционального стиля, в частности научного, на объективных основаниях, в полном терминологическом смысле слова. Этому и способствовали как стилостатистические методы описания стилей, так и учет истинной экстралингвистической основы функциональных стилей, в том числе научного.

Проявившийся интерес к функциональной стороне языка был связан с проблемой экстралингвистических факторов. Признавалось, что они «обычно не становятся для лингвиста самостоятельными объектами исследования, а привлекаются как некая данность, как достижения других наук для объяснения причин тех изменений в структуре языка, которые не поддаются расшифровке на базе внутренних законов развития языка» [Аврорин, 1975:21—22].

Первыми публикациями по русской научной речи были работы М. Н. Кожинной (1961, 1962), Е. И. Мотиной (1961), Г. А. Лескиса (1962, 1964), О. Б. Сиротининой, С. А. Бах, В. А. Богдановой (1964), Н. С. Бухтияровой (1965), М. П. Сенкевич (1967), О. А. Лаптевой (1968) и др. Задачей этих работ было прежде всего определение статистических параметров и объективных различий стилей. Неслучайно в первых монографиях по научной речи большое место было отведено функционированию средств морфологии, поскольку традиционно считалось, что именно эти средства языка почти

не имеют стилистических различий. Анализ же семантики грамматических форм в научных текстах (сопоставительно с другими) показал, что морфология в стилистическом отношении является не менее значимой, чем средства других уровней языка (например, лексического). Надо сказать, что в литературе имеется и другая оценка исследований 50-х — 60-х гг.: «...при широте охвата и глубине теоретической проработки проблемы в них не проводится до конца последовательное выявление инвариантных и вариативных признаков функциональных стилей... ученые сосредотачиваются на важных, но все же периферийных признаках стиля — главным образом, его грамматических характеристиках» [Комарова, 2004:7].

С середины 60-х и в 70-е гг. появляются монографические описания научного стиля: «О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики» [Кожина, 1966]; «О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими» [Кожина, 1972]; «Язык научно-технической литературы» [Митрофанова, 1973]; «Курс лекций по стилистике русского языка: Научный стиль речи» [Васильева, 1976]; «Функциональный стиль общенаучного языка и методы его изучения» (под ред. О. С. Ахмановой и М. М. Глушко 1974); «Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле» [Котюрова, 1974]; «Вопросы синтаксиса научного стиля речи» [Лариохина, 1979].

В результате этих исследований была определена истинная специфика научного стиля, сущность его речевой (а значит, функциональной) системности, выявлены некоторые стилостатистические закономерности, описаны особенности функционирования лексико-грамматических средств (морфологии и синтаксиса) в научных текстах, представлены новые методы анализа в стилистике, рассмотрены вопросы об экстралингвистических факторах научного стиля речи, о выражении диалогичности в научных текстах, о некоторых текстовых характеристиках научного стиля и тенденциях его развития.

Было установлено, что научная речь существенно отличается от всех других функциональных разновидностей (официально-деловой, художественной, разговорно-бытовой): по количественным показателям в отношении наблюдаемых параметров границы стилей четко различаются.

Функционально-стилистический подход к языку был воспринят как лингводидактическая основа методики обучения иностранных специалистов научному стилю русского языка. Постепенно сложилось особое направление исследования научного текста в методических целях. В связи с этим, подчеркивает О. Д. Митрофанова, «проблема стилевой дифференциации средств языка все отчетливее осознается как одна из главных проблем совре-

менной науки о русском языке и методике его преподавания» [Митрофанова, 1985:4].

Существенный вклад в теоретическую разработку проблем стилистики научного текста внесла А. Н. Васильева, направившая особое внимание на «осмысление содержательной доминанты и функциональной обусловленности» [Васильева, 1976:3] научного стиля речи, а также на теоретическое обоснование культуры научной речи. Одним из основных положений автора явилось утверждение о том, что «научное произведение есть одновременно произведение научной мысли и произведение научной речи в их неразрывном диалектическом единстве» [Там же:15]. На этом положении строится цепь рассуждения о строгой логичности творческого мышления на коммуникативном этапе научной деятельности. Именно логический компонент содержания, его экспликация в научном тексте получили в монографии А. Н. Васильевой наиболее обстоятельное обоснование и аргументацию. Понятийно-логическая специфика текста описана в глубокой обусловленности специфическим содержанием научного произведения — научным знанием.

Значительный интерес представляет и работа Н. М. Лариохиной (1979), где синтаксис научного стиля речи соотнесен с отражением экстралингвистической основы стиля, в частности, со спецификой абстрактно-понятийного научного мышления. Предложение ясно осознается не только как самостоятельная единица, но и как потенциальный компонент целого текста.

Русская стилистика развивалась не изолированно. С конца 60-х гг. ежегодно выходят сборники Кафедры иностранных языков Академии наук СССР, посвященные прежде всего теоретическим проблемам стилистики и конкретной характеристике научного стиля европейских языков. В этих сборниках печатаются и статьи о русской научной речи. Научный стиль активно изучается и в другой сфере — сфере обучения русскому языку иностранцев (РКИ), сосредоточенной прежде всего в Институте русского языка имени А. С. Пушкина, а также в МГУ, университетах и институтах Санкт-Петербурга, Воронежа, Ростова-на-Дону и других городов. Число публикаций этого направления чрезвычайно велико.

В Пермской научной школе по изучению стилистики русского языка большое внимание уделяется именно научной речи. Наряду с монографиями М. Н. Кожиной, М. П. Котюровой, Е. А. Баженовой, Н. В. Данилевской, В. А. Салимовского, Т. Б. Трошевой, Л. М. Лапп, И. С. Бедриной, коллективной монографией по теории и истории научного стиля, кафедра русского языка и стилистики издала 20 межвузовских сборников по стилистике, а также 14 выпусков сборника «Стереотипность и творчество в тексте», в которых основной раздел посвящен научной речи.

В Саратовском центре по проблемам стилистики в основном исследуются вопросы разговорной и художественной речи, тем не менее изучается и научная речь, достаточно широко привлекаемая для сопоставления с другими стилями. Публикации этой школы представлены в межвузовских сборниках «Вопросы стилистики» и «Язык и общество» и ряде монографий, в которых отражены материалы, касающиеся научного стиля речи.

В целом в работах 70-х, а затем 80-х гг. научный стиль русского языка был описан в отношении закономерностей функционирования языковых единиц разных уровней, а также речевой системности, стилевых черт и других, более частных вопросов. Новую проблематику стилистики научной речи формируют работы о взаимодействии коммуникантов в научной сфере, диалогичности научной речи, ее стандартизованности, о конкретной жанровой характеристике. Однако наибольшей новизной в плане динамики исследования научного стиля в течение 80—90-х гг. стало формирование собственно текстовой проблематики, т. е. функциональной стилистики текста/речи.

Эти годы оказались переломными в развитии как вообще лингвостилистики, так и стилистики научной речи. Закономерно, что пристальное внимание было обращено на смысловую сторону текста. На базе концепции экстралингвистических оснований функциональных стилей [Кожина, 1966; 1968], воспринятой как теоретический фундамент функционально-стилистического исследования, была разработана модель экстралингвистической основы именно научного текста [Котюрова, 1988]. Эта модель соотносится с комплексом взаимосвязанных экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на смысловую структуру и развертывание текста. Тем самым получена возможность интерпретировать названные выше базовые экстралингвистические факторы, связанные с познавательной деятельностью субъекта по отношению к объекту и с научным знанием как продуктом этой деятельности в сфере науки. Для дальнейшего изучения научной речи понятие экстралингвистической основы структурировано в рамках целостного комплекса стилеобразующих факторов.

Современный подход к знанию как продукту познавательной деятельности позволяет условно дифференцировать знание и рассмотреть его в трех аспектах: 1) со стороны предметно-понятийного содержания, 2) в отношении методов, способов и приемов получения знания, 3) в плане оценки актуальности, новизны, достоверности, значимости знания.

В эти же годы осуществляется интенсивное исследование научных текстов в аспекте текстовых единиц и текстовых категорий. Так, в монографии Т. В. Матвеевой «Функциональные стили в аспекте текстовых категорий» (1990) категории тональности, тем-

поральности, локальности и др. рассматриваются применительно к каждому из функциональных стилей, в том числе и научному.

М. Н. Кожина выдвигает идею о целесообразности выделения особых функциональных семантико-стилистических категорий (ФССК), которые описаны ее учениками применительно к научной речи (гипотетичности — Т. Н. Плюскиной, М. Н. Кожинной, И. С. Бедриной; диалогичности — Л. Р. Дускаевой, М. Н. Кожинной, акцентности — Т. Б. Ивановой и др.).

Пермская школа функциональной стилистики при изучении научной речи опирается на интердисциплинарный подход, основанный на применении комплексных методов. Применение такого подхода обусловлено тем, что теперь имеется основательная база в виде достижений смежных дисциплин — психологии познания и творчества, науковедения, психологии общения, лингвосоциопсихологии (принципиально важные положения используются при изучении научного стиля М. П. Котюрова, Е. А. Баженова, Н. В. Данилевская, Л. М. Лапп, В. А. Салимовский, Л. С. Гиренко, Н. В. Соловьева и др.). Истории и теории научного стиля русского языка XIX—XX вв. посвящена трехтомная коллективная монография (под ред. М. Н. Кожинной), в первом томе которой (1994) представлено развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц разных уровней (лексических, морфологических, синтаксических), во втором (1996) — общетеоретические вопросы стилистики научного текста.

В 80—90-е гг. выходит трехтомный труд, посвященный анализу устной формы научной речи «Современная русская устная научная речь» (под ред. О. А. Лаптевой), в третьем томе которого рассматриваются текстовые особенности устной научной речи.

Закономерный результат многолетней работы пермских ученых, а также ведущих специалистов по стилистике — фундаментальное издание кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета «Стилистический энциклопедический словарь» под ред. М. Н. Кожинной (2003). Словарь заполняет значительную лакуну в области стилистики: отражает различные стилистические тенденции, направления, систематизирует научные знания, в нем упорядочивается терминология, выстраивается терминосистема.

Перспектива развития стилистики русского языка четко определяется М. Н. Кожинной как путь сотрудничества и взаимодействия с другими дисциплинами: «Функциональная стилистика получила именно сейчас возможность осуществить свою “заветную цель”, когда анализ перешел на другой уровень абстракции. В кругу иных речеведческих дисциплин, взаимодействуя с ними, функциональная стилистика все полнее и всестороннее может учитывать и использовать самый широкий экстралингвистиче-

ский контекст (данные когнитивной психологии, социологии, психолингвистики, науковедения и др.) и с помощью комплексных методов не только описывать, но и объяснять природу смысловой структуры текста... в реальности коммуникативно-познавательной деятельности» [Кожина, 1997:40].

К истории изучения экстралингвистической основы научной речи

Изучение такого сложного объекта, каким является научная речь, эффективно может осуществляться только посредством комплекса научных методов, среди которых ведущими являются системный (структурный) и функциональный. Функциональный подход наиболее широко и последовательно представлен в функциональной стилистике, хотя, например, в функциональной грамматике появляются работы, в которых функция какой-либо языковой единицы, формы, конструкции, категории рассматриваются в широком контексте, т. е. собственно в речи (см. работы А. В. Бондарко, Н. Е. Сулименко, А. И. Дунева и др.).

В исследовании научной речи наиболее общей можно считать проблему, связанную с пониманием научного текста как продукта функционирования языка в сфере научно-познавательной деятельности и общения. Функционирование языка, вслед за М. Н. Кожинной, понимается как своего рода перестройка языковой системы в соответствии с конкретными познавательно-коммуникативными целями — перестройка, создающая систему более высокого порядка, а именно речевую систему. Ее организующим началом являются собственно коммуникативные цели и задачи общения в конкретной форме и ситуации, которые определяют, в свою очередь, кругом экстралингвистических факторов.

Весьма важным, методологически значимым представляется категориальное понятие речевой системности, введенное в функциональную стилистику М. Н. Кожинной. Речевая системность — это взаимосвязь языковых единиц в конкретной речевой разновидности на основе функционального значения, реализуемого в соответствии со спецификой стиля и выполнением ими единого коммуникативного задания, обусловленного экстралингвистической основой данной речевой разновидности. Абстрагирование от языковых единиц (дотекстового уровня) и изучение целого текста позволяют обнаружить диалектическое единство двух сторон — речевой и экстралингвистической.

Изучение научной речи в направлении от экстралингвистической основы к тексту — это путь действительно функциональный, поскольку охватывает функционирование языковой системы в це-

лом (а не отдельных ее единиц внутри одного уровня), т.е. функционирование языка в речевой действительности.

Следует отметить, что изучение особенностей употребления дотекстовых единиц и категорий, несомненно, имеет важное значение для лингвистики. Однако некоторые исследователи считают, что «ученые сосредоточиваются на важных, но все же периферийных признаках стиля — главным образом, его грамматических характеристиках» [Комарова, 2004:7]. Такое сожаление высказано, правда, лишь в связи с тем, что «грамматический уровень не представляет существенной сложности при обучении языку» [Там же].

Путь изучения текста от экстралингвистической основы к речи (тексту) актуален не только в рамках функционального подхода в стилистике и лингвистике текста, но и шире — в пределах коммуникативной лингвистики. Он предполагает прежде всего детальный и глубокий анализ самой экстралингвистической основы каждого из функциональных стилей (мы ограничиваемся лишь научным), определение ведущих экстралингвистических факторов и изучение их влияния на смысловую структуру текста.

Важность проблемы экстралингвистических явлений в стилистике отмечается в работах В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, О. С. Ахмановой, А. Н. Васильевой, И. Р. Гальперина, М. Н. Кожиной, А. А. Леонтьева, Н. М. Разинкиной, Э. Г. Ризель, Е. С. Троянской и др., в трудах чехословацких лингвистов Б. Гавранека, К. Гаузенбласа, Л. Долежела, М. Елинека, Ф. Травничка и др. К. Гаузенблас, например, писал, что для полной характеристики стилей полезно соединить подход со стороны внеязыковых, так называемых стилеобразующих, факторов с подходом со стороны внутренней структуры коммуниката (произведения). Отсюда ясно, что изучение экстралингвистических явлений не следует ограничивать их соотношением со структурно-языковой стороной, но, напротив, нужно расширить изучение их как основы функциональных стилей речи.

Методологически точный ориентир на поиск экстралингвистических оснований функциональной стилистики в дальнейшем вывел исследователей на путь выявления специфики функциональных стилей, а также конструктивных принципов их внутренней организации. При этом оказалось весьма важным то обстоятельство, что экстралингвистические факторы имеют далеко не одинаковую стилеобразующую значимость.

Для формирования специфики функциональных стилей, в частности научного, ведущими экстралингвистическими стилеобразующими факторами являются прежде всего форма общественного сознания (наука), соответствующие ей вид деятельности (познавательно-коммуникативная) и тип мышления (понятийно-логический).

Как доказано М. Н. Кожиной в результате анализа обширного речевого материала, именно этот комплекс факторов является причинно-основным, определяющим «глубинные», специфические признаки отдельных функциональных речевых стилей. Плавный переход к собственно языковой стороне — от экстралингвистических факторов, «удаленных» от речи, через посредство факторов, близких к самой речи, — представляется весьма ценным в работах М. Н. Кожиной, А. Н. Васильевой, О. Б. Сиротининой, Е. А. Баженовой, В. А. Салимовского, Н. В. Данилевской и др.

Многие противоречащие друг другу заключения и разноречивые стилистические классификации системы языка и речевых разновидностей могут быть преодолены посредством изучения экстралингвистической основы речи, причем комплексными методами, опираясь на смежные с лингвистикой дисциплины, в частности, психологию, гносеологию, социологию, науковедение и др. Стилистика научной речи обогатилась интересными разысканиями относительно экстралингвистических стилеобразующих факторов. Иерархия таких факторов последовательно рассматривается в работах М. Н. Кожиной. В «самый глубинный и определяющий ярус в соотношении “лингвистическое — экстралингвистическое” входит один из компонентов единства речи и мышления — научное мышление. Именно оно определяет такую специфическую особенность научной речи, как подчеркнутая логичность, включающая отвлеченно-обобщенность и понятийность, реализуемые лексическими, морфологическими и синтаксическими единицами языка» [Кожина, 1977; 1983].

А. Н. Васильева, углубляя и конкретизируя понимание экстралингвистической основы одного из ведущих в современном литературном языке функциональных стилей — научного, особое внимание уделяет логическому принципу в организации содержания текста [Васильева, 1976:43]. Этот принцип оценивается А. Н. Васильевой как стилистическая доминанта и подтверждается скрупулезным целенаправленным анализом научных текстов. На этом основании логический принцип организации содержания научной речи считаем целесообразным рассматривать в качестве конструктивного, фундаментального для научных текстов (см. об этом ниже).

Итак, наиболее эффективное изучение научной речи (как отдельных языковых явлений в ней, так и — особенно — смысловой структуры текста в целом) возможно лишь при учете роли теоретических положений об экстралингвистической основе научной речи. В связи с этим особенно важным представляется изучение влияния на смысловую структуру научного текста комплекса взаимосвязанных (а не случайных) экстралингвистических факторов.

Конструктивный принцип и механизм текстообразования

Обращаясь к вопросу о конструктивном принципе научного текста, следует уточнить, что этот принцип обусловлен поликомпонентностью смысла, соотносимого с понятием *эпистемической ситуации* (ЭС). Благодаря вариативности, гибкости в пределах выражения онтологического, методологического и аксиологического компонентов знания, конструктивный принцип и обеспечивает качественную — эпистемическую, или научно-познавательную, цельность текста.

Конструктивный принцип текстообразования в научной сфере коммуникации обусловлен спецификой эпистемического процесса. Эта специфика связана с познавательным движением от не-знания к знанию в высшей степени достоверности — знанию номологическому, представленному в виде совокупности законов, управляющих жизнью природы, общества, человека.

Можно считать, что высший познавательный конструктивный принцип «от не-знания — к закону» лежит в основе любого эпистемического процесса, зафиксированного в тексте в «режиме экономии», а значит, не полностью, а избирательно, контурно, однако в русле общей тенденции, или конструктивного принципа текстообразования. Иначе говоря, конструктивный принцип текстообразования можно соотнести со сменой кадров, составляющих единую динамическую картину. В таком случае содержание научного текста можно представить как совокупность взаимосвязанных эпистемических ситуаций, отражающую динамику познавательно-коммуникативной деятельности от выявления противоречия (не-знания) к закону — знанию в высшей степени абстрактному, достоверному, а значит, в коммуникативном отношении бесспорному. Для создания такой познавательной динамики тексту необходима определенная полнота содержания. Поскольку полная исчерпанность содержания невозможна, то эксплицитность одних компонентов эпистемической ситуации неизбежно предполагает имплицитность (нев्यраженность) других. При этом особенно важна роль конструктивного принципа текстообразования, который актуализирует разные параметры эпистемической ситуации, т.е. управляет и формированием текста, и его восприятием.

Так, в онтологическом аспекте особенно важной оказывается логическая связь развиваемых понятий (в терминологии лингвистики: логико-семантические отношения терминов) в соответствии с тенденцией к абстракции. Понятия находятся в терминосистеме текста на разных уровнях абстракции — подобно ступенкам лестницы. По мере того как достигаются все более высокие

(более абстрактные) уровни, человеческое познание охватывает все более обширные области реальности. «Можно с уверенностью предположить, — считает Фридрих Кликс, — что эта тенденция, действующая в направлении развития познавательных способностей и повышения результативности интеллектуальной деятельности, не угасает до настоящего времени» [Кликс, 1983:19]. Существенно то, что в пределах онтологического аспекта знания тенденция к абстрактности имеет, с одной стороны, целенаправленный, с другой — концентрированный характер. Это, в свою очередь, влечет за собой активизацию логического компонента, создающую впечатление о «господстве логического принципа» [Васильева, 1976] в научной речи.

Вместе с тем конструктивный принцип не следует ограничивать рамками онтологического аспекта эпистемической ситуации и не учитывать его рационально-оценочной роли в организации содержания как научного знания. Ясно, что действие конструктивного принципа научной речи в методологическом отношении заключается в продвижении мысли от одной формы знания к другой: от познавательной догадки, выдвижения гипотезы, ее обоснования и интерпретации — к формированию концепции и открытию закона. В аксиологическом — способствует квалификации содержания в процессе его движения от не-знания к знанию в той или иной степени достоверности, вплоть до констатации факта как высшей степени уверенности в достоверности знания.

Невозможно представить себе, чтобы такая многокомпонентная смысловая структура «управлялась» простым, а именно линейным, механизмом текстообразования. Естественно было предположить, что сложному научному содержанию соответствует достаточно сложный механизм его развертывания, по-разному проявляющий действие относительно того или иного компонента смысловой структуры текста.

В отношении онтологического компонента знания Н. В. Данилевская установила, что в качестве механизма развертывания содержания научного текста выступает система речевых вариативных повторов. Кроме того, ею разработана и убедительно аргументирована оригинальная концепция взаимодействия старого и нового знания, в которой обосновывается понятие познавательной оценки как основы динамики текстообразующего механизма [Данилевская, 2005].

Справедливо считать, что система компонентов старого и нового знания является инструментом не только анализа, но и объяснения глубинной структуры научного текста. Выявленные закономерности формирования нового знания присущи всем исследованным Н. В. Данилевской текстам, поэтому вполне естественно интерпретируются как универсальные: «Понятие позна-

вательной оценки позволило обосновать динамику взаимодействия компонентов старого и нового знания, а также углубить представление о движущих силах познавательной деятельности ученого. Компоненты знания, взятые в единстве и взаимообусловленности с познавательной оценкой, представляют собой завершенный, полный механизм развертывания научного текста, отражающего типовую структуру познавательной деятельности. Этот механизм раскрывает новые стороны композиционно-смыслового устройства научного произведения, обусловленные важнейшими экстралингвистическими факторами, и объясняет лингвостилистическую природу структурной и смысловой многогранности научного текста» [Данилевская, 2005:6—7].

Предваряя переход к следующей главе, следует особо подчеркнуть, что для стилистики научной речи весьма важной представляется обеспеченность всей совокупности компонентов эпистемической ситуации — как в статике, так и в динамике — различными языковыми и текстовыми средствами. Поэтому конструктивный принцип в отношении научной речи, представляя собой глубинную основу текстообразования, действует в условиях полифункциональности языковых и текстовых единиц, а также политекстуальности (совокупности субтекстов как речевой реализации компонентов эпистемических ситуаций), присущей именно научному тексту.

Интересно также, что репрезентация модели научного знания и его конструктивного принципа (принципа развертывания) в научном тексте носит избирательный характер: не все параметры и не всегда востребованы, поэтому используются только те компоненты, которые оказываются релевантными для конкретного случая и подчиняются «переключению» по творческой воле автора.

СТРУКТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА НАУЧНОГО СТИЛЯ РЕЧИ

Фонетические особенности научной речи

Литературный язык имеет две формы своего существования — устную и письменную. Устной речи свойственны такие характеристики, как неподготовленность, необратимость к началу, связь с физическим временем осуществления речи. Письменная речь формируется благодаря обдуманному поиску языковых средств, поэтому она должна быть высоконормативной.

В современной научной литературе описание произносительной стороны функциональных разновидностей языка строится двояким образом: либо в плане предъявляемых к ней идеальных требований и характеристики того, «как правильно», «что допустимо» и «что запрещено» в той или иной сфере общения, либо в плане реального использования фонетических средств носителями литературного языка в повседневной речевой практике. Представители одного подхода (М. В. Панов, Е. А. Земская, Н. Н. Романова и др.) утверждают, что носители литературного языка в зависимости от ряда условий (официальное/неофициальное, личное/публичное, подготовленное/неподготовленное общение и др.) должны использовать одну из двух систем, составляющих литературный язык, — кодифицированный литературный язык или разговорный язык. В основе другого подхода лежит следующее представление: «как бы и о чем бы мы ни говорили, спонтанно порождая свою речь, в ней всегда так или иначе будут сочетаться нормы кодифицированной и устно-разговорной речи» (О. А. Лаптева). Одним из основных и одновременно дискуссионных здесь является вопрос о границах, в пределах которых употребление разговорных форм не вызывает негативной оценки.

Изучение особенностей функционирования произносительных вариантов в отношении только двух характеристик — кодифицированной и разговорной — в текстах, принадлежащих к устным формам «специальной речи», включающей в себя научную, официально-деловую, публицистическую и разговорную [Вещикова, 1997], дает далеко не полную картину речевого поведения

носителей литературного языка. Это объясняется тем, что в любой функциональной разновидности современного русского языка имеет место то или иное взаимодействие кодифицированных и разговорных единиц; характер взаимодействия определяется множеством как экстралингвистических, так и собственно лингвистических факторов, порой усиливающих друг друга, а порой действующих в противоположных направлениях.

В соответствии с тем, какие типы произносительных единиц при формировании функциональных разновидностей языка являются доминирующими, можно говорить о противопоставлении «специальной» и разговорной речи. Так, в специальной речи, в которую включается научная, официально-деловая и публицистическая, ведущими становятся фонетические формы кодифицированного литературного языка, в то время как в разговорной речи, напротив, разговорные произносительные варианты. Вместе с тем обращение к специальной речи позволило обнаружить, что и она оказывается проницаемой для разговорных единиц, хотя степень «насыщенности» разговорными формами может варьироваться. При этом характер их реализации в значительной мере обуславливается и такими факторами, как отнесенность соответствующего текста к так называемым строгим или свободным жанрам (ср., например, дикторскую речь, лекцию для иностранцев и обсуждение политических или научных вопросов «за круглым столом»), вид речи (воспроизведение и продуцирование), принадлежность говорящего к тому или иному типу речевой культуры (элитарной, среднелитературной, литературно-разговорной или фамильярно-разговорной [Сиротина, 2001] и т. п.).

Кроме того, при исследовании отдельных разновидностей «специальной речи» ученые нередко акцентируют внимание на том, что употребление в ней разговорных форм, как правило, функционально строго обусловлено. Так, например, в научной речи дифференцируются следующие случаи употребления разговорных форм: 1) для снятия информативности, 2) при контактных повторениях, 3) в слабых фразовых позициях; 4) имитации разговорности. В целом сходная картина наблюдается и в отношении других функциональных стилей. При этом существенно отметить то обстоятельство, что ни количественные показатели использования разговорных единиц, ни функциональные особенности последних не могут быть привлечены для разграничения функциональных стилей, однако являются значимыми при противопоставлении «специальной» и разговорной речи [Вещикова, 1997].

Специальная речь характеризуется избирательностью в использовании разговорных форм. В научной, официально-деловой и публицистической речи регулярно и последовательно наблюдаются лишь те разговорные формы, которые наиболее близки к

кодифицированным; те же разговорные единицы, которые максимально удалены от соотносимых с ними кодифицированных или нуждаются в дополнительном контексте, обычно единичны и не составляют системы. Имея в виду это наблюдение, можно утверждать, что только часть разговорных форм может свободно функционировать на всем пространстве устной литературной речи и только часть — строго замкнута рамками разговорной речи.

Современное состояние функционально-стилистических исследований пока еще не позволяет ответить на вопрос, существуют ли различия между функциональными стилями в отношении использования ими разных вариантов произношения. С уверенностью можно говорить лишь о том, что объединяет все стили и одновременно противопоставляет их разговорной речи. Традиционно разговорные варианты рассматриваются недифференцированно, независимо от того, что они могут быть неравноценными в функциональном отношении и занимают разное место на шкале нормативности. Как считает И. А. Вещикова, характеристика разговорных произносительных вариантов не укладывается в систему оценок норма/не норма, правильно/неправильно, допустимо/недопустимо. Поэтому отмечается, что актуальной задачей в настоящее время становится детальное изучение закономерностей функционирования разговорных произносительных единиц в разных функциональных стилях и дифференциация их по типам.

Современному литературному языку свойственны разные произносительные стили, однако важно, что центральное положение занимают нейтральные произносительные единицы. Многие явления произносительной системы универсальны, поэтому нормы нейтрального стиля не всегда находят соответствие в других стилях. Это обуславливает возникновение в произношении такого разграничения, как кодифицированный литературный язык — *разговорная речь*, которая обслуживает сферу неофициального, неподготовленного, личного общения, в то время как, по мнению М. В. Панова, кодифицированный литературный язык в этом отношении нейтрален: на нем можно говорить всегда. В отношении научного стиля письменной речи следует особо подчеркнуть, что он обслуживается именно кодифицированным литературным языком.

Словообразовательные особенности научной речи

Русское словообразование располагает определенными возможностями для выражения специфического содержания научных текстов. Специфика содержания (научного знания) соотносится прежде всего с отвлеченно-обобщенностью, которая, в свою

очередь, передается различными языковыми средствами, в частности, такими словообразовательными единицами, как префиксы и суффиксы. Так, функционально окрашенными являются приставки книжного происхождения, характерные для научных и научно-технических терминов: *воздействие*, *нисходящее/восходящее* ударение, *воспроизводство*, в том числе ряд префиксов прилагательных иноязычного происхождения: *а-* (*афазия*, *асимметрия*, *асистемность*), *анти-* (*антимонаполюсный*, *антихудожественный*), *де-* (*деметафоризация*, *десемантизация*, *деструктуризация*), *ре-* (*репрезентация*, *ресемантизация*, *реструктуризация*), *мета-* (*метакогнитивный*, *метапоэтика*, *метатекст*), *пара-* (*паралингвистика*, *парапсихология*), *син-* (*синтактика*, *синергетика*, *синлексика*, *сингармонизм*), *интер-* (*интердисциплинарный*, *интертекстуальный*), *экстра-* (*экстраординарный*, *экстралингвистический*, *экстраполяция*), *транс-* (*трансдисциплинарный*, *транспонированный*) и др.

Известен целый ряд суффиксов книжного происхождения, придающих соответствующую стилевую окраску: *-ств-*, *-ость*, *-изм*, *-ур-*, *-ани (е)*, *-ени (е)*, *-тель*, *-ист*, *-тор*, *-изн-*; например: *вещество*, *свойство*, *авторство*; *вариативность*, *избыточность*, *ментальность*, *сущность*; *формализм*, *фразеологизм*; *аббревиатура*, *аспирантура*, *конъюнктура*; *вдохновение*, *восклицание*, *излучение*; *исследователь*, *ускоритель*; *гуманист*, *энциклопедист*; *дифференциатор*, *стабилизатор*; *кривизна*, *новизна (исследования)* и др.

Отметим ряд суффиксов, характерных для научной и научно-технической речи. Так, с помощью уже названных суффиксов книжного происхождения постоянно образуются научные термины: *-ость* (*эффективность*, *интенсивность*, *ассоциативность*); *-ств-* (*свойство*, *существо*, *шутовство*, *юрродство*), *-изм* (*идеализм*, *конформизм*, *консонантизм*), *-аци(я)* (*конкретизация*, *концептуализация*, *реализация*, *характеризация*, *дифференциация*, *грамматизация*), *-фикаци(я)/-ификаци(я)* (*идентификация*, *газификация*), *-тор* (*классификатор*, *детализатор*, *коммуникатор*), *-ит* (*бронхит*, *сталактит*, *депозит*) и др.

Как у префиксальных, так и у суффиксальных образований функционально-стилистическая окраска весьма заметна.

Словосложение также обладает немалыми стилистическими возможностями. Например, разного рода терминологическая лексика обладает яркой окраской книжности: *жанроведение*, *концептология*, *онтология*, аббревиатуры в зависимости от сферы использования несут яркую контекстуально-книжную окраску: *ЛЭС* — лингвистический энциклопедический словарь, *РЖ* — речевые жанры, *СМИ* — средства массовой информации, *СЭС* —

стилистический энциклопедический словарь, *УНР* — устная речь, *УПР* — устная публичная речь и др.

Стилистические особенности лексики научной речи

В области лексической стилистики особую значимость имеют вопросы стилистической дифференциации словарного состава современного русского языка, функционально-стилистического статуса основных лексико-семантических пластов, их выразительных возможностей, особенностей и закономерностей использования в речевой коммуникации, а также в разных стилях, в частности научном. *Стилистическая структура языка* понимается как исторически сложившаяся, внутренне организованная, иерархическая система коммуникативно обусловленных нейтрально-стилистических и коннотативных «значений», способов их выражения — система, осложненная функционально-речевой дифференциацией литературного языка. С этим связана и двойственная характеристика стилистических качеств речевых средств: с функционально-экспрессивной и функционально-стилистической точки зрения.

Экспрессивная окраска — это дополнительные оттенки оценочного характера, которые как бы наслаиваются на предметно-логическую основу семантики слова. Экспрессивная окраска слов исключительно разнообразна, однако лексика русского языка распределяется по трем разрядам в зависимости от общей экспрессивной тональности, окрашенности, которую имеют (или не имеют) слова: 1) «лексика повышенной экспрессии»; 2) «пониженной экспрессии»; 3) «нейтральная». При этом «точкой отсчета» является лексика нейтральная, т. е. лишенная экспрессивной окраски. Нейтральная лексика служит фоном, на котором проявляется экспрессивно-эмоциональная характеристика книжных и разговорных слов, объединяемых в лексические разряды с функционально-экспрессивной точки зрения. Вокруг слов, выступающих как семантическая (смысловая) доминанта синонимического ряда, располагаются лексические единицы с повышенной и пониженной окраской. Например: *ходить* — *блуждать* — *слоняться*. В этом синонимическом ряду *ходить* — основное слово, обозначающее в данном случае движение, совершающееся в разных направлениях (с определенной или неопределенной целью): *ходить по городу, по лесу, ходить по магазинам*. *Блуждать* — «ходить без определенной цели и направления», бродить, скитаться: *Вот уже целый месяц я блуждаю в степи по кочевым дорогам* (М. Пришвин). *Слоняться* — «ходить, бродить взад и вперед, обычно без дела»: *Работа на ум не шла — никто ничего не де-*

лал, слонялись без толку в коридорах (Д. Фурманов). Главное различие сопоставляемых слов заключается в их экспрессивной окраске: *ходить* — нейтральное, общеупотребительное; *блуждать* — несколько архаизированное для современной литературной речи; *слоняться* — слово разговорной речи, сниженной экспрессии, с оттенком неодобрительности, пренебрежения.

Выразительность нейтральной лексики определяется тем, что, с одной стороны, обобщенные, емкие значения нейтральных по экспрессивной окраске слов позволяют обозначить достаточно широкий круг явлений, в чем-либо сходных с предметно-понятийной основой данной лексемы. С другой стороны, нейтральные слова очень подвижны в смысловом и экспрессивном отношениях. Благодаря семантической гибкости под воздействием контекста и фразеологического окружения раскрываются возможности лексической единицы в передаче новых значений интеллектуального содержания и субъективной модальности [Бельчиков, 1988].

«В последнюю четверть XX в. на основе лексикологии сформировалась наука, которой предстоит сыграть в будущем развитии человечества необычайно важную роль» [Гринев, 1993:5]. Имеется в виду терминоведение. У истоков этой науки стояли не столько лингвисты, сколько инженеры и представители естественных наук, а в лингвистических сочинениях, по мнению Г. О. Винокура, терминологические факты привлекались лишь в качестве негативного материала, представляющего собой отчетливый контраст по отношению к фактам обиходного языка и потому дающего возможность лучше оттенить специфические свойства слова вообще. Традиционно описываемый в науке о терминах как строго каноническая, заданная языковая единица, в реальном функционировании термин оказался многоаспектной, относительной, «нежесткой», противоречивой единицей, не во всем удовлетворяющей требованиям, предъявляемым к ее формированию. Термин ведет себя как в высшей степени противоречивая единица; используя определение П. А. Флоренского, можно назвать ее «движущимся покоем», проявляющим противоположные свойства: эта единица порожаема и воспроизводима, однозначна и одновременно многозначна, нейтральна и эмоциональна, зависима и независима от контекста, статична и динамична. Терминоведам Л. М. Алексеевой, З. И. Комаровой, В. М. Лейчику, Д. С. Лотте, В. В. Налимову, В. Н. Немченко, В. М. Овчаренко, В. А. Татаринovu и др. все эти свойства термина послужили основанием для создания концепции терминообразования. Рассматривая механизм образования терминологической единицы в тексте, Л. М. Алексеева приходит к выводу о том, что «исследование *текстового* порождения термина во многом разрушает привыч-

ную устойчивую схему анализа термина как статичной, устойчивой единицы сферы фиксации знания» (курсив мой. — М. К.) [Алексеева, 1998:7].

Еще в 30-е гг. XX в. Г. О. Винокуром было высказано мнение о том, что термин — это не особое слово, а слово в особой функции. Это мнение получило в дальнейшем различную интерпретацию. Началом поиска решения проблемы слово/термин стало предположение, что специфическая функция термина определяется не номинативной функцией, а системой, в которую он входит, «вне которой слово теряет свою характеристику термина» [Реформатский, 1959:51].

Важным для теории термина является утверждение В. М. Лейчика о том, что термин образуется на основе лексической единицы определенного естественного языка, т. е. лексическая единица этого языка является *субстратом* термина. «Если быть точным, то термин является слугой трех господ: языка, “логики” как общих закономерностей формирования понятий и их определений и той предметной области, к которой этот термин относится (отрасль науки, техники и т. п.)» [Лейчик, 1986:88].

Подчеркнем, что функциональное направление в терминоведении основывается на том, что терминология порождается на базе естественного языка, причем в реальных текстах. Данное утверждение позволяет дать объяснение таких противоречивых свойств термина, как однозначность/многозначность. «В тексте в процессе порождения термина актуализируется непосредственная связь термина и его дефиниции, выражающаяся в том, что дефиниция служит порождающей базой термина, поэтому можно утверждать, что в рамках конкретного текста термин однозначно соответствует своей дефиниции. Следовательно, можно говорить об “однозначности” термина, только имея в виду соответствие конкретного термина своей первоначальной дефиниции, задаваемое в порождаемом тексте» [Алексеева, 1998:39].

К стилистическим ресурсам лексики относятся средства словесной образности — *лексические* и *синтаксические*. К средствам словесной образности относятся прежде всего *тропы*. Тропы — явления лексико-семантические, это разные случаи употребления слова в переносном значении, хотя, как известно, в современном языковом сознании не всякое переносное значение является образным.

Например, под *метафорой* понимаются слово или оборот речи, употребленные в переносном значении на основе какого-либо сходства, аналогии. При этом обычно различают метафоры образно-языкового характера (стертые или окаменелые), метафоры, сохраняющие «свежесть», и метафоры индивидуальные (поэтические). Общеязыковые окаменелые метафоры со стершейся образ-

ностью (*подошва горы, языковая картина мира, языковая личность, ассоциативно-вербальная сеть*) к средствам словесной образности не относятся. Именно свежесть, новизна метафоры является одним из главных ее признаков как образного средства. Стремясь к выразительности и яркости речи, не только писатели создают метафоры.

Научной речи свойственна и метафора, поскольку она «служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удается достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля. Объекты, к нам близкие, легко постигаемые, *открывают мысли доступ* к далеким и ускользающим от нас понятиям. При этом важно, что «метафора в функции терминологической единицы является не конечным продуктом речевой деятельности или неким эффективным экспрессивным средством, а составляет основу процесса индивидуального научного творчества, целью которого является представление новизны открываемого знания и его оязыковление» [Алексеева, 1998].

Научная метафора имеет противоречивый характер: в процессе терминологической метафоризации актуализируются как определенное сходство между референтами, поскольку метафора должна быть обязательно понята, так и несходство, поскольку порождается новый смысл, причем степень сходства и несходства определяет истинное значение метафоры. Ученый оперирует понятиями и поэтому использует прямые номинативные значения слов, стремясь к точности, терминованности, однозначности. Вместе с тем было бы неверно считать образность и эмоциональность выражения мысли вообще несвойственными научной речи. Монотонность, серость, как замечает Р.А. Будагов, нежелательны и недопустимы в научной речи.

В области научной и специальной терминологии (*ассоциативная сеть, лексическое наполнение, личная сфера, семантическое поле, узловaя точка, языковая игра*) метафор немало, однако вследствие терминологичности, а следовательно, однозначной номинативности эти слова утрачивают образность.

В силу общей понятийности и точности научной речи к использованию в этой сфере образных средств, в особенности метафор, следует подходить осторожно: лучше подыскать точный термин, чем использовать образ. Из истории научного стиля известно, что образность здесь нередко рождается как раз в том случае, когда не найдено еще точного наименования — термина. А это свидетельствует о том, что само понятие еще не определено со всей ясностью.

Вопрос о роли метафоры в языке науки имеет сложную историю. Как показывают многочисленные исследования метафоры, история развития многих основных научных понятий, таких как

язык, тяжесть, сила, электронная дыра, пожирающие клетки, пустыньность Вселенной и подобных, демонстрирует их метафорическую природу.

Нетрудно понять значение терминологических метафорических процессов, принимая во внимание масштабы метафоризации как одного из глобальных и продуктивных процессов порождения языковых единиц в современной речевой деятельности. По справедливому мнению Л.М. Алексеевой, «метафоричность научных терминов, основных компонентов языка науки и техники, оказывается по крайней мере дважды мотивированной: с одной стороны, общелингвистической тенденцией развития языка науки, с другой — метафоричностью мышления, этапы развития которого фиксируются созданием новых терминов» [Алексеева, 1998:92].

Некоторые исследователи называют проблемы метафоры «горячими» точками, в которых сходятся интересы философов и лингвистов. При этом особенно ценно то обстоятельство, что «новое в науке прокладывает себе путь метафорическим языком» [Кулиев, 1987:79]. В этом высказывании содержится важная мысль о том, что метафора естественна для языка науки и очищение научного языка от метафор противоречит понятию познавательной деятельности. В контексте учебного пособия представляется особенно важным подчеркнуть: «*При восприятии метафорического контекста повышается креативность мышления*, поскольку возникает необходимость усиления его *интегративной функции* для обнаружения неосознаваемых... имплицитных доминантных компонентов смысла. Эта интегративная функция проявляется в образовании аналогий как основы метафоризации, ибо аналогия — один из видов бессознательного обобщения» (курсив мой. — М. К.) [Герман, 2000:92]. Значимость интегративной функции метафоры вполне понятна: «метафорическая аналогия может возникать при полном отсутствии подобия реалий» [Там же:97].

Осознание специфики языка науки напрямую связано с решением старой, но до сих пор не решенной проблемы экспрессивности термина. В.Н. Прохорова утверждает, что «кроме сигнификативного и денотативного значений (обозначение понятия и предмета) у терминов всех терминосистем может присутствовать также коннотация — определенные семантические наслоения. В понятие коннотации в лексическом значении термина мы включаем эмоциональность, экспрессивность и образность» [Прохорова, 1996:17]. В качестве примеров экспрессивных терминов приводятся *болезнь стали, барашек, желудочек сердца* и др.

Для семантической структуры термина существенна соотносительность первичного слова-основы с вновь описываемым фактом

Окраской научного функционального стиля прежде всего обладают узкоспециальные и общенаучные *термины*. По причине таких специфических черт научного стиля, как его общая отвлеченность и обобщенность, терминологическая лексика необразна и безэмоциональна. Но, разумеется, было бы неверно утверждать, будто научная терминология вообще лишена какой бы то ни было стилистической окраски. Эта лексика ограничена сферой своего употребления, значит, не может быть нейтральной в плане функционирования. Терминология чрезвычайно типична как раз для научной сферы общения и широко употребительна именно в ней. При использовании в других сферах (например, художественной или публицистической) она, как правило, изменяет свою функцию, а нередко и семантику, т. е. переосмысливается и получает различные эмоционально-экспрессивные оттенки, что генетически ей не свойственно. Если, например, устно-разговорная речь, даже при специальной теме разговора, неумеренно насыщается терминологией, то приобретает неестественный, наукообразный характер. В этом случае говорящие чувствуют ее стилистический (именно стилистический!) сдвиг, причем в сторону именно научного, а не какого-либо другого, стиля. Терминология придает речи оттенок научности.

Заметим, что слова с функционально-стилистической окраской по сравнению с эмоционально-экспрессивно окрашенными отличаются строгой системностью, устойчивостью их «частной» стилистической окраски, более четкой ограниченностью сферы их употребления. Ограничительные требования нормативно-стилистического характера здесь весьма жестки: несоблюдение их ведет к таким речевым «болезням», как наукообразность, канцелярит и др.

Системность научной терминологии очевидна: термин может быть понят и определен именно в системе данной терминологии. Отсюда — функциональные ограничения при его употреблении. Помимо общенаучной терминологии (используемой в ряде наук, группе наук, всех науках), которая проникает в другие функциональные стили, существует и узкоспециальная терминология отдельных наук: термины химии, физики, математики, языкознания и др. Если общенаучная терминология менее ярко функционально-стилистически окрашена, то узкоспециальная обладает более сильной функционально-стилистической окраской: использование в непривычной сфере не только затрудняет ее понимание, но и с очевидностью приводит к неприятию самого факта ее употребления в данной сфере.

Приведем примеры научной лексики. **Общенаучная:** *анализировать, дифференцировать, классифицировать, аномалия, апробация, аргумент, дефиниция*. **Узкоспециальная:** термины химии — *гидраты, молекула, окись, полимер, раствор, хлорме-*

тилен; математики — вектор, гипотенуза, дифференциал, логарифм, теорема; языкознания — аббревиатура, аффикс, омоним, орфоэпия, суффикс, фонема.

Внутренняя дифференциация научного стиля речи

Функциональный стиль — явление не монолитное, а представляющее собою «многослойное» (сложное) единство, репрезентированное текстами определенного типа. Это обусловлено тем, что на речь и создание ее стилового своеобразия одновременно воздействует множество внелингвистических факторов, каждый из которых так или иначе оставляет в стиле речи свой след.

Стиль речи — это нечто единое, но ее анализ позволяет определить, какие конкретные стилевые признаки связаны с теми или иными экстралингвистическими факторами (и обусловлены ими). Сами функциональные стили (как макростили) выделяются и классифицируются на основе базовых (первичных) экстралингвистических стилеобразующих факторов, а именно социально значимой, исторически сложившейся сферы общения и вида деятельности, соотносительных с той или иной формой общественного сознания (наука, политика, искусство и др.), назначением ее в обществе, а также формой мышления и некоторыми другими.

Стилевая специфика каждой такой функциональной разновидности речи формируется традиционно сложившимся конструктивным принципом отбора и сочетания в ней языковых средств. На этом основании в отечественной, а также славянской и — шире — европейской традиции выделяются такие функциональные стили, как научный, публицистический (политический), официально-деловой (административный, законодательный), художественный, разговорно-обиходный, религиозный (клерикальный).

Каждый из функциональных стилей подразделяется на более частные и конкретные стилистико-речевые разновидности: подстилевые, жанровые и т. д. — вплоть до отражения в стиле индивидуальной стилевой манеры автора текста.

Так что каждый конкретный текст (произведение, высказывание), с которым, собственно, и имеет дело исследователь, обладает одновременно стилевыми чертами и макростиля, и конкретной более частной его разновидностью, к которой он принадлежит, т. е. стилевыми особенностями, возникающими под воздействием комплекса стилеобразующих факторов этого текста.

Назовем более конкретные стилевые разновидности научного функционального стиля — *подстили*. В стилистической литературе различаются *собственно научный* (с такими еще более част-

ными разновидностями, как научно-гуманитарная, естественно-научная, точных наук), *научно-технический, научно-учебный, научно-популярный*.

Дальнейшие более частные стилевые особенности зависят от природы жанра: монографии, статьи, очерка, рецензии, учебника, курса лекций, доклада, реферата, тезисов. Наиболее общее определение научного жанра предложено В. Барнетом: «Под жанром понимается речевое произведение, обладающее устойчивыми, повторяющимися сущностными (содержательными) и формальными признаками» [Барнет, 1985:96]. Опираясь на понимание жанра М. М. Бахтиным, который придавал особое значение таким признакам жанра, как тематическое содержание, стиль и композиционное построение [Бахтин, 1979:237], В. Барнет подчеркивает, что «относительная стабильность жанров научной речи не исключает их вариативности» [Барнет, 1985:114] и называет ряд жанрообразующих факторов — протяженность текста, его горизонтальное и вертикальное членение, а также преимущественное использование определенного способа изложения. Некоторую вариативность стилю могут придавать частные разновидности жанров со специальными тематическими целями, например, статья теоретического или экспериментального характера по содержанию, обзорная и др. Кроме этих первичных жанров (первичной литературы), выделяются вторичные, также стилистически маркированные: автореферат, резюме, обзор реферативного журнала.

Наряду с этими жанрами, бытующими обычно в письменной форме, могут быть и их устные «аналоги»: устный доклад, учебная лекция в аудитории. При этом следует различать доклад, прочитанный по заготовленному ранее письменному тексту, и неподготовленный, в известной мере спонтанного характера, кроме того, устное выступление в дискуссии. Хотя почти все функциональные стили выступают и в письменной, и в устной форме, однако первая явно превалирует, а вторая обычно представлена довольно узким кругом жанров (кроме сферы разговорной речи). Влияет на стиль речи и тип общения — контактный или дистантный (иначе — непосредственный или опосредованный), степень официальности/неофициальности и т. д.

Следует учесть, что истинная специфика функционального стиля, будучи обусловленной базовыми экстралингвистическими факторами, является обязательной, инвариантной для всех разновидностей текстов как носителей данного функционального стиля, а все прочие стилевые особенности — вариативными и как бы дополненными к первым, сопутствующими им. Отражение в научном тексте особенностей индивидуально-речевой манеры автора не обязательно и не всегда явно представлено, однако обычно присуще стилю крупных ученых.

Научный функциональный стиль представлен не только «чистыми» формами научной речи, но и другими внутренними разновидностями, в том числе подстилевыми и жанровыми, которые отражают взаимодействие разных функциональных стилей. Эти разновидности, находясь на периферии функционального стиля, несут в себе черты двух или трех взаимодействующих стилей (хотя обычно с доминированием черт того или другого), представляя собою переходные стилевые сферы в общем, глобальном речевом континууме. Например, *инструкция* к использованию каким-либо техническим прибором объединяет черты названных стилей речи; *патент* также объединяет черты «расслоенных» (разветвленных) и взаимодействия функциональных стилей удобнее представить это явление, используя принцип полевого структурирования.

Полевая структура функционального стиля — это модель дифференциации каждого стиля на более частные видовые образования по принципу поля, т. е. с выдвиганием центра (ядра) стиля на фоне его периферии, включая случаи пересечения и взаимодействия разных функциональных стилей. Весь текстовый (речевой) континуум как носитель функциональных стилей подразделяется на пять-шесть (если учитывать религиозный) функциональных стилей. Специфика каждого функционального стиля соотносится с узким кругом центральных подстилей и жанров, которые в наиболее чистом и полном виде представляют эту специфику как языковое воплощение влияния на речь прежде всего базовых экстралингвистических стилеобразующих факторов. Дальше от центра (на пути к периферии) находятся подстили и жанры, испытывающие воздействие и других экстралингвистических факторов, в результате чего к основным стилевым чертам добавляются другие, обусловленные дополнительными (наряду с базовыми) факторами.

Например, к основной цели — сообщению новой научной информации, полученной в ходе научного познания, и доказательству ее достоверности — может добавляться задача популяризации полученных в науке знаний либо задача обучения этим знаниям и т. д. В этих случаях специфика научной речи и ее основные стилевые черты сохраняются, к ним добавляются другие — факультативные, но тем не менее ситуативно важные. При этом стилевая окраска речи, присущая текстам, представляющим центральные подстили и жанры, несколько видоизменяется. Однако до тех пор пока основные черты научного стиля речи остаются в тексте, последний квалифицируется как носитель именно этого функционального стиля.

Таким образом, более частные и не центральные стилевые образования обладают как стилевыми чертами центра (специфич-

ными для данного функционального стиля), так и новыми, дополнительными, что несколько видоизменяет их стилевой облик в целом, но не «переводит» их в другой функциональный стиль. Еще дальше от центра отстоят собственно периферийные сферы, а затем переходные образования (при пересечении и взаимодействии двух-трех функциональных стилей).

Так, в научном функциональном стиле центр представлен собственно *научными текстами* (монография, статья, диссертация, реферат, тезисы); далее следуют *тексты учебной литературы* (учебники, учебные пособия, курсы лекций); еще далее — *научно-популярная литература*, составляющая периферию стиля. На пересечении с художественным стилем находится *научно-художественная литература*, а на пересечении с официально-деловым — разного рода *инструкции, патенты*. Переходные образования отличаются от периферийных тем, что значительно утрачивают связь с центром и способны представлять гибридные образования (совмещающие черты двух-трех функциональных стилей). Конечно, здесь нет четких границ между функциональными стилями. Важно, что дополнительные экстралингвистические факторы, воздействуя на формирование текста, специфику стиля существенно не изменяют. И это важно для разграничения функциональных стилей, при котором количественный, точнее стило-статический, критерий существенности/несущественности различий стилевой специфики анализируемых текстов оказывается весьма значимым.

В зависимости от композиционно-смысловой организации научная литература подразделяется на такие разновидности, как **жанры** с «открытой», «свободной», «мягкой» структурой — статьи, монографии, рецензии, тезисы и некоторые другие и жанры с жестко фиксированной структурой — патенты, авторские заявки, стандарты и др.; промежуточные формы — рефераты (в том числе авторефераты диссертаций), аннотации.

Е. С. Троянская вводит полевое представление жанровой структуры научного стиля, выделяя в нем три зоны: 1) ядерную, 2) периферийную, 3) пограничную, подчеркивая при этом, что «отношение жанров к различным зонам научного стиля носит весьма неоднозначный характер» [Троянская, 1989:91]. *Ядерную зону* образуют ведущие жанровые разновидности, репрезентирующие новое научное знание, — собственно научная статья, монография, диссертация, научно-технический отчет, тезисы, в которых находит свое наиболее яркое выражение стандарт стиля. К *периферийной области* относятся жанровые разновидности, в которых лингвостилистические характеристики, присущие научному стилю в целом, выражены в меньшей степени, — реферат, аннотация, справочники, рецензия, отзыв, курс лекций, инструкция

и др. *Пограничную зону* составляют жанры, представляющие собой межжанровые образования (например, рецензия-рекомендация) и межстилевые жанры (рекламная статья, научно-публицистическая статья, комментарий в научных и публицистических стилях и др.). Пограничная область неоднородна, ей свойственны контрастные лингвостилистические характеристики, идущие от различных стилей. Например, патент, стандарт, договор, акт, заявка и т. д. всегда репрезентируют пограничную зону, сближающуюся с научными произведениями официально-делового стиля. Чем дальше жанр от ядра, тем слабее его стилевая выраженность. Кроме того, чем меньше место в общем объеме публикаций занимает та или иная жанровая разновидность, тем меньше она влияет на языковые особенности жанра в целом. На самом краю пограничной области располагается научно-популярная и научно-публицистическая литература.

Ниже дадим общую характеристику некоторых из названных жанров научной литературы.

Монография — научный труд, посвященный многоаспектному рассмотрению и решению актуальной проблемы, обладающий новизной теоретического или эмпирического содержания, единством научного подхода, смысловой завершенностью, сложной композиционной структурой. Монографии присущи такие характеристики, как: многоаспектное содержание, включающее формулировку проблемы и/или постановку задачи; определение и дифференциация понятий с установлением между ними логико-семантических отношений; экспликация идеи, гипотезы или основного тезиса научной концепции, «окрашенных» гипотетической модальностью; доказательство гипотезы с использованием разнообразных средств аргументации; характеристика изучаемого объекта; демонстрация эмпирического материала, подтверждающего достоверность нового знания, и др.

Несмотря на типовое содержание (наличие введения, основной части, заключения), текстам монографии свойственна вариативность, обусловленная воздействием различных экстралингвистических факторов: специфики предметной области; типа изучаемого объекта (последний может быть «субстратным», т. е. материальным, либо «ментальным», т. е. идеальным продуктом человеческого сознания); теоретического или эмпирического ракурса исследования; многоуровневой структуры самой научно-познавательной деятельности; стиля индивидуального мышления ученого — дискретно-логического или континуально-психологического, а также уровня владения автором нормами научного изложения.

Композиция монографии определяется процессом коммуникативно-познавательной деятельности ученого и динамикой науч-

ного мышления, включающего этапы проблемной ситуации, проблемы, идеи, гипотезы, аргументации, вывода (закона). Каждый из этапов получает оформление посредством функционально типизированных текстовых единиц — коммуникативных блоков [Крижановская, 2000]. Реализация познавательных этапов в их закономерной последовательности является основным конструктивным принципом текстообразования во всех крупных академических жанрах научной литературы в целом. Монографии свойственны два типа композиции — моноцентрическая и полицентрическая. Первая характеризуется последовательной манифестацией познавательных форм (проблемной ситуации, проблемы, идеи и др.), отражающих решение одной проблемы. В произведениях с полицентрической композицией основная проблема расчленяется на ряд соподчиненных проблем, что приводит к разветвленности научного содержания произведения. Стереотипная композиционная структура является коммуникативно целесообразной: она создает четкую перспективу развертывания и восприятия текста, способствует ясности изложения, программирует восприятие и понимание смысла адресатом.

Структурная целостность монографии обеспечивается не только за счет тематического и смыслового единства ее содержания, но и благодаря прагматической рамке, которую образуют периферийные тексты — аннотация, предисловие, заключение, библиографический список, оглавление и др. Несмотря на научно-познавательную избыточность, они являются необходимыми компонентами политекстуальной структуры монографии: в краткой и обобщенной форме дублируя основной текст, периферийные тексты представляют важнейшие аспекты полученного знания, программируя тематическое развертывание основного текста и в то же время удовлетворяя информационные потребности адресата. Одни из этих текстов предварительно сообщают о содержании основной части (аннотация, предисловие); другие акцентируют внимание на наиболее значимых результатах проведенного исследования и сообщают о возможностях его практического использования (заключение); третьи ориентируют читателя в расположении научной информации на текстовом пространстве (оглавление); четвертые выполняют справочно-библиографическую функцию (библиографический список). С помощью периферийных текстов автор реализует ряд взаимодополняющих коммуникативно-прагматических установок, которые в совокупности оказывают воздействие на формирование смысловой целостности произведения и в то же время способствуют его восприятию.

Основные черты монографии как ядерного жанра научной литературы присущи и *статье*, обладающей менее разветвленной смысловой структурой и в связи с этим более простой композици-

ей и меньшим объемом. Жанр научной статьи дифференцируется следующим образом: 1) проблемно-постановочная статья; 2) статья — краткое сообщение о результатах научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; 3) собственно-научная (научно-техническая) статья, в которой достаточно подробно излагаются основные результаты исследования; 4) историко-научная обзорная статья; 5) дискуссионная/полемика статья; 6) научно-популярная статья; 7) рекламная статья. Подобные разновидности можно выделить и в других жанрах научной литературы, например: рецензия-научный отзыв, рецензия-аннотация, рецензия-рекомендация; описательная, реферативная, рекомендательная аннотации; общий, специализированный, сводный рефераты и т. д. Жанровые разновидности статьи не являются конечными и также имеют свои подвиды [Мальчевская, 1976; Троянская, 1989].

Учебник (учебное пособие) — учебно-научное сочинение, излагающее основы той или иной науки и предназначенное для дидактических целей. Основными отличиями учебника от других видов научной литературы являются «сжатая полнота» информации (А. Н. Васильева), предметно-логическая последовательность, ясность и доходчивость изложения, направленные на активизацию внимания адресата. Сжатая полнота выражается в том, что, с одной стороны, излагается только часть накопленной информации о предмете данной науки, но, с другой — эта часть является базовой и равномерно-разносторонне характеризующей предмет. Этим определяется и предметно-логическая последовательность изложения, а именно: сначала дается определение и общая характеристика предмета, определяются его основные стороны (аспекты), затем рассматривается каждая из них. При описании аспектов данная структурно-содержательная схема обычно сохраняется. Поскольку в учебнике представлено уже устоявшееся, базовое (дисциплинарное) научное знание, изложение в целом не имеет проблемного характера и полемика заостренности (за отдельными исключениями). Построение целого и его частей подчиняется закону предметно-логической иерархии и является линейно-разветвленным.

Актуальные жанры научной литературы: тезисы, реферат и автореферат диссертации, научная рецензия

Тезисы — жанр речевого произведения, особенно актуальный в научной и деловой сферах общения. Тезисы — краткая запись содержания научного исследования в виде основных, сжато сформулированных положений. По содержанию тезисы бывают пер-

вичными, т. е. авторскими, и вторичными, созданными на основе чужого текста. Оригинальные тезисы предназначаются для научно-делового общения, публикуются в виде сборника и обычно распространяются между участниками форума до его начала. Кроме того, тезисы формируют аудиторию «заочных» участников форума, для которых важно в предельно экономной форме представить его содержание. Наконец, тезисы имеют и более долговременного адресата — массу специалистов, заинтересованных в получении соответствующей информации.

Тезисы предполагают определенную композиционно-смысловую структуру, состоящую из 1) преамбулы (содержащей ввод в проблематику, обоснование актуальности проблемы, представление предмета исследования), 2) основного тезисного изложения (3—6 тезисов, составляющих предметно-логическое единство), 3) заключительного тезиса (итога изложенного содержания). Заключительный тезис обычно необходим при комбинаторной усложненности основного тезисного изложения или при необходимости целостной подытоживающей экспликации выводного знания. Строго логическое членение тезисного содержания подчеркивается рубрикацией, а в определенных случаях и выделением абзацев под одной рубрикой. По стилю изложения различают тезисы глагольного (с преобладанием глагольных сказуемых) и именного строя (с преобладанием имен существительных).

Взаимосвязи отдельных тезисов в рамках основного тезисного изложения могут осуществляться в различных комбинациях: по принципу причинно-следственной последовательности, индуктивного соподчинения, дедуктивного соподчинения, а также в различных комбинациях компонентов этих трех типов. В тезисном произведении должна четко просматриваться строгая логическая схема целого. Обычно последовательное причинно-следственное соединение комбинируется с индуктивным или (реже) с дедуктивным соподчинением.

К тезисам больше, чем ко многим другим жанрам научной литературы, применимы строгие требования стилистической чистоты и однородности речевой манеры. Здесь недопустимы эмоционально-экспрессивные метафоры, перифразы, инверсии, эллипсисы, восклицания и иные иностилевые включения, смещения способов речевого оформления, неточности и небрежности в оформлении.

Общей нормой стиля тезисов является высокая насыщенность высказывания предметно-логическим содержанием. Эта норма реализуется в оптимальном преодолении противоречия между содержательной концентрацией и коммуникативной доступностью. Нарушения данной нормы находят следующие типичные проявления: 1) чрезмерная усложненность фразы, затрудняющая вос-

приятие ее содержания; 2) содержательная недогруженность фразы (низкий удельный вес научно значимой информации); 3) чрезмерное дробление фраз «ради простоты», приводящее к дискретности самой мысли, затрудняющей установление взаимосвязей между ее фрагментами. Трудности восприятия содержания фразы зависят не только от ее длины, но и от характера построения. Так, длинная фраза может легко восприниматься при логически прозрачном и последовательном движении мысли. Напротив, если части словосочетания разбиваются широко распространенной вставкой, если предикативная основа обрастает многочисленными оборотами и «оборотами в оборотах», попутными замечаниями и оговорками, то фраза часто становится трудновоспринимаемой и при небольшой длине.

Тезисы являются одним из наиболее информативных жанров речевого произведения, что имеет глубоко жизненную функциональную обусловленность. Поэтому нарушение жанровой определенности, нормативности, чистоты, жанровое смешение оцениваются как грубые нарушения стилистических и вообще коммуникативных норм. Как обобщает А. Н. Васильева [1986], в практике таких нарушений типичны следующие явления.

1. *Подмена тезисов текстом сообщения*, более или менее сокращенным. Такая подмена может происходить из наивного убеждения, что «так лучше», хотя на самом деле она ставит организаторов в затруднительное положение (текст не может быть включен в сборник тезисов) и увеличивает объем их работы. Другой источник подмены — дефицит научно-проблемного актива в заявленном выступлении или неумение автора «вывести» и оформить этот актив. Следы того и другого все равно остаются в тексте, подмена производит впечатление речевой неэкономности, расплывчатости мысли, малосодержательности, субъективности, невладения культурой научной речи. Жанровой нормой тезисов является сгущенность проблемно-научного содержания и формы его изложения.

2. *Подмена тезисов резюме, рефератом, аннотацией*. Эти жанры во многом внешне схожи, однако между ними есть и существенные различия. Резюме кратко констатирует ранее сказанное автором, акцентируя основные темы (о чем говорилось) и ремы (что об этом говорилось), отводя на второй план аргументацию. Тезисы — не «переведенное в будущее» резюме. Тезисы выделяют проблемный актив будущего высказывания, устанавливают логическую взаимосвязь между выделенными проблемами и намечают аргументацию выводного знания. Подмена тезисов резюме оставляет впечатление проблемного дефицита, несобранности, дефицита аргументации. Реферат может быть очень похож на резюме, если в нем на первый план ставится задача озна-

комить читателя с предметом и выводами представляемого произведения. В другом типе (например, реферат диссертации) части, в которых излагаются проблемы, могут быть близки к тезисам, но, в отличие от такого реферата, тезисы устраняют или предельно сокращают описательный, обзорный, иллюстрирующий материал, а проблемы дают в еще более сжатой форме. Подмена тезисов рефератом оставляет впечатление избыточной описательности наряду с недостаточной экономностью в представлении собственно проблемного материала. Аннотация — своего рода результат дальнейшей компрессии резюме или реферата, притом преимущественно за счет проблемного материала, поэтому при такой подмене еще более усиливается ощущение вышеотмеченных недочетов.

3. *Подмена тезисов проспектом.* Проспект обычно создается на раннем этапе работы над крупным произведением, представляя его цели и задачи, основную содержательно-композиционную структуру, ведущие идеи, характер используемых материалов, методологические принципы и т. д. Выделение научно-проблемного актива здесь не обязательно и во всяком случае не является абсолютно господствующей задачей. Поэтому подмена тезисов проспектом оставляет впечатление эмпиричности, избыточной описательности, проблемной ненасыщенности и «расслабленности».

4. *Подмена тезисов планом.* В плане обычно фиксируются темы будущего полного высказывания, а ремы либо вовсе устраняются (чисто номинативная форма), либо инкрустируются в скрытой форме (полупредикативной, например: «необходимость установления оптимальных пропорций между отдельными аспектами учебной работы»), либо (значительно реже) в предикативной форме как бы цитируют вывод текста. В плане господствует номинативная форма, в тезисах — предикативная. В плане логическая связь частей как бы «выведена за скобки», в тезисах она подчеркнута эксплицируется, хотя и в сжатой форме. При подмене тезисов планом остается впечатление научно информативной ущербности (особенно при номинативной форме, когда известно только, о чем собирается автор говорить, но неизвестно, что и как он собирается доказать), декларативности, бездоказательности.

5. Недопустимо *смешение форм разных жанров* под видом тезисов (кусок из плана, кусок из проспекта, кусок собственно тезисный и т. д.). Такие смешения демонстрируют отсутствие научно-речевой культуры у автора и подвергают сомнению его научные данные в целом.

Тезисное произведение предполагает определенную и строго нормативную *содержательно-композиционную структуру*.

В ней выделяются следующие последовательные части: 1) преамбула, 2) основное тезисное изложение, 3) заключительный тезис.

Строго логическое членение тезисного содержания подчеркивается рубрикацией, а в определенных случаях и выделением абзацев под одной рубрикой. Нормой научных тезисов, в отличие от некоторых официально-деловых жанров и за исключением отдельных случаев, является *предельная сжатость преамбулы*. Эта норма, при общем критерии предельной экономности речевой формы, оправдана тем, что в преамбуле обычно производится ввод в проблематику, обоснование актуальности, приводятся некоторые данные относительно предмета исследования. Вся эта информация обычно не обладает существенной научной значимостью, и ее презентация осуществляется по принципу минимальной достаточности. Если любой из отмеченных содержательных компонентов преамбулы приобретает особую проблемную значимость, он может быть оформлен как отдельный тезис, но для этого необходимы объективные основания.

Основное тезисное положение включает несколько тезисов (обычно 3—6), которые составляют *предметно-логическое единство*, спаянное общей идеей. Эта идея должна быть предваряюще отражена уже в заглавии, которое выполняет содержательно-ориентирующую функцию.

Вслед за А. Н. Васильевой рассмотрим некоторые наиболее типичные случаи нарушения законов содержательно-композиционной структуры тезисного произведения. Прежде всего отметим такое явление, как *неоправданная гипертрофия преамбулы*. Гипертрофия преамбулы может быть связана с незнанием законов жанра. Но она может быть и результатом недостаточной работы над тезисным произведением. Тезисы писать всегда трудно: труден сам процесс «сгущения» мысли, отвлечения от конкретностей, редукции логической цепи; трудно установить правильную ориентировку на адресата, сочетать сложность мысли с ясностью изложения и т. д. Автор часто «разбегается» на преамбуле и потом комкает основную часть. Целесообразно сначала написать основную часть, а затем уже преамбулу.

Довольно многочисленны случаи неправильной рубрикации и абзацного членения в тезисном произведении. Казалось бы, это чисто внешние, легко устранимые недочеты. Однако нередко они являются результатом содержательной недоработки, синкретизма мысли, неразвитости логического мышления автора. Один автор, видя, как разрастается первый, преамбульный, тезис, легко разрешает задачу, разделив его на два или на три самостоятельных. Другой для «значительности» чуть ли не каждое предложение выделит в абзац, смещая необходимые логические акценты. Третий пишет тезисы «сплошным текстом», как акварельный пейзаж, и

тезисный текст воспринимается как содержательно «размытый» или «повествовательный», «расслабленный».

Отметим также такие типичные недочеты, как содержательная несоразмерность выделяемых внутри основной части тезисов, проблемы или избыточные звенья в целостном тезисном единстве, непоследовательность логических связей между тезисами и внутри тезиса, смещения в абзацном членении тезиса, ущербность заключительного тезиса. Автор научных тезисов должен уметь мыслить предметно-логическими единицами разного диапазона, как писатель — образными единицами.

Реферат — семантически адекватное, ограниченное малым объемом и вместе с тем достаточно полное изложение основного содержания первичного научного текста, отличающееся постоянством структуры и предназначенное для выполнения разнообразных информационных функций при использовании его читателями разных категорий. В настоящее время в сфере научной коммуникации реферат является одним из самых распространенных жанров научной литературы. Главная функция любого реферата — информативная. От всех вторичных документов реферат отличается наибольшей информативностью, благодаря чему в ряде случаев он может заменить первоисточник. Концентрированная информативность присуща прежде всего расширенным рефератам типа публикуемых в экспресс-информации ВИНТИ, реферативных журналах ИНИОН и т. п., а также кратким рефератам статей, содержащих описание изделий, технологических процессов, результатов экспериментов.

Основные требования, предъявляемые к реферату, были сформулированы еще М. В. Ломоносовым. Он видел цель реферата в том, «чтобы уметь схватить новое и существенное в сочинениях...». Поскольку реферат является сообщением вторичного характера, его тема и содержание обусловлены темой и содержанием реферируемого источника информации. В реферате сохраняются отдельные структурные элементы реферируемого документа (заглавие, текстовая часть, некоторые рисунки и др.).

Несмотря на логические преобразования информации в процессе подготовки реферата, информация остается инвариантной. Инвариантный характер информации проявляется в том, что независимо от степени сжатия ее семантические свойства остаются неизменными. Свертывание становится возможным благодаря анализу, обобщению и представлению в реферате прежде всего тех фактов, которые относятся к основным аспектам содержания первичного текста. Иными словами, при подготовке реферата извлекается и освобождается от логических связей (доказательств, обсуждений и т. п.) главная идея, которая объединяет все информационные элементы первичного документа.

Структура реферата соответствует стандарту и включает следующие части: заголовочную (заглавие реферата и библиографическое описание первичного текста), собственно реферативную (информацию, получаемую путем аналитико-синтетической переработки содержания первичного текста), справочный аппарат (индекс УДК, справки о числе иллюстраций и таблиц в тексте реферируемого документа, замечания редактора и др.).

В зависимости от назначения и объема разграничиваются информативные и индикативные рефераты. Информативный реферат может выполнять весь комплекс функций вплоть до замены реферируемой работы: в нем указывают предмет исследования и цель работы, приводят основные результаты, а также данные, относящиеся к характеру, методам, условиям исследования, отражают возможности применения результатов и т. д. Индикативный реферат лишь указывает на основные аспекты содержания первичного документа без детальной фактографической информации, подробного изложения теоретических и практических результатов и выводов. Его целевое назначение — обратить внимание потребителя информации на важность первичного документа. Текст индикативного реферата обычно излагается в пассивном залоге: *Исследуется проблема... Анализ проводится с точки зрения... Используются методы... Рассматриваются вопросы...*

Специфической разновидностью рефератов является *автореферат диссертации* (АРД), фиксирующий основное содержание диссертации, выполняющий функцию информирования о результатах проведенного исследования и введения их в сферу научной коммуникации. Наряду с информативной, АРД выполняет также «сигнальную», «адресную», «представительскую» и «правовую» функции (В. И. Соловьев). Первая связана с тем, что факт появления автореферата сигнализирует о предстоящей защите диссертации. Вторая — с наличием в АРД сведений о времени и месте защиты, об оппонентах, ведущей организации, месте хранения диссертации и др. Представительская функция заключается в ознакомлении с диссертацией читателей — как правило, специалистов в соответствующей области науки, среди которых выделяются читатели-ученые, выступающие в роли оппонентов, рецензентов, критиков. В связи с этим важно, чтобы АРД содержал данные, по которым можно было бы судить как об уровне диссертационного исследования, так и о научной квалификации автора, включая его навык реферирования и оформления результатов научного труда. АРД имеет силу официального юридического документа, без которого диссертация не может быть допущена к защите, — с этим связана его правовая функция.

Основные характеристики автореферата диссертации определены в отечественном и ряде зарубежных стандартов. Отдельные

требования, относящиеся к нему, можно найти в «Положении о порядке присуждения ученых степеней и присвоении научных званий» [Положение..., 2002]. Тем не менее исследователи продолжают отмечать, что «составление многих документов базируется главным образом на эмпирическом подходе, и именно так обстоит дело с авторефератами диссертаций» [Соловьев, 1981:20]; структуризация АРД не предписана инструкциями, установилась на основе опыта составления авторефератов. *Значит*, «нельзя говорить о каком-либо статичном образце данного текста, предписываемом государственным стандартом, или застывшей форме воплощения стандартизованного содержания, которой при написании автореферата можно было бы пользоваться наподобие своеобразного письмовника» [Ведякова, 2006:31]. Все это объясняет переход от рассмотрения жанра в качестве канона к изучению динамики этого сложного феномена. Понятие динамичного жанрового стереотипа позволяет выявлять законы вариативного воплощения заданного содержания в стандартизованную форму. Стереотип по отношению к стандарту является более широким понятием (жанровый стереотип, динамический стереотип, сложившийся стереотип), обладающим семантической процессу и его результата: «стереотипность научного текста — его обязательная характеристика, обусловленная стандартизацией — процессом установления жестких стилевых и жанровых норм» [Там же:47—48]. Автореферат диссертации как пограничный жанр сочетает в себе признаки делового и научного стилей, что необходимо учитывать при овладении культурой научной речи.

В структурном отношении автореферат диссертации включает три части: 1) заголовочную (сведения о специализированном совете, фамилию, имя и отчество автора, название темы, шифр и название специальности, название ученой степени); 2) собственно реферативную, в которой излагается содержание диссертации; 3) справочную (сведения о ведущей организации, научном руководителе, оппонентах, дате защиты, а также перечень опубликованных работ).

Основной объем автореферата диссертации занимает собственно реферативная часть, которая существенно отличается от аналогичного структурного элемента прочих рефератов. Ее особенность заключается в том, что она состоит из трех по существу самостоятельных разделов. В первом разделе дается общая поаспектная характеристика содержания диссертации, во втором излагается содержание диссертации по ее структурным элементам, в третьем приводится обобщенное заключение.

Поаспектная характеристика диссертации включает следующие рубрики: актуальность темы, научная проблема (задача), цель исследования, результаты исследования, методы, материал, условия ис-

следования, научная новизна, теоретическая значимость, практическая ценность, реализация результатов, пути их дальнейшей реализации, апробация работы, структура и объем диссертации. Для представления соответствующих аспектов диссертации используются стандартные стилистические конструкции, например: *Автор видит новизну полученных результатов в том, что...; По мнению автора, новыми являются...; В отличие от ... в данной диссертации...; Материалы исследования могут быть использованы в...; На защиту выносятся следующие положения...* и др.

Второй раздел АРД должен дать как можно более полное представление о научном содержании и внутреннем единстве диссертации. Здесь важно показать, как были получены результаты, представить ход исследования, изложить суть использованных методов, описать условия и основные этапы эксперимента. Во всех случаях, т. е. независимо от научной области, темы и других конкретных факторов, в АРД необходимо включать выводы и конечные результаты. Сокращение текста в процессе реферирования достигается за счет уменьшения количества (или исключения) рассуждений, сравнений, обсуждений, обоснований, описаний и т. п. Резервом для сокращения могут послужить иллюстрации, из которых в АРД целесообразно включать лишь самые необходимые.

В Заключении целесообразно давать обобщенную итоговую оценку проделанной работы. При этом следует указывать, в чем автор видит главный смысл своего труда; какие важные побочные результаты получены при выполнении исследования; какие новые научные задачи/проблемы ставятся и намечаются возможные направления их решения. Заключение, составленное по такому принципу, дополнит характеристику теоретического уровня диссертации, а также продемонстрирует профессиональную зрелость автора и его научную квалификацию.

Научная рецензия выполняет функции репрезентации научного произведения, его оценки и осмысления в общем пространстве научного знания. Рецензия — давно сложившийся жанр научной литературы с высокой степенью стандартизации на всех уровнях построения текста. Ее отличают особый словарь (прежде всего широкое использование оценочной лексики) и типовые грамматические структуры, посредством которых актуализируется диалогическая природа этого жанра. В рецензии отражается состояние науки в определенный период ее развития, формулируются критерии оценки научного труда и система требований к научному произведению. Рецензия может иметь рекламный характер, если на первый план выдвигается цель заинтересовать читателя научным трудом.

Основные функции рецензии — *информирующая* и *оценочная* — могут быть реализованы по-разному, так как ее компози-

ция и пропорциональное соотношение частей вариативны. В то же время инвариантная структура рецензии гармонично сочетает информирование читателя о содержании новой научной публикации, анализ ее отдельных положений с оценкой работы в целом. От ядерных жанров научной литературы рецензия отличается максимальным проявлением личностного начала, что ведет к использованию различных языковых единиц, посредством которых рецензент обнаруживает себя как субъект речи, субъект сознания, субъект эмоций, т. е. индивидуальная языковая личность.

Обоснованно и потому вполне убедительно в специальной работе о научной рецензии Л. В. Красильникова пишет о том, что «определение самого жанра рецензии, описание его лингвистической специфики невозможно вне анализа коммуникативной направленности рецензии, без изучения ее коммуникативной структуры... Коммуникативный аспект представляется особенно важным при выяснении жанровой специфики научной рецензии» [Красильникова, 1999:13 — 14]. Интересно то, что автор анализирует текст рецензии как вторую реплику диалога «с основным оценочным значением, структурно и семантически взаимодействующую с текстом первичного произведения» [Там же:25].

При этом совершенно справедливо признается, что научная рецензия обладает полной текстовой самостоятельностью. Ее отношения с другими текстами определяются не соположением внутри отдельного издания, а связями с исходным рецензируемым текстом. Именно в этом смысле Е. С. Троянская говорит о рецензии как вторичном жанре [Троянская, 1985:192].

По отношению к первоисточнику текст рецензии находится в интертекстуальной связи, которая проявляется в форме содержательных или текстуальных повторов. Повторы, в том числе цитатные, сочетаются с оценочной частью или формулами согласия/несогласия, образуя с ними двучленные конструкции. Композиционно текст рецензии может быть представлен как двучленная реплика, включающая изложение содержания (основную часть) и оценку (заключительную часть).

Основное семантическое отношение, создаваемое рецензией как реакцией на первичный текст, — оценочное. Среди текстов рецензии выделяются два типа текстов: *нормативно-оценочный* и *диалогический*.

В первом случае рецензент выступает как носитель идеализированных представлений о целях, содержании и формах научных исследований, а также нормативных требований, выработанных научным социумом в целом. Оценка личной роли субъекта исследования здесь минимальна. Этот тип рецензии теоретически определяет Н. Д. Арутюнова: «Нормы строятся на упрочении связи между мотивами оценки и самой оценкой. Отношение к ним

являет наиболее объективное основание для ценностного суждения, способное устранить или ослабить роль субъективного фактора». Субъект оценки должен выступать как профессионал и соответствовать определенным моральным требованиям: быть точным, честным, не подверженным экстранаучным влияниям. Такой тип рецензии имеет в своей основе информирующую направленность и предполагает оценку работы по таким параметрам, как уровень (высокий, профессиональный), актуальность, новизна, перспективность идей; достижения, достоинства, ценность исследования в теоретическом и практическом отношениях.

Во втором случае «оценочность накапливается с большей или меньшей интенсивностью на протяжении изложения. Тогда открытая диалогичность рецензии в ее заключительной части становится продолжением уже наметившейся линии... Наибольшей актуализованностью коммуникативной рамки отличаются в целом негативные рецензии» [Красильникова, 1999:45 — 46].

Объектами оценки являются: обозначение рецензируемой работы через ее жанр или часть (словарь, справочник, пособие, монография, издание, раздел и др.); аспекты, методы исследовательской деятельности ученого; поставленная научная задача; материал исследования; характер стиля и др. Л. В. Красильникова выделяет четыре типа оценок научного произведения в целом и его отдельных аспектов: 1) общая аксиологическая оценка (*высокий уровень, хороший образец, блестящая идея*); 2) ментальная оценка, включающая в себя психолого-интеллектуальную (*важный вклад, основополагающий метод, серьезная попытка* и др.) и эмоционально-интеллектуальную (*остроумная идея, рациональный подход, тонкий анализ*) оценку; 3) практическая оценка, основывающаяся на отношении к норме, стандарту, традиции, актуальности, эффективности и т. д. (*идеальная классификация, академический труд, своевременная постановка проблемы*); 4) эмоциональная оценка, обозначающая различные психологические состояния и реакции (*сильное впечатление, неожиданные выводы, поразительные результаты*). Оценка лица, упоминаемого в рецензии, включает в себя общую оценку мастерства (*большой ученый*), профессиональную оценку (*высококвалифицированный специалист*), этико-психологическую оценку (*смелое решение*) [Там же].

Жанр — категория, исторически изменчивая. Ядро и периферия научного жанра непостоянны во времени; характеристика ядра и его соотношение с периферией и пограничными областями варьирует в зависимости от конкретной научной дисциплины и ее полиграфических традиций, от издательских традиций той или иной страны, обусловленных исторически и социально-экономически.

МОРФОЛОГИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СФЕРЫ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Текстовая категория как единица анализа текста

Поворот современного языкознания к функциональной стороне языка выразился в том, что в центр лингвистических построений ставится говорящая личность, поэтому особое внимание привлекается к проблемам речевого действия и взаимодействия, т. е. процессуальным аспектам языка. Столь существенное изменение парадигмы языкознания в целом имеет целый ряд последствий, одно из которых — укрупнение единиц лингвистического анализа [Кубрякова, 1994].

В стилистике длительное время единицей анализа служила языковая единица того или иного уровня, а также системная оппозиция совокупности единиц. Стилистический угол зрения означал выяснение функциональной специфики данных единиц в языке/речи вообще (стилистика средств), в границах определенной функциональной разновидности языка/речи (функциональная и жанровая стилистика) или в индивидуальной речи (стилистика языка писателя). Как пишет Т. В. Матвеева, «доминирующая идея стилистического анализа на данном этапе развития стилистики точно схвачена в названии одного из периодических изданий этого времени — “Проблемы функционирования языка в его разновидностях” (Межвузовский сборник научных трудов Пермского университета. — М. К.)» [Матвеева, 1997:186].

Однако параллельно шел процесс осознания недостаточности опоры на уровневую единицу стилистического анализа, что определенно выразил В. В. Одинцов: «Чем полнее, глубже, детальнее описывать лексико-семантические и грамматические признаки стилей, тем менее ясной становится стилистическая специфика каждого из видов речи» [Одинцов, 1980:16]. Этот процесс обусловил интерес к речевым (текстовым) структурам — «речеведческая лингвостилистика постепенно смещается в сферу текстологии» [Матвеева, 1997:186].

Единицы лингвостилистического анализа получили различные наименования (ср. функциональное поле, стереотип, параметр

текста, концепт и др.), но чаще всего функционально-смысловое единство в составе текста или класса текстов обозначается на основе общенаучного термина «категория».

Дискуссионность проблемы текстовых категорий зафиксирована наличием противоположных точек зрения: с одной стороны, по мнению О. П. Воробьевой, описание текста в терминах категорий зашло в тупик, а А. Н. Мороховский считает, что неисчерпаемость перечня выявленных категорий дает повод усомниться в целесообразности самого их изучения, а с другой, как пишет М. Н. Кожина, теория текстовых категорий требует дальнейшего теоретического осмысления и конкретных исследований, в том числе разработки принципов систематизации известных текстовых категорий.

Морфология категориальной сферы научных текстов определяется прежде всего онтологически — благодаря наличию формально многообразных текстов как целостных структур. Мир научно-текстовых категорий лежит в эпистемическом пространстве, т. е. пространстве познавательной-коммуникативной деятельности. Этот мир представляет собой не простую совокупность, соседство, рядоположенность категорий, а их целостность, закономерно сложившуюся в истории формирования текстов с функционально-стилевой определенностью и системностью. Именно системность может объяснить «бесконечность» индивидуальных, частных признаков, однако в пределах целостности «интерпретационных спектров» (термин М. С. Кагана). Целостность и лишь относительная членимость — первый и основной принцип рассмотрения категорий текста.

Отсюда одним из важнейших принципов формирования и установления категориальных черт научных текстов является принцип «от общего к частному», в соответствии с которым функциональный анализ позволяет выявить это «общее» — эпистемическую сущность данного типа текстов. При этом важно, что тексту и целого произведения, и отдельного его фрагмента были присущи одни и те же свойства, которые дают возможность рассматривать их — функционально — как целое в его реальной *эпистемической ситуации*. Подчеркнем, что весьма сложная как для восприятия, так и для изучения — эпистемическая специфика содержания научного текста при объяснении функционирования тех или иных категорий текста вынуждает нас обращаться к смежным наукам — эпистемологии, формальной и диалектической логике, психологии научного творчества и др.

Эпистемический мир историчен; при его анализе необходимо прибегать к историческому подходу, который предполагает изучение формирования стилистико-текстовых категорий в реальном процессе развития науки и научной речи. Имеющиеся (к сожалению

нию, весьма немногочисленные!) исследования в области исторической стилистики предоставляют возможность объяснить наличие некоторых категорий в архитектонике категориальной сферы научных текстов.

Открытый Г. Гегелем закон неравномерного развития видов искусства — один из законов художественной культуры — может быть применен к сфере познавательно-коммуникативной деятельности и интерпретирован как принцип неравномерного формирования и выражения категорий в пространственном и временном (историческом) измерениях.

Как известно, текст функционирует только в процессе понимания; понимание научного текста предполагает восприятие его эпистемического содержания. Однако эпистемическое содержание обычно осложнено коммуникативным и прагматическим компонентами, что способствует формированию политекстуальности научного текста. В связи с этим естественно ожидать, что автор неизбежно вынужден проявлять толерантность по отношению к читателю, т. е. стремление быть понятым, значит, предупредительным, терпеливо выстраивая и эксплицируя стратегию и тактику мыслительного процесса, помогая читателю преодолевать все «препятствия» на этом пути. С этой целью актуализируется такая текстовая категория, как логичность (посредством дефиниций, деления понятий, сложения понятий и других мыслительных операций). И чем ближе находится автор к познаваемому миру, тем ближе он к читателю, тем «личностнее»; чем более абстрагирован предмет мысли автора от реального мира, тем сильнее его стремление самоустраниться личностно, оставаясь лишь в ипостаси познающего человека, т. е. абстрактного субъекта познания, но вместе с тем и все шире выражающего свою познавательную сущность посредством различных «объектных» и «субъектных» текстовых категорий.

Текстовая категория связности речи

Тексту присущи такие специфические свойства, как связность и целостность. Если для текста как единицы языка достаточно формального выражения связи предложений и абзацев через лексические повторы, синонимические замены, союзы, относительные слова, указательные местоимения, то для связности целого текста этих средств недостаточно. Здесь важно выражение смысловой связности. Необходимость выражения такой внутренней связности диктуется тем, что «в тексте как коммуникативной единице смысловые опоры... должны быть связаны и между собой, и с основной идеей текста» [Дридзе, 1980:83]. В этом случае по-

нятие внутренней связности близко понятиям «целостности» в трактовке А. А. Леонтьева [1979] и «интеграции» — И. Р. Гальперина [1981]. О близости внутренней связности и целостности писал А. И. Новиков, отмечая, что «целостность — это некоторая характеристика результата восприятия внутренне связного текста, а сама связь — это средство, позволяющее получить данную характеристику» [Новиков, 1983:27].

Целостность текста как коммуникативной единицы обусловлена тем, что все элементы текста, точнее, вся его организация, подчинены цели сообщения, выражению основной концепции, замысла автора. Такая целостность охватывает произведение от начала до конца, а именно заголовки всех текстовых фрагментов, аннотацию, выводы, заключение, образующие смысловое целое, выражающие логику его развертывания и цементирующие весь текст в единое смысловое поле. Целесообразная экспликация целостности и связности способствует адекватному пониманию текста, а значит, эффективности и успеху коммуникации.

Проблеме связности речи, в том числе связности научной речи, посвящена обширная литература. Описание языковых единиц, функционирующих как средства связи самостоятельных предложений и абзацев, можно сказать, не претерпевает принципиальных изменений, поэтому мы ограничимся лишь общей характеристикой рассматриваемых языковых единиц, обратив особое внимание на интерпретацию функционирования связности с учетом некоторых особенностей научного творческого мышления и формирования научного знания.

Связность речи рассматривается в отношении языковых единиц, использованных специально для связи самостоятельных предложений и абзацев, поскольку именно «на стыке двух предложений лежит то зерно, из которого развивается текст» [Жинкин, 1956:215]. Приведем примеры специально подчеркнутой различными языковыми единицами связи самостоятельных предложений в научных текстах.

«Некоторые исследователи показывают, что тщательно продуманные стилистически витиеватые сложные предложения оказываются непонятными литейщику и почти непонятными мастеру и инженеру. В силу этих причин многие авторы исследуемых журналов стремятся писать проще в расчете на массового читателя» [Ф. стиль, 1974:60] — причинно-следственная связь предложений выражена предложным сочетанием *в силу этих причин*.

«Проблема “литературного языка” широко известна и разработана довольно подробно... Однако, как и в предыдущем случае, есть ряд существенных проблем, нуждающихся в специальном рассмотрении.

Мы укажем здесь на три подобные проблемы.

Одна из них есть проблема литературной нормы...

Вторая проблема есть соотношение литературного языка с языком литературы...

Наконец, третья проблема — это соотношение литературного языка со школьным обучением родному языку» [Основы, 1974:62] — сопоставительные отношения выражены союзом *однако* и прилагательным *подобные*, перечислительные отношения — словосочетанием *одна из них* и порядковыми числительными *вторая, третья*.

Средствами выражения связности речи выступают такие специализированные языковые единицы, как союзы, а также единицы, получающие добавочную функциональную нагрузку в речевом контексте. Наиболее употребительными являются имена существительные в роли повторов, а также личные и указательные местоимения.

Вынесенный в начало предложения, т. е. анафорический, повтор существительного способствует тому, что точность, адекватность выражаемому содержанию достигает высшего предела и переходит в новое качество: повтор начинает выражать связь между элементами содержания; по мере же его удаления от начала предложения эта функция ослабляется. По составу лексические повторы бывают простыми и усложненными (в сочетании с указательным местоимением), которые усиливают связность изложения. По значению в контексте повторы делятся на абсолютные (точные, адекватные), синонимичные и замещающие (последние выражены абстрактными существительными типа *факт, обстоятельство, состав, группа, свойство* и др., замещающими содержание предшествующего предложения). По нашим наблюдениям, в научных текстах почти каждое четвертое предложение присоединяется к предыдущему посредством лексического повтора, отклонения от среднего показателя носят внутрителивой характер.

Для научного стиля речи характерно употребление устойчивых словосочетаний, выступающих в роли замещающих повторов. Они весьма разнообразны: *в этом отношении; в этом случае; в этом смысле; с этой точки зрения; с этой целью; для этой цели; на этом основании; на этой основе* и др. Кроме того, для связи изложения сформировались конструкции связи типа *это означает, что; это связано с тем, что; это означает, что; это говорит о том, что; как было сказано выше; мы уже говорили о том, что; на основании вышесказанного* и др.

Приведенные словосочетания и конструкции связи различаются по таким параметрам, как морфологическое выражение, синтаксическое оформление и функции в контексте. Состав таких сочетаний и конструкций связи представлен с учетом их грамматической формы — морфологической и синтаксической.

I. Наречие + зависимый глагол

1. Предикативное наречие *необходимо, нужно, важно*, модальный глагол в безличном употреблении *следует* + инфинитив глагола мысли, речи; *необходимо подчеркнуть, что; надо сказать, что; следует отметить, что*.

2. Глагол в форме 1-го лица единственного и множественного числа настоящего времени с местоимением *мы* или без него: *мы знаем, что; я считаю, что* и др.

3. Глагол в форме будущего времени (с побудительным значением) с местоимением *мы* или без него: *перейдем, рассмотрим, мы увидим, что* и др.

4. Глагол в форме 1-го лица единственного и множественного числа прошедшего времени: *мы видели, что; мы рассмотрели* и др.

II. Отглагольные

1. Действительное причастие совершенного вида: *рассмотренный, приведенный, сформулированный* и др.

2. Субстантивированные причастия *следующий, последующий, предыдущий, предшествующий*; прилагательные *настоящий* и *дальнейший*.

3. Предикативное страдательное причастие в форме среднего рода: *показано, рассмотрено, отмечено* и др.

III. Наречные

Предикативные наречия на *-о*: *ясно, что; понятно, что* и др.

Синтаксическое оформление

1. Словосочетание со значением связи входит в простое предложение: *необходимо сказать, важно рассмотреть* и др.

2. Являясь главной частью сложноподчиненного предложения, словосочетание образует конструкцию типа *необходимо сказать, что; важно отметить, что; следует подчеркнуть, что* и др.

3. Конструкция является придаточным предложением: *как было сказано выше; который был рассмотрен в главе I; который подробнее рассмотрен ниже* и др.

Конструкции с одинаковым значением могут быть образованы морфологически и синтаксически различными способами, в частности, по моделям: *необходимо* или *следует* + инфинитив + *что* (*необходимо отметить, что; следует иметь в виду, что; не нужно забывать, что; надо еще принять во внимание, что*); *легко/нетрудно* + инфинитив + *что* (*легко убедиться, что; не-*

трудно доказать, что); глагол в форме будущего времени 1-го лица + *что* (*оговоримся, что; укажем, что*); *мы* + глагол в форме настоящего времени + *что* (*мы знаем, что; мы видим, что*); вводное сочетание с наречием *как* (*как мы уже знаем*); одиночный глагол в форме будущего времени 1-го лица (*рассмотрим, не забудем*).

Насыщенность научных текстов конструкциями с глаголами мысли, речи и восприятия способствует созданию интеллектуального фона изложения, широкому выражению связности речи.

Таким образом, состав языковых единиц, выполняющих в тексте (уточним: наряду с другими текстовыми функциями) функцию связи самостоятельных предложений и абзацев, весьма широк (если учитывать не только модели, но и их конкретное лексическое наполнение).

Определяя аспекты анализа связности и — далее — логичности речи, необходимо учитывать характер научного мышления, его доминирующие составляющие — логическое и психологическое (интуитивное), которые преобразуются в научно-познавательный феномен — знание разной степени достоверности.

Эти особенности научного творческого мышления положим в основу, с одной стороны, категорий связности и логичности, с другой — аспектов анализа этих категорий. Конкретизируем аспекты анализа категорий, используя такие номинации, как логико-семантический, психолого-коммуникативный, когнитивно-эпистемический анализ.

Представляется, что анализ категорий в этих аспектах показывает не только яркие особенности самих категорий, но и моменты их «наложения» и «расхождения».

Связность речи в логико-семантическом отношении. В текстообразовании тесная связь языка и мышления проявляется в выражении логико-семантических отношений между единицами речи/текста (предложениями, абзацами, сверхабзацами и др.). Логико-семантические отношения между единицами речи по своей природе имеют типизированный характер, сохраняют самостоятельное значение, независимое от синтаксической структуры последних. Поэтому для их выражения используются специализированные в языковой системе единицы.

В формальной логике, как известно, выделяются такие отношения между понятиями, как отношения тождества, подчинения, соподчинения, противопоставления и противоречия. В лингвистических работах рассматривается связь суждений в тексте через соотносительные текстовые субъекты [Доблаев, 1969], а также через общий субъект (параллельная связь) либо предикат, который в следующем суждении служит его субъектом (цепная связь) [Солганик, 1973], или разнообъектные номинации [Так, 1974].

Однако в научных текстах между единицами речи значительно многообразнее логико-семантические отношения, обусловленные совместимостью/несовместимостью их объема. Единицы речи, объемы которых частично или полностью совпадают, являются совместимыми; единицы речи, объемы которых не содержат в себе общих элементов, не совпадают ни в какой своей части, считаются несовместимыми. Совместимые единицы речи могут находиться в отношениях тождества (равнозначные), пересечения (частичного совпадения) и включения. Отношения тождества выражаются такими языковыми средствами, как *такой же, так же, так же точно, равным образом* и др. Отношения пересечения, или частичного совпадения, реализуются посредством отношений сравнения и аналогии. Средствами выражения сравнительных отношений являются сравнительные конструкции с союзом *как*, прилагательные и наречия в сравнительной степени. Отношения аналогии, т. е. заключение о сходстве явлений по ряду известных признаков, выражаются такими языковыми средствами, как *аналогичный, аналогично, подобный, подобно, сходный, близкий по смыслу* и др. В отношениях включения состоят видовые и родовые явления, что, в свою очередь, выражается в связи единиц научной речи. Эти отношения проявляются при логических операциях ограничения и объединения, эксплицируемых различными языковыми единицами: *только, лишь, один из, первый, второй, правый, левый; все, те и другие, в целом, вместе взятые* и др.

Отношения между несовместимыми единицами речи определяются как отношения исключения (противопоставление и разграничение), присоединения, причинно-следственные, целевые и пространственно-временные. Противопоставление выражается такими средствами, как *однако, а, но, же, напротив, наоборот, не таков, тогда как, в противном случае, иное дело, зато* и др., разграничение — вводными словами *с одной стороны, с другой стороны, прилагательным другой, предлогом в отличие от* и др., присоединение — также различными языковыми единицами: *наконец, кроме того, сверх того, более того, кстати, вместе с тем, и, да, также, помимо, наряду с, не считая, дальнейший, следующий, другой, еще* и др. Присоединение иногда осуществляется на семантическом уровне без специальных средств связи. Благодаря логико-семантическим отношениям единиц речи текст можно организовать без строевых элементов, которые нередко перегружают и усложняют изложение. Поэтому логическая связь понимается нами шире, чем эксплицитная, выраженная связь.

Причинно-следственные и условные отношения формируют целостную, логически упорядоченную картину научного знания. Средствами выражения этих отношений являются следующие:

поэтому, потому, отсюда, в силу этого, ибо, вследствие того, ведь, ввиду этого и др. Отношения основания — следствия передаются конструкциями *это значит, что; это говорит о том, что; это свидетельствует о том, что* и др.

Пространственно-временные отношения между единицами речи характерны для описания процесса исследования, хода эксперимента, истории научного открытия, путешествия (в географических описаниях) и т. д. Об этих отношениях сигнализируют наречия *сначала, затем, далее, впоследствии, потом, позднее, в то же время, одновременно* и др. Целевые отношения выражаются словосочетаниями *с этой целью, для этой цели* и предложным сочетанием *для этого*.

Важно подчеркнуть, что отношения совместимости проявляются непосредственно между данными единицами речи, в то время как отношения несовместимости — значительно сложнее, поскольку констатируются как бы опосредованно, через установление особого качества единицы речи (причина, следствие, цель, раньше, после и др.) и связи единиц речи на основании этого качества.

Связность речи в психолого-коммуникативном и когнитивно-эпистемическом отношениях. Функционирование связности речи как системы языковых единиц в психолого-коммуникативном отношении соотносится: 1) с композицией целого научного произведения, подчеркнутой специальными языковыми и несобственно языковыми средствами; 2) объективированностью либо субъективированностью изложения; 3) эмпирическим либо теоретическим характером излагаемого научного знания; 4) анализирующей либо синтезирующей направленностью мышления ученого и, наконец, 5) языковой компетенцией автора, причем не только степенью владения синонимическим богатством языка, но и творческой способностью функционально ориентировать языковые единицы на возможно более точное выражение архитектоники произведения, движения содержания от не-знания к достоверному знанию, установок на коммуникацию с читателем и т. д. Нельзя не согласиться с В. В. Кусковым в том, что «наука, научное мышление и познание отобрали и продолжают отбирать из естественного языка и по-своему использовать определенные средства, придавать им зачастую специфически условный характер, вырабатывать в конечном счете *метаязык науки*, отличающийся от обычного объектного языка» (курсив мой. — М. К.) [Кусков, 1977:36].

Содержание научного произведения — в силу его сложности, многоплановости — обычно подвергается членению, которое обуславливает архитектуру текста. При этом важно, что архитектура текста, т. е. его композиционная структура, передается раз-

личными языковыми и неязыковыми средствами (в частности, используются такие графические средства, как абзацный отступ, пробельная строка, сноски, нумерация, литерация, иерархия шрифтов и др.).

Как было установлено ранее [Котюрова, 1986], языковые единицы, эксплицирующие движение изложения, — конструкции связи — имеют такие частные значения в контексте, как трафаретный зачин, констатация факта в качестве отправного момента мысли-анализа, указание на переход к последующему сообщению, активизация мысли, напоминание о вышесказанном, указание на порядок сообщения, указание на степень значимости сообщения, указание на итог, заключение, обобщение сказанного.

Насыщенность текстов этими средствами обусловлена спецификой содержания текста — научного знания, представляющего собой как результат, так и процесс познавательной деятельности ученого. Отмечая значение языковой компетенции автора для выражения связности речи в коммуникативно-психологическом аспекте, мы имеем в виду проявление творческой индивидуальности ученого как в использовании (отборе и употреблении) «освоенных» научным стилем изложения языковых единиц, так и в актуализации семантических возможностей тех или иных языковых единиц для выражения связности речи.

Так, с одной стороны, в подвыборках из трудов О. С. Ахмановой и А. А. Леонтьева зафиксировано значительно больше единиц со значением связи (38 и 40 вводных слов на 100 предложений), чем в подвыборках из сочинений других лингвистов. С другой стороны, почти полное отсутствие вводных слов в подвыборках из трудов В. М. Жирмунского и Б. М. Эйхенбаума. В этих подвыборках выявлено соответственно 8 и 9 вводных слов в среднем на 100 предложений, в то время как в других (тоже по литературоведению) — от 18 до 25 данных средств. Полученные нами количественные данные мы склонны объяснить авторской индивидуальностью, проявляющейся в формальном выражении связности речи.

Весьма показательны индивидуальные различия в употреблении конструкций связи, лексико-грамматическое оформление которых предоставляет широкие возможности варьировать их компоненты, иначе говоря, в определенном смысле проявлять речевую творческую индивидуальность. Достаточно сказать, что в исследованном материале зафиксированы разнообразные глаголы мысли, речи и восприятия, входящие в состав конструкций связи (приведем их в порядке частотности употребления): *отметить, упомянуть, сказать, остановиться, заметить, выяснить, рассматривать, учесть, забывать, иметь в виду, привлечь во внимание, установить, предположить* и др.

Кроме того, эти глаголы могут употребляться в разных синтаксических конструкциях: в инфинитиве в сочетании с предикативными наречиями *необходимо, нужно, надо, важно, должно, необходимо, достаточно, можно, нельзя, легко, нетрудно*, а также с модальным глаголом *следует* в безличном употреблении; в настоящем времени в сочетании с обобщенно-личным местоимением *мы* или без него; в будущем времени с местоимением *мы* или без него; в прошедшем времени с местоимениями *я* и *мы*. Установлено, что конструкции связи представляют собой систему синонимов, причем из обширных синонимических рядов наиболее широко употребляются: глагол в побудительном наклонении *рассмотрим*; конструкции *согласно сказанному выше; известно, что; ясно, что; как известно; очевидно, что; мы видим, что; мы знаем, что; заметим, что; понятно, что; можно сказать, что; предположим, что; видно, что* и др. Вместе с тем важно отметить, что многие конструкции употреблены в единичных случаях, что и позволяет говорить о влиянии авторской индивидуальности на выражение связности речи.

Итак, категория связности научной речи обусловлена специфическим содержанием речи (текста), представляющим собой научное знание. В свою очередь, научное знание формируется посредством деятельности субъекта, познающего объект. Важно, что в отношении научного текста его экстралингвистическая — коммуникативно-познавательная — основа позволяет структурировать сам подход к лингвистическому анализу языковых единиц, способствующих оформлению связной речи. Так, вполне осуществимым явился подход, включающий логико-семантический, психолого-коммуникативный и когнитивно-эпистемический аспекты анализа системы языковых единиц, ориентированной на выражение связности научной речи. Обращение к связности речи в том или ином ракурсе позволило выявить состав и особенности функционирования различных языковых (и несобственно языковых) единиц, используемых с определенной целью в рамках единичной функции — связности речи, проявляющейся при связи самостоятельных предложений и абзацев.

Текстовая категория логичности речи

Под логичностью научной речи понимается и соответствующее качество целого текста, т. е. его структурно-логическая схема, и соответствующее свойство развертывания этой схемы. Иначе говоря, разграничиваются две такие ипостаси логичности речи/текста, как «логический конденсат целого текста» и «развертывание, ход мысли в тексте» [Матвеева, 1990:39 — 43]. Логичность на-

учной речи, несомненно, коррелирует с логическим компонентом научного познания: языковые средства, «максимально отвечая требованиям логического мышления, выражают чисто понятийное мышление» [Сенкевич, 1976:35]. В свою очередь качество изложения этого специфического содержания соотносится с коммуникативным требованием необходимой и достаточной полноты представленности как форм мышления, так и отношений между ними (понятиями, суждениями, умозаключениями, логемами). С учетом именно качества изложения в стилистике трактуются понятия *подчеркнутой логичности* (М. Н. Кожина) и *открытой логичности* (А. Н. Васильева).

Вместе с тем в результате анализа фрагментов текста с «прозрачной», логически стройной организацией выявлено определенное противоречие: с одной стороны, четкая логическая структура смысла текста, с другой — нарушение последовательности, логичности изложения даже в «строгом» научном тексте. Это противоречие обусловлено взаимодействием логического принципа организации содержания с другим — иерархическим. Причем оба принципа лежат в основе и смысловой стороны текста, и языкового оформления этого смысла. Любому уровню иерархической системы присуща дискретность единиц (например, понятий, суждений, умозаключений, логем; слов, словосочетаний, предложений и др.), которые в процессе функционирования системы включаются в «работу» избирательно, отчего и образуются смысловые «скважины» (термин Н. И. Жинкина). Эти дискретные единицы объединяются по правилам формальной и диалектической логик и образуют целостность именно в пределах доказательства гипотезы. Значит, установление отношений дискретных единиц в пределах вышележащего уровня (для понятий — это уровень суждений, для суждений — уровень умозаключений и т. д.) вскрывает наличие не только строго логических отношений (что является основанием для утверждения о строгой логичности содержания научного текста), но и отношений, логически устанавливаемых лишь при обращении к более широкому контексту (что является основанием для вывода о нестройной логичности собственно научного текста).

Интересно, что в любом тексте, по мнению Л. Н. Мурзина, имеют место актуальные и потенциальные компоненты, причем «реальные тексты почти всегда, в той или иной степени, являются смешанными, “потенциально-актуальными”, и в этом их особенность, которая воспринимается как норма и поэтому часто не замечается» [Мурзин, 1974:43]. Действительно, уже в XVII в. выяснилось, например, что «пространное изложение... затрудняет внимание», что в научном тексте не все достаточно описать словами, но, ради краткости, многое часто... опускается. Авторы научных трактатов начинают заботиться об обозримости текста»

[Славгородская, 1985:27—28]. При этом ясно, что в пределах всей системы функциональных стилей литературного языка в высшей степени логичность присуща именно научной речи.

Следует подчеркнуть, что логичность как одно из важнейших качеств научной речи может рассматриваться в разных отношениях, в частности, понятийно-логическом (дискретном), психолого-коммуникативном (диффузном) и когнитивно-эпистемическом (дискретно-континуальном). Так, логичность речи в понятийно-логическом отношении соотносим с выражением специальными средствами логико-семантических отношений между терминованными понятиями. Логичность научной речи в психолого-коммуникативном отношении соотносим с употреблением наиболее «сильных» средств со значением логико-семантической связи (например, перед производными предложениями предпочтение отдается производным). Логичность научной речи в когнитивно-эпистемическом отношении соотносим с композицией таких компонентов знания, как проблема, гипотеза, доказательство; теоретическое положение и научные факты (эмпирические данные либо теоретические положения, обоснованные в рамках других теорий/концепций); классификация понятий, типология и т. д.

Логичность речи в понятийно-логическом отношении представляет собой совокупность языковых единиц со значением определенных логико-семантических отношений между понятиями в рамках высказываний разной степени сложности (от отдельного предложения вплоть до текста целого произведения). В общем виде логико-семантические отношения понятий в предложении можно представить следующим образом:

- 1) модально-логические отношения (отражающие отношения с объективной действительностью), которые имеют значения:
 - а) бытия, существования, наличия;
 - б) распространения (в пространстве и времени);
- 2) предметно-логические:
 - а) отношения квалификации предмета:
 - посредством выражения его свойств,
 - условной квалификации,
 - сопоставления с другими предметами;
 - б) зависимости:
 - условия — следствия,
 - причины — следствия,
 - основания — вывода (следствия),
 - цели.

Данные значения передаются различными языковыми единицами: некоторыми глаголами, причастиями, именами существительными и прилагательными, наречиями, производными и производными предложениями.

Как известно, модально-логические отношения фиксируются автором речи (независимо от его желания и воли) в каждом предложении посредством глагола-сказуемого. Здесь же речь идет о тех случаях, когда логико-семантические отношения бытия, существования, наличия выражаются экзистенциальными глаголами *быть, бытовать, существовать, лежать, стоять, находиться, пребывать, иметь* (в выражении *мы имеем*), образованными от них причастиями, а также словосочетаниями *иметь место, находить место* и др. Общая роль экзистенциальных глаголов — «способствовать выражению значения наличия, существования предметов, явлений, не внося дополнительной информации» [Золотова, 1973:45]. К группе глаголов с рассматриваемым значением можно отнести глаголы обобщенного действия *происходить, осуществляться, делаться, реализоваться, проявляться* и др. Например: «Способы, какими это делается, зависят от отношения» [Винокур, 1980:151]; «*проявляется ориентация на некий полезный результат*» [Степанов, 1955:42].

Констатация существования, наличия предмета нередко сопровождается введением пространственно-временного уточнения, указанием на область его распространения. Такое уточнение, ограничение во времени вводится фазовыми глаголами *начаться, стать, становиться, продолжаться*, а также контекстуально синонимичными им глаголами *оставаться* (каким?), *проявляться, исчезать, достигать* и др.

Общую идею пространства или времени поддерживают многочисленные производные предлоги, а также производные *во время, прежде, после, в сфере, в области* и др. Такие отыменные предлоги, как *в направлении, по линии, в рамках, в аспекте, в плане, в границах, с точки зрения, с позиций* и др., могут вводить, присоединять обстоятельственные детерминанты, обозначающие область распространения, использования и т. п.

Отношения квалификации предмета реализуются при его условной квалификации, рассмотрении свойств и сопоставлении с другими предметами. Например, при условной квалификации: *естественные языки считались единственными объектами* [Там же:49]; «*Из речи, под которой понимается совокупность языковых фактов*» [Там же:14]; «*Литературные же языки квалифицировались как искусственные образования*» [Там же:58].

Логико-семантическое отношение «объект — свойство» является типичным для анализа в процессе познавательной деятельности. Общеизвестно, что все свойства делятся на существенные и несущественные. По определению А. И. Умова, если свойства являются границей данной вещи, т. е. с исчезновением этого свойства данная вещь превращается в другую, такие свойства называются качествами, или существенными свойствами. При этом

между вещью, свойством и отношением нет четкой границы, и все зависит от способа рассмотрения [Уемов, 1963]. Естественно, что тем более нет водораздела между существенными и несущественными свойствами. Во всяком случае различия между ними не эксплицируются.

Как известно, характеризовать предмет можно через его сущность, различные физические и другие свойства, его состав и включенность в состав чего-либо, его функцию, сопоставление с другим предметом и т. п. Важно, что каждое частное значение квалификации предмета выражается «закрепленными» за ним средствами.

Характеристика сущности предмета передается глаголами *состоять* и *закключаться*, например: «*В достижении единства состоит одна из главных задач исследователя*» [Васильева, 1983:16]; «*Творческий характер формирования научного речевого произведения заключается не только в нахождении оптимальных средств речевого выражения*» [Там же:42]. Отношения предмета и его свойств выражаются различными средствами, которые подчеркивают актуальность характеристики либо «от предмета к его свойству» — *характер* (чего?), (какой?), *характер, характеризоваться, отличаться* (чем?), *иметь, обладать, обнаруживать, быть* (каким?), *являться* (каким?), *иметь... характер, носить... характер*, либо «от свойств к предмету» — *характерный, характеризовать, характеризующий, принадлежать, принадлежащий, свойственный, свойственно* и др. При введении характеристики свойства предмета глагол *быть* (в отличие от других глаголов) обычно употребляется в форме прошедшего времени, например: «*Образовательный ценз был очень низким*» [Степанов, 1955:45]; «*Сегменты сообщения являются функционально оперативными*» [Основы, 1974:18]; «*Каждая часть научного произведения отличается логической завершенностью*» [Васильева, 1983:26]. Характер признака предмета уточняется, конкретизируется, наряду с рассмотренными средствами, такими отыменными предлогами, как *в форме, в виде, наподобие, подобно*.

При характеристике структуры или строения предмета употребляется словосочетание *представлять собой*: «*Собственно научный диалог представляет собой серию монологов*» [Там же:25]; характеристика состава предмета и включенность в состав чего-либо передается глаголами *состоять* (из чего?), *включать, охватывать, делиться, члениться, складываться, составлять, иметь в составе, входить в состав, относиться* (к чему?), а также причастиями от этих глаголов.

При характеристике функции предмета употребляются глаголы *служить* и *использоваться* (как что?), а также соответствующие им причастия. Глаголы *состоять, отличаться* и *служить*

имеют разные значения квалификации предметов, обусловленные многообразием их синтаксических возможностей, их конструктивной, организующей силой [Виноградов, 1949:45]. Кроме названных глаголов, при характеристике функции предмета употребляются такие отыменные предлоги, как *в роли, в функции, в качестве*.

Учитывая степень актуальности выражения сопоставительных отношений, прежде всего следует остановиться на глаголах. В качестве иллюстрации приведем синонимические однокоренные средства именно с учетом снижения актуальности данного значения: *соотноситься, относиться, находиться в отношении, иметь отношение, по отношению к, в отношении, относительно, в плане*: «*Термин соотносится с родовым понятием*» [Ф. стиль, 1974:181]; «*Дополнительные значения находятся в отношении подчинения основному... значению*» [Там же:71].

Таким образом, в научной речи логико-семантические отношения квалификации предмета выражаются контекстуально синонимичными знаменательными и служебными частями речи — некоторыми глаголами, полными и краткими причастиями от этих глаголов и отыменными предлогами.

Отношения зависимости предметов включают в себя значения обусловленности, причины — следствия, основания — вывода, цели. Значение обусловленности передается глаголами *определяться, зависеть, быть подчиненным, обуславливать*, а также причастиями от этих глаголов.

Для выражения условно-следственных отношений (обусловленности) употребляются предлоги *при, с, при условии, благодаря, в случае, по случаю*, причем обычно в тех обстоятельствах, когда актуальность отношений снижена, поскольку данная информация уже известна читателю, речь о ней шла выше.

В отличие от глаголов и причастий, с помощью предлогов автор выражает значение обусловленности как бы попутно. Причинно-следственные отношения выражаются глаголами (и соответствующими причастиями) *приводить* (к чему?), *вызывать, создавать, вести* (к чему?), *определять, зависеть, оказывать* (влияние, воздействие и др.), а отношения основания — вывода — глаголами *вытекать, основываться, показывать, свидетельствовать, говорить* (о чем?), *значить, означать, указывать* и, правда, менее подчеркнуто, предлогами *по, из, вследствие, на основе, на базе, в связи с, ввиду*.

Надо сказать, что в контексте научной речи не всегда легко разграничить отношения причины-следствия и основания-следствия/вывода. Так, предлог *в связи с* эксплицирует отношения основания-следствия, так как здесь не обнаруживается тес-

ной причинно-следственной связи. Другое дело в следующем примере, где связь может быть квалифицирована именно как причинно-следственная: «В связи с общим повышением уровня культуры постепенно изменяется общественное восприятие терминологии» [Ф. стиль, 1974:163].

Типичными средствами выражения целевых отношений являются глагол *служить* (чему? для чего?) и предлоги *к, для, с целью, в целях, ради*, а также *на предмет, в порядке*: «Необходимость... расширения короткого члена предложения с целью ритмического уравнивания с началом предложения» [Там же:99]; «Глагол... появляется в предложении *ради* ритма акцентуации» [Там же:109]; «Рассмотрение различных точек зрения *на предмет* изучения истории вопроса» [Там же:49].

Обобщая сказанное, важно подчеркнуть, что для создания логичности оказываются привлеченными даже полнозначные лексические единицы. Синонимическая контекстуальная семантика таких различных языковых единиц, как знаменательные и служебные слова, позволяет объединить их и считать средствами формирования логичности речи.

Логичность речи в психолого-коммуникативном отношении. Обращаясь к характеристике логичности речи в психолого-коммуникативном плане, важно учитывать объективную значимость той или иной языковой единицы в составе разноуровневых единиц с аналогичным функциональным значением — глаголов, полных и кратких причастий, имен существительных, имен прилагательных, наречий, производных и производных предлогов. Так, в силу особой синтаксической функции глаголы приобретают значительно больший «удельный вес» среди языковых единиц, выражающих те же отношения между понятиями. Дело в том, что глаголы (см. о понятийно-логическом аспекте логичности речи) несут наибольшую коммуникативную нагрузку, поскольку передают актуальные в данном контексте логико-семантические отношения понятий.

Причастия и полные прилагательные характеризуются меньшей коммуникативной значимостью: выступая в роли определенных, они являются факультативными компонентами синтаксической структуры предложения. Поэтому естественно, что причастия выражают те же логические отношения понятий, но неакцентированно.

В этом смысле периферийное положение занимают и такие важные, специализированные в языковой системе, средства выражения отношений между понятиями, как производные предлоги, сохраняющие «всю яркость своего лексического значения». При этом интересно то, что производные предлоги нередко «становятся чистыми падежными префиксами или глагольными

«приклейками», делаются формальными, морфологическими показателями синтаксических связей глагола» [Виноградов, 1972:341].

Средства выражения логико-семантических отношений между понятиями различаются в соответствии со степенью их актуальности/неактуальности с позиции автора, а именно в зависимости от его психолого-коммуникативной установки. Автор как психологически определенный человек в речи отдает предпочтение глаголам, причастиям либо предлогам, осознавая или, возможно, не осознавая того, что глаголы констатируют отношения, наиболее актуальные в плане коммуникации, причастия и отыменные предлоги — менее актуальные, производные же предлоги — неактуальные, поскольку лишь сигнализируют о них, являясь «ярлыками» синтаксических отношений.

Исходя из всего сказанного, представляется актуальным специальное изучение вопроса, связанного с психолого-коммуникативной обусловленностью логичности того или иного текста. Вместе с тем ясно, что вопрос может быть поставлен не об общих чертах научного функционального стиля, а об индивидуальном стиле речи ученого.

Логичность речи в когнитивно-эпистемическом отношении. Ориентируясь на специфику содержания научного текста, автор (в качестве исследователя) неизбежно обращает внимание на научные факты, обобщающие либо классифицирующие положения, исходные и гипотетические утверждения, экспериментальные данные, расчеты и другие компоненты знания. Ясно, что в процессе текстообразования такая «многоликая» научная информация выстраивается в соответствии с динамикой развивающегося научного знания как целостной эпистемической системы, с учетом логических установок и ограничений, а также оформляется средствами языковой системы.

Несомненно, что первым этапом, необходимым с точки зрения познания природы текста, должен стать этап сегментации, т. е. членения текста на составляющие. В соответствии с различными этапами формирования научного знания в содержании можно выявить ряд фрагментов, а в структуре текста — ряд соответствующих им сегментов. Одни сегменты, как считает Е. Г. Баянкина, «соотносимы с логическими операциями и законами, отражающими основные закономерности и формы мышления, другие — сегменты нечетко логического характера, соответствующие фрагментам знания эмпирической направленности» [Баянкина, 1990:41]. Мы остановимся на описании языковых и несобственно языковых средств («сигналов»), свидетельствующих о сегментах текста и соответствующих им фрагментах научного знания двух разновидностей — классификации и эмпирической информации.

Классификация представляет собой один из наиболее актуальных моментов мыслительной аналитико-синтезирующей деятельности, закрепленной в тексте. Формальная логика к построению классификации выдвигает ряд требований; главное из них связано с определением ее как «вида последовательного деления», в результате которого «классификация образует развернутую систему, где каждый ее член (вид) делится на подвиды и т.д.» [Гетманова, 1986:56]. В реальном процессе развития научного знания типичным является положение, в котором вполне достаточно лишь установления (и выражения в тексте) классификационного отношения, т.е. отношения деления общего понятия на два или более частных.

Принимая во внимание когнитивно-эпистемический характер классификации, подчеркнем, что она является логико-семантическим единством, отражает эпистемическую ситуацию деления понятия, имеет особую речевую организацию, направленную на достижение одной явно выраженной цели — описание классификационного отношения общего и частных понятий. Данную единицу текста называем эпистемической ситуацией классификации, или ЭС классификации.

ЭС классификации имеет сложную структуру: 1) основание деления понятия, 2) общее (делимое) понятие, 3) классификационное отношение (ядро сегмента/блока), 4) классификатор, 5) частные понятия (результат деления). Компоненты этой структуры — полностью или частично — эксплицированы в тексте лексическими средствами. Ядро блока составляют прежде всего глаголы *делить, делиться, выделяться, разделить, различать, распадаться*, а также словосочетания типа *можно разделить, можно выделить* и др. Классификаторы *род, вид, разновидность, группа, разряд, класс* и др. обычно употребляются в сочетании с количественными числительными (в пределах 10), прилагательными *двойкий, тройкий, следующие, различные*, указательным местоимением *такие*. Кроме того, в качестве классификатора нередко выступают слова широкой семантики (логико-понятийного характера) *категория, причина, черта, свойство, признак* и др.

Результат деления понятия фиксируется однородными компонентами высказывания (в предложении — однородными членами), однако с целью привлечь внимание читателя могут быть использованы пунктуационный знак «тире» и такие несобственно языковые средства, как нумерация и литерация, графические — шрифтовые выделения, а также синтаксические — вводные слова *во-первых, во-вторых, в-третьих, с одной стороны, с другой стороны*.

В описаниях классификаций те или иные компоненты обычно опускаются, однако легко восстанавливаются из контекста, тем

самым сохраняя логико-семантическую структуру классификации. В контекст ЭС классификации включаются не просто «чистые» отношения между понятиями (соотносящиеся с объектом), но отношения, осложненные «присутствием» субъекта познавательной деятельности, иначе говоря, в контекст знания, понимаемого в единстве таких его сторон, как онтологическая, методологическая и аксиологическая.

Онтологический аспект классификации понятий соотносится с выражением отношений деления общего понятия, которые обозначаются прежде всего глаголами *делиться, разделяться, подразделяться* и др., а также отношений включения в класс посредством глаголов со значением модально-логического отношения к реальной действительности — *бытия/существования/наличия*, а также локативного отношения и отношения принадлежности, устанавливаемых между конкретными реалиями. Абстрактное классификационное отношение строится посредством аналогии с этими отношениями, при этом «класс может осмыслиться как то пространство, в котором находятся его реалии, подклассы или которое включает отдельные реалии, подклассы» [Варшавская, Карташкова, Кузьмина, Сафронова, 1991:60]. Поэтому значение классификационного отношения (отношения к классу) у глаголов *быть, бывать, существовать, иметь, обладать, принадлежать* и др. развивается в результате метафорического переноса с конкретных реалий на понятия класса, категории, вида, рода, обладающие высокой степенью абстрагирования.

Онтологический аспект классификации соотносится с ее тематической основой как «застывшим» продуктом познавательной операции деления понятия как бы абстрагированным от субъекта его получения.

В познавательной деятельности проявляется и другой тип членения реальности — подчеркнуто субъективное членение абстрактного познавательного пространства, причем в условиях этого членения на первый план выдвигается сама познавательная ситуация как процесс, осуществляемый субъектом деятельности. Иными словами, актуализируются методологический и аксиологический аспекты классификации, которые свидетельствуют о продукте познавательной операции именно как научном знании, поскольку подчеркивают информацию о способе получения субъектом нового знания, степени достоверности этого знания и т.д.

Методологическая ориентация автора классифицировать понятия проявляется в стремлении актуализировать как саму операцию, так и основания деления понятия. Понятие можно классифицировать по четко очерченному основанию, позволяющему легко членить понятие в соответствии с такими классификатора-

ми, как *группа, вид, разновидность, род, тип, класс* и др. Кроме того, классификация может осуществляться в отношении сущностей качественно неопределенных, но также методологически ориентированных, что выражено словами широкой семантики типа *свойство, признаки, функции, факты, принципы, способы, условия, обстоятельства, пути* и другими функционально-синонимичными классификаторами.

Аксиологическая ориентация автора проявляется прежде всего в отношении разной степени достоверности информации и передается модальными конструкциями типа *можно дифференцировать, важно различать, следует разделить* и др.

Характер описания классификации обусловлен познавательной ситуацией, которая формируется, складывается в результате действия механизмов преимущественно эмпирической (наблюдение, опыт, мысленный эксперимент и др.) либо теоретической деятельности (экстраполяция, обобщение, абстрагирование и т. п.). Эти механизмы представляют собой как эпистемические, так и сильнодействующие текстообразующие факторы, ведь «диалектика теоретического и эмпирического в научном познании связана не только с моментом общности в реализации способности научного познания к отражению объективного мира, но и с моментом различия в средствах этого отражения» [Швырев, 1978:46], в том числе различия в языковых средствах выражения деятельности ученого, имеющей целью эмпирическое или теоретическое обоснование гипотетических утверждений.

Описание классификации в лингвистическом, в частности синтаксическом, отношении предполагает рассмотрение основной для ЭС классификации синтаксической конструкции — такой, которую условно можно назвать разделительной, точнее же разделительно-соединительной. Она имеет целью выразить переход одного, общего, понятия в свою противоположность — единство частных понятий. Эта конструкция включает в себя две части, позиция которых жестко детерминирована функционально-семантическим единством «деление — связь понятий». Синтаксической основой разделительно-соединительной конструкции *N делится на А, В и С* является предложение с однородными членами. Однако важно, что в качестве такой основы используется не любое предложение с однородными членами, а такое, в котором имеется отношение классификации, представленное глаголами *делить, делиться, включать* и др. Значит, данная конструкция формируется определенными лексическими единицами в комплексе с синтаксической группой однородных членов предложения.

Функционально-семантическая природа этой конструкции обуславливает тот факт, что модель разделительной конструкции

N делится на А, В и С может быть реализована в пределах и предложения, и сверхфразового единства, и более сложного фрагмента текста. Последнее связано с тем, что понятие может быть выражено словом, словосочетанием, предложением, группой предложений. Поэтому конструкции можно выявить как в отдельных высказываниях, так и в связном тексте.

Функционально-семантический подход к описанию разделительно-соединительных конструкций позволяет рассмотреть специфическую функцию пунктуационных знаков (хотя бы в одной позиции — в середине разделительно-соединительной конструкции, тождественной предложению). Эта специфическая функция объединяет пунктуационные знаки, взаимодействующие в одной и той же позиции при тождестве пунктуационной ситуации. (По определению Б. С. Шварцкопфа, пунктуационная ситуация — «типовая совокупность свойств структуры и/или содержания (кон) текста, которая обуславливает или стимулирует использование определенных пунктуационных средств, закрепленных правилами и массовой практикой за оформлением в письменном тексте определенных синтаксических конструкций и/или смысловых — или семантико-синтаксических — отношений» [Шварцкопф 1988:13]). Пунктуационные средства: двоеточие и (реже) тире — могут являться показателями деления понятия, что позволяет считать их коммуникативными знаками, которые используются под влиянием именно авторской установки на актуализацию данного момента мысли. Двоеточие и тире в таких предложениях синтаксически не обусловлены.

Эти пунктуационные знаки по существу выступают в функции знака-сигнала, привлекающего внимание читателя к наиболее важной информации. См. пример с двумя двоеточиями в разных функциях (второе — коммуникативное): ... *соотношение двух сторон одной медали: лица автора как: 1) носителя языка своего времени и 2) как создателя чужой речи — речи героев его произведения*. В приведенном контексте особая коммуникативная роль этого знака подтверждается тем, что он может быть употреблен после предлога, деепричастия, между сказуемым и подлежащим и т. п.

Надо сказать, что в некоторых случаях в типичной разделительно-соединительной конструкции имеет место *пунктуационный нуль* [Там же:13], когда двоеточие или тире «поглощены» нумерацией — средством актуализации частных понятий. Двоеточие может отсутствовать, если перед компонентами деления (даже при использовании нумерации) употреблен союз или (в устной речи он произносится с выделительной интонацией). Вместе с тем двоеточие или тире активно используются, если им присуща усложненная функция, характерная «для одиночных знаков, действие

которых является двусторонним (разнонаправленным — налево и направо)» [Шварцкопф, 1988:15], причем функция связи (соединения) элементов простого и частей сложного предложения накладывается на ядерную функцию разделения. Обе эти функции выступают в пунктуационной ситуации как усложненное единство, имеющее целью обратить особое внимание читателя на данный момент мысли.

Теперь обратимся к той части модели разделительной конструкции, в которой зафиксирован результат деления общего понятия. Этот результат зафиксирован прежде всего сочинительным рядом однородных членов предложения. В зависимости от семантико-синтаксической структуры (союзные и бессоюзные, закрытые и открытые) актуализируется либо «отдельность», либо связь, единство компонентов расчлененного понятия. Естественно, что бессоюзные сочинительные ряды передают не только идею членения: уже сам факт организации единого сочинительного ряда свидетельствует о связи членов этого ряда. Тем не менее можно считать, что в таких конструкциях первый компонент оппозиции «расчленение — связь» проявляется более ярко. В свою очередь большую связующую силу сочинительному ряду придают союзы. Даже союз *и*, передающий самое общее значение связи, объединяет, цементирует однородные члены предложения. Частицы, а также полнозначные слова, по значениям близкие к служебным словам, могут выделять член ряда или противопоставлять один член другому (другим) как более значимый или менее значимый. Союзные открытые ряды, организованные повторяющимися союзами, в научной речи используются для выражения как связи понятий, так и их расчлененности.

В разделительной конструкции сочинительный ряд однородных членов играет самостоятельную роль. Об этом говорят два обстоятельства. Сочинительный ряд: 1) может быть отделен от расчленяемого понятия и номинации расчленения коммуникативным двоеточием; 2) может быть оформлен в соответствии с коммуникативной установкой относительно сочинительного ряда: с целью концентрации внимания читателя на дифференциации частных понятий может быть использована нумерация (или литерация), которая является одним из важнейших (несобственно языковых) средств, акцентирующих расчленение понятия.

Следует особо отметить, что деление как основа классификации используется при переходе от «чистого» описания понятия к дальнейшей интерпретации прежде всего в описательно-классификационных, т.е. четко логических, текстах.

Перейдем к вопросу о введении в текст знания эмпирического, т.е. нечетко логического, характера. В познавательно-коммуникативном отношении с эмпирическим знанием соотносятся

прежде всего научные факты, под которыми понимается «не элемент объективного мира, а определенный вид нашего знания о нем» [Чудинов, 1977:39], или «факты, получившие логическую обработку на уровне научно-теоретического мышления и составляющие эмпирическую основу формирования научной теории» [Андреев, 1979:82]. В процессе обоснования теоретических положений автор отыскивает, отбирает и с позиции определенных представлений формирует новые научные факты, которые условно можно дифференцировать на первичные и вторичные эмпирические факты. К первичным фактам можно отнести иллюстративный языковой материал (в лингвистических текстах), содержание которого не относящийся к предмету рассмотрения, вместе с его обобщением, интерпретацией. Ко вторичным фактам относим иллюстративный материал в виде рисунков, схем, таблиц и т.п., который играет роль «буфера» между эмпирическим базисом и теоретическим построением, поскольку даже на теоретическом уровне развития науки познавательное движение осуществляется не в некоей стихии «чистого мышления», но предполагает определенное движение хотя и в идеализированных объектах, однако воплощаемых в различных графиках, чертежах, схемах, «верно выражающих дух оригинала» [Арутюнова, 1993:77]. Естественно, что вторичные факты, особенно в форме наглядно-знаковых конструкций типа структурных форм органической химии, математических и логических формализмов, сравнительно с первичными фактами значительно ближе к теоретическому знанию. Для представления о вторичных фактах существенной является реализация идеи о единстве эмпирического и теоретического в системе научного знания. В лингвистическом плане важно, что включение фактов в содержание текста эксплицируется разнообразными средствами, информирующими об этом читателя.

Обратимся к описанию языковых и несобственно языковых средств, которые свидетельствуют об эмпирическом характере знания в научном тексте. Наиболее очевидно информирует читателя о введении эмпирического знания сообщение об изложении иллюстративного материала. Среди лексических «указателей» следует назвать вводное слово «например» (из «на примерь»). Особая синтаксическая функция этого слова осложнила, «логизировала» его семантику: вводное слово «например» стало выражать логическое отношение общего и частного. Тем не менее рассматриваемое контекстуальное значение (оно является первичным, исходным) по-прежнему широко употребительно в научных текстах.

Эмпирическое знание вводится и другими средствами, которые передают логико-семантические отношения «общее — частное» между обобщающей частью и конкретными данными эмпи-

рического факта: конструкция *такие, как...*, предлоги *типа, вроде*, употребляющиеся при обобщении эмпирических данных, представителем которых выступает единичное понятие. Контекстуальное значение предлогов *типа* и *вроде* может быть выявлено лишь с учетом специфики содержания научного текста, т. е. при анализе в эпистемическом аспекте. Это наблюдение подтверждает вывод академика В. В. Виноградова об употреблении предлогов в научно-техническом стиле: «Круг значений предлогов, сфера выражаемых ими отношений расширяется и углубляется» [Виноградов, 1972:550].

Следует сказать и об употреблении характерного для научного текста условно сокращенного слова *ср.* С какой целью оно используется? Естественно, что для сообщения читателю о необходимости сравнения каких-либо явлений. Однако нередко случаи, когда в тексте эксплицируется лишь один компонент сравнения (который по существу не с чем сравнивать), другой же имплицитно заключен в предшествующем этому речевому «сигналу» обобщения эмпирических данных. Таким образом, слово *ср.* как бы утрачивает лексическое значение и становится весьма отвлеченным выразителем того, что сравнению подвергаются эмпирические данные, представленные, с одной стороны, имплицитно, с другой — эксплицитно. Поэтому названное слово вполне можно считать средством, вводящим эмпирические данные в научный текст.

Кроме приведенных лексических средств в научном тексте в той же функции используются такие пунктуационные знаки, как двоеточие и круглые скобки. Они не имеют присущей им той или иной синтаксической обусловленной нагрузки, зато определенно служат для дифференциации в описании эмпирического факта двух частей — обобщения и эмпирических данных. Приведем примеры. «*В качестве ведущих этических понятий рыцарства выступал набор таких лексем, как: *ere, triuwe* и др.»; «*Эти предложения могут отличаться по своей залоговой характеристике (ср., например: *Дом построен рабочими* и *Рабочие построили дом*)*» [Ф. стиль, 1974:119]. В этих предложениях круглые скобки и двоеточие синтаксически не обусловлены, но имеют определенное коммуникативное задание — акцентировать введение эмпирических данных.*

Учитывая то, что в лингвистических текстах все эмпирические данные выделяются графически и вводятся либо специальными лексическими средствами, либо языковыми единицами с контекстуально обусловленным значением, либо отграничиваются коммуникативными знаками — двоеточием, тире или скобками, следует отметить комплексный характер введения эмпирических данных в научный текст.

Вторичные научные факты включают в себя как эмпирические данные (рисунки, схемы, чертежи, таблицы и т. д.), их обобщение, интерпретацию, так и связующую часть, которая может быть представлена в виде вставок-отсылок типа (см. рис. 1), (см. табл. 1), (см. схему 1) или специальных (вводящих, связующих) предложений. Например: «*Эти количественные данные приведены в табл. 4*» [Новиков, 1983:162]. Связующие предложения могут не только указывать на определенные эмпирические данные, но и передавать логические отношения основания-следствия между эмпирическими данными и их интерпретацией (обобщением) при изложении познавательного факта. Например: «*Из приведенной таблицы видно, что...*» [Там же:134]; «*Приведенные схемы уже позволяют сделать вывод о том, что...*» [Дридзе, 1980:71].

Итак, различные языковые и несобственно языковые средства, предворяющие введение эмпирической информации, играют важную коммуникативно-познавательную роль, поскольку в научном тексте позволяют дифференцировать основные составляющие научного знания — теоретические построения, четко логически организованные, и научные факты, включающие в свой состав эмпирические данные, не имеющие строго логического оформления.

Обобщим сказанное о категориях связности и логичности речи, прежде всего отметив их соотношенность с единой экстралингвистической основой — специфическим научно-познавательным содержанием текста. Связность научной речи формируется на эпистемической основе, поскольку гетерогенность научного знания может быть преодолена и автором, и читателем только благодаря установлению и адекватному выражению — на фоне «горизонтального» контекста — логико-семантических отношений между высказываниями, оформленными посредством предложений и абзацев. Разноплановый, разноаспектный характер содержания научного текста предопределяет необходимость специального «стягивания» и «связывания» его компонентов, что и приводит к широкому употреблению языковых единиц, функционирующих как средства связи. Средства связи предложений и абзацев способствуют созданию целостности содержания научного текста.

Логичность научной речи также имеет целенаправленный эпистемический характер, который проявляется в том, что даже информация нечетко (нестрого) логическая вводится специальными речевыми средствами, помогающими читателю ориентироваться в излагаемой гетерогенной «массе» знания. Разумеется, что информация, которую можно квалифицировать как логичную (в разной степени), вводится в текст определенными языковыми единицами, которые в контексте получают именно такую — поня-

тийно-логическую нагрузку. Гетерогенность знания (содержания научного текста) не позволяет лаконично проанализировать функционирование всех средств, выражающих логичность речи. Тем не менее анализ даже только противоположных фрагментов текста: эксплицирующих, с одной стороны, классификационное, т. е. четко логическое, отношение между общим и частными понятиями, с другой же — нечетко логическое отношение между общей и частной информацией показывает действительно подчеркнутый характер логичности научного текста. При этом с учетом эпистемического содержания научного текста логичность речи также следует считать категорией эпистемической. Кроме того, существенно и то, что специальная эпистемическая среда (методологическая и аксиологическая информация об онтологической стороне текста) пронизывает содержание конкретного текста и формирует его «вертикальный» контекст.

Текстовая категория точности научной речи как выражение определенности/ неопределенности знания

В отношениях дополнительности с глобальной, объемной категорией целостности текста находится столь же объемная категория точности речи, которая соотносится с адекватным замыслу автора оформлением языковыми средствами специфически научного содержания — научного знания. Коммуникативно-познавательная трактовка научного знания, по-видимому, должна быть распространена и на понимание точности речи. В таком случае знание должно быть точно эксплицировано в соответствии его онтологическому, методологическому и аксиологическому аспектам, а также в соответствии с развитием концепции (выдвижением гипотезы, ее аргументацией, выводами). Такое соответствие, разумеется, не может быть жестким, однозначным, поэтому требует конкретизации посредством выражения определенности/неопределенности содержания и объема развиваемых понятий, отношений между ними в процессе характеристики, классификации, обоснования и т. д.

Ясно, что точность речи — это категория, охватывающая все содержание текста, поэтому ее рассмотрение требует ограничения. В связи с этим уточним, что мы обратим внимание лишь на один момент — использование языковых единиц, коммуникативно ориентированных на выражение определенности/неопределенности специфического содержания текста и рассмотрим их употребление в логико-семантическом, психолого-коммуникативном и когнитивно-эпистемическом отношениях.

Обратимся к вопросу о соотношении понятий одного смыслового поля, но представленных различными терминами, входящими в разные терминосистемы: ригидность/гибкость мышления как понятие когнитивной психологии, точность речи как термин культуры речи, а именно теории коммуникативных качеств хорошей речи, и точность речи как термин концепции стилевых черт в функциональной стилистике.

В обзоре основных познавательных стилей, выявленных американскими исследователями, А. В. Соловьев пишет о ригидности (термин введен Р. Кэттлом в 1935 г.) как жесткости, негибкости. Отмечается, что ригидность следует отличать от устойчивости: в изменяющейся среде устойчивость поведения в целом может быть достигнута только за счет гибкости отдельных компонентов. Трудность переключения мыслительных процессов, т. е. ригидность, следует также отличать от догматизма. «Говоря о ригидности, имеют в виду способ, которым индивид пользуется для решения конкретных задач. Догматизм представляет собой более глобальную и абстрактную форму сопротивления изменениям — общую организацию идей и убеждений, захватывающих области политики, религии, культуры. В имеющихся работах по психологии познания подтверждается, что “лица с высоким творческим потенциалом отличаются гибкостью мышления”» [Соловьев, 1977:237 — 240].

Очевидно, степень гибкости мышления ученого (ригидность/гибкость) проявляется не только в процессуально-психологическом плане, но и в плане результативном, преобразованном, наиболее четко зафиксированном в тексте через систему выражаемых понятий. В таком случае ригидность/гибкость — с акцентом на первом компоненте — представляется возможным соотносить с точностью как всеобщим качеством речи: «Точность — это такое коммуникативное качество речи, которое возникает как соответствие смысловой стороны речи (плана содержания) предметно-вещной действительности и/или системе выражения понятий и проявляется в использовании слов в полном соответствии с их языковыми значениями [Головин, 1980:131].

В соответствии с конвенциональностью, условностью терминов, обозначающих научные понятия, точность речи предполагает наличие определений терминированных понятий. Однако автор может считать 1) необходимым и возможным дать четкое определение понятия; 2) возможным лишь частично определить понятие (указать некоторые признаки); 3) невозможным дать определение на данном этапе разработки понятия. С такой вариативностью познавательно-коммуникативной ситуации соотносится зона неопределенности, вернее, определенности/неопределенности выбора языковых единиц для точной характеристики

для того, чтобы получить правильное представление о механизмах квантификации в естественном языке. Более разносторонний подход к кванторным словам демонстрируют лексикографы... Между тем лингвистических работ, посвященных всестороннему анализу семантических и прагматических особенностей кванторных слов, немного».

Как видим, здесь представлено движение понятий, с одной стороны, от общего к частному (естественный язык → механизмы квантификации в естественном языке → кванторные слова → семантические и прагматические особенности кванторных слов), с другой — от частного к общему (чисто логический анализ → более разносторонний подход → всесторонний анализ).

Значит, категория точности реализуется не только в пределах предложения, но и в более широком контексте, где особенно отчетливо проявляется диффузный, континуальный характер значений неопределенности и определенности и их тесная связь.

Диалог определенности и неопределенности знания как основа точности научной речи. Сосредоточим внимание на тех аспектах точности речи, которые могут быть обусловлены основными характеристиками научного творческого мышления — интеррогативностью и диалогичностью. *Интеррогативный принцип* развития научного знания в целом, в соответствии с трактовкой в логике науки, заключается в том, что «любой ответ — новое научное знание — это и своеобразный вопрос» [Рябцева, 1989:243]. *Диалогичность* же как универсальное свойство мышления в научной речи проявляется на фоне общего движения от не-знания к знанию. Совершенно очевидно, что это движение не строго логично (в формально-логическом отношении). Даже при том, что внешняя речь устраняет неточности, неполноту внутренней речи мысли, все-таки многое остается невыраженным, уходит в подтекст. В таком случае как понимать точность научной речи?

Скрытый диалог между не-знанием и знанием, неопределенностью и определенностью представлен в тексте редуцированно, а поддерживается эксплицированным внешним диалогом. Однако в некоторых случаях внутренний диалог представлен широко, как в замедленной съемке, и позволяет обнаружить действие «челнока», который упорядочивает определенность/неопределенность высказывания и создает впечатление точности речи. Надо сказать, что это наблюдается нечасто, причем на различных по протяженности отрезках текста. Обычно же ритмичность колебаний «нарушается»: они либо слишком редки (движение мысли как бы задерживается у одного из полюсов), либо беспорядочны.

Приведем отрывок, в котором достаточно полно выражены **определенность** и **неопределенность** информации (выделены соответственно — полужирным шрифтом и курсивом):

«Здесь мы можем задать природе, например, такой вопрос: Является ли **данный** квантовый объект корпускулой? И природа *не ответит* на него *однозначно*. **Оказывается, что в одних случаях** этот объект ведет себя как корпускула, а в *других* — **вовсе нет**. Если мы не будем связывать определенность такого ответа с *рядом* уточняющих условий (наблюдения, **или, точнее**, эксперимента), то **окажется, что** квантовый объект — это и корпускула, и ее противоположность, т. е. волна (*иначе говоря, похоже, что* нарушается закон противоречия классической логики), или и **ни** корпускула, и **ни** волна, а *что-то совсем иное* (*иначе говоря, похоже, что* нарушается классический логический закон исключенного третьего). Семантический и синтаксический анализ *подобных* квантовофизических ситуаций *дал повод многим* ученым XX в. *говорить* о наличии квантовой неклассической логики (имеются и *другие* неклассические логики) и, **более того**, об эмпирическом, т. е. фактуальном, содержательном, статусе логики вообще».

Высветим в этом тексте «диалог» определенности и неопределенности, представленный при помощи специальных средств, имеющих то или иное значение; имплицитный смысл (легко вычитываемый из минимального контекста) каждого «диалогического» единства заключим в квадратные скобки.

Неопределенность		Определенность
можем задать	→	[необходимость]
[множество]	→	например
[множество]	←	данный
не ответит однозначно	→	[определенный
[возможность]	←	ответ]
в одних случаях		оказывается, что
[сравнение]	←	данный случай
в других случаях	→	как (в качестве)
[неопределенное отрицание]	←	[данный случай]
ряд условий	→	вовсе нет
[не-термин]	→	[определенное количество]
[возможность]	→	или, точнее,
[неясное высказывание]	←	окажется, что
похоже, что	←	т. е., иначе говоря,
что-то совсем иное	→	[категоричное утверждение]
[неясное высказывание]	←	[определенный предмет]
похоже, что	←	иначе говоря,
подобный	←	[категоричное утверждение]
дал повод говорить	←	[данный, определенный]
многим	←	[необходимость: следует говорить]
другие	←	[определенное количество]
[многозначный термин]	←	[данные, определенные]

В приведенном отрывке средства выражения определенности/неопределенности равномерно рассредоточены по тексту, как бы

нейтрализуя друг друга. Кроме того, некоторые (контекстуальные) средства выражения неопределенности, взаимодействуя в тексте, также порождают противоположное качество высказывания — определенность, скрепляя «реплики» в открытом диалоге. Так, неопределенность высказывания «И природа *не ответит* на него *однозначно*» частично снимается последующим контекстом (раскрывается, в чем заключается неопределенность), хотя остается неопределенность противопоставления *в одних случаях — в других случаях*. Языковая неопределенность существительного *ряд* (со значением количества) конкретизируется во вставной конструкции; информация, разъясняющая термин, введена уточняющим союзом **то есть** (квантовый объект, **т. е.** волна; эмпирическом, **т. е.** фактуальном, статусе логики). Наконец, диалог определенности/неопределенности как бы «поднимается» акцентирующими языковыми единицами: неоднократно употреблены усиленные частицы (**вовсе** нет, **совсем** иное), повторяющийся союз *и* (*и* корпускула, *и* ее противоположность), он же с усилением отрицания (**и ни** корпускула, **и ни** волна). Все это говорит о внутреннем, скрытом диалоге (лишь частично эксплицированном) между языковыми единицами с семой неопределенности и единицами с семой определенности, представленными в тексте.

Каков характер взаимодействия диалогов определенности/неопределенности? Для ответа на этот вопрос представляется необходимым учитывать, что научное творческое мышление включает такие важнейшие компоненты, как логический, эпистемический и психологический. Относительно этих компонентов научного мышления мы и будем рассматривать основные аспекты точности научной речи, которые названы логико-семантическим, когнитивно-эпистемическим и психолого-коммуникативным.

Точность речи в логико-семантическом аспекте. Эпистемическое содержание научного текста, как известно, упорядочивается логическим компонентом рече-мыслительной деятельности. При этом, естественно, автор осознает необходимость наиболее ясно, точно передать логический каркас содержания мысли, поэтому можно говорить о логико-семантическом аспекте точности научного текста, который соотносится нами с установлением и выражением точного объема терминированных понятий, т. е. выражением специальными средствами *логико-семантических отношений* между понятием и его объемом. Интересно, что при этом используются языковые средства, также свидетельствующие о скрытом диалоге между определенностью и неопределенностью.

Обратимся к рассмотрению отношений квалификации объема понятия и средств их выражения в научных текстах. Можно установить такие мыслительные действия по определению объема понятия, как выделение понятия, частичное объединение/ограни-

чение и объединение понятий. Ясно, что актуализация объема понятий не может быть уложена в такую весьма обобщенную схему, поэтому ограничимся рассмотрением лишь крайних «моментов», а также учтем хотя бы некоторые переходные явления. Основанием определения данного семантического единства является логико-семантический комплекс, оформленный языковыми средствами (термином «логико-семантический» подчеркивается когнитивная, а не собственно языковая сторона семантики).

Так, выделение предполагает фиксацию именно отдельного в ряду равнозначных предметов или явлений посредством предложно-падежной формы *один из*. Широко используются и такие языковые средства, которые выделяют (если точнее, то ограничивают) группу понятий. В таком случае можно говорить о частичном объединении/ограничении объема понятия — логической операции, которая эксплицируется такими языковыми единицами, как *большинство, многие, обычно, ряд, круг, некоторые, несколько, определенные, основные, отдельные*.

Наконец, наиболее широко используются языковые средства, передающие значение объединения понятий, когда автор экстраполирует определенный научный факт на другие реальные ситуации, объединяя их, синтезируя познаваемую действительность, выявляя закономерности.

Градационный принцип связи рассматриваемых языковых единиц позволяет расположить их в виде рядов с определенной семантикой: с учетом лишь объема понятия либо (наряду с объемом) его содержания. Например: *все // большинство — многие — ряд — некоторые — отдельные // один из; всякий // определенные — те, которые // тот, который; любой // особый*.

Об определенности объема понятия свидетельствуют языковые единицы, передающие, во-первых, выделение одного, отдельного понятия, а во-вторых, объединение предметов на определенной основе в процессе синтеза познаваемой действительности. Включение же в смысловой комплекс квалификации объема понятия компонента «переходного» смысла позволяет говорить о неопределенности объема понятия, когда речь идет о выделении группы предметов.

Приведем выявленные языковые средства (прежде всего лексические, но также морфологические и синтаксические), выражающие прямо или косвенно характеристику объема понятия, с учетом его определенности либо неопределенности (см. табл. 1).

Как известно, в научном изложении важную роль играют актуализирующие, акцентирующие средства (акцентуаторы). Нами выявлены, с одной стороны, частицы *весьма, очень, вовсе не, чрезвычайно, едва ли не, совсем не, совершенно, как можно, сколько можно, единственно, наипаче, особенно, только, одно*

Таблица 1

Языковые средства, выражающие определенность/
неопределенность объема понятия

Определенность	Неопределенность
Весь, вся, всё, все, никто, ничто....	большинство, многие, ряд, круг, несколько, некоторые, часть, отчасти, отдельные, определенные
всякий, всякая, всякое, всякие, каждый, любой	другие, иные, прочие, и проч.
всегда, никогда	часто, иногда, обычно, редко
несколько	много, немного
количественное числительное	около, от 5 до 10, раз 5 (инверсия)
самый..., наи-, -айш- (-ейш-)	достаточный, надлежащий
и..., и; ни..., ни; как..., так и; не только..., но и; один из; тот, который; тогда, когда; так, как; например; так, например; то есть; ..., или; вставная конструкция с уточняющим значением	или, либо, то..., то...

и др., прилагательное *особый*, а с другой — *почти, едва, довольно*. В силу достаточно абстрактной семантики (главным образом, для передачи идеи усиления), а также тесной соотнесенности с субъектом речи эти частицы являются полифункциональными в плане точности выражения мысли, в частности, усиления характеристики объема понятия.

Важно, что при экспликации понятия уже осуществляется выбор, а значит, ограничение объема более широкого (родового) понятия. Поэтому еще раз подчеркнем, что здесь рассматриваются дополнительные средства, акцентирующие эту мыслительную операцию, в то же время придающие оттенок определенности/неопределенности. Акцентирующие средства — под влиянием психологической установки автора — вносят в текст различные оттенки подчеркивания, ограничения объема понятия. Они могут останавливать внимание читателя на одном или нескольких понятиях.

При этом интересно, что такие слова, как *чисто, приведенный, описанный, указанный, собственно* и др., сами по себе не могут что-либо выделить, ограничить или объединить. Но в определенном контексте они становятся средствами, указывающими

на предшествующее понятие, тем самым выделяющими его. Наиболее широко используются такие языковые средства контекстуального типа, как *самые знаменательные, из всех, процитированные выше строки, рассмотрели часть модификаций, лучшие из них* и многие другие.

Необходимо подчеркнуть, что основной состав типичных средств, указывающих на квалификацию объема понятия, достаточно ограничен, и это определенно говорит о языковой оформленности данного логико-семантического комплекса. Творческий же характер речевого оформления этого комплекса проявляется в том, что автор может сам отыскать в языковой системе «строительный материал» для необходимых средств именно контекстуального типа.

Совершенно естественно, что в описательно-эмпирических произведениях статус нового знания определяется преимущественно посредством модально-логических отношений бытия, распространения, а также отношений квалификации предмета, в то время как в описательно-теоретических — посредством отношений зависимости. При этом важно, что введение темы, по существу ее констатация, сопровождается — в преобладающем большинстве случаев — различными «сигналами» неопределенности семантики выражаемых отношений. Например: «Проблема соединения слов имеет *два аспекта* — лексический и семантический, — которые *не всегда ясно* разграничиваются» [Арутюнова, 1990:81].

Уместно подчеркнуть связь категорий точности и логичности, которые иногда совмещаются благодаря семантической наполненности языковых единиц в тексте. Одни дифференциальные признаки способствуют выражению собственно логико-семантических отношений между понятиями, другие — определенности/неопределенности этих отношений.

Рассмотрим пример: «*В живой разговорной речи встречаются сочетания типа более сильнее*». Как видим, глагол *встречаются* в этом контексте имеет значение бытия, наличия, распространения. Это значение требует восполнения: автор должен сообщить не только о предмете мысли, но и об области его распространения. Значит, глагол *встречаются* передает лишь логико-семантические отношения между понятиями «живая разговорная речь» и «словосочетания типа...» и тем самым способствует логичности речи. Вместе с тем этот глагол включает сему количественной неопределенности: действительно, ведь совершенно неясно, какое количество «сочетаний типа...» — большое или малое — имеет в виду автор. Отсюда понятно, что глагол *встречаются* указывает на неопределенность объема понятия «сочетания типа...» (нет ответа на вопрос *сколько?*) и, кроме того, выражает

логико-семантические отношения распространения (требуется уточнение — *где?*) в соответствии со стремлением к точности речи.

Таким образом, логико-семантическая сторона точности речи гармонирует со специфическим содержанием научной речи — научным знанием, основу (каркас) которого составляют понятия о реальных и идеальных предметах и их логических отношениях. При этом установление определенности/неопределенности объема понятий осуществляется в ситуации выбора (диалога), который заканчивается тем или иным предпочтением автора и — соответственно — употреблением необходимых языковых единиц.

Точность речи в психолого-коммуникативном аспекте. Психологический компонент рече-мыслительной деятельности «перестраивает» основную содержательную информацию в научное знание, преодолевающее логическую дискретность (значит, по существу, нелогичность) содержания, способствует со-мышлению автора и читателя в процессе коммуникации. Как представляется, здесь можно говорить о психолого-коммуникативном аспекте точности речи. Психологический компонент в движении знания включает ценностную ориентацию, которая прежде всего проявляется в оценке степени достоверности информации. Интересно, что в формально-логической трактовке суждение может быть либо достоверным, либо недостоверным, поскольку она и не предполагает рассуждения о «степени достоверности». Однако субъективный, психологический фактор в познании сглаживает в тексте четкие различия между двумя непересекающимися классами суждений — достоверными и проблематичными. С одной стороны, в «психологическом плане достоверное знание характеризуется отсутствием сомнений в правильности соответствующего суждения» [Кириллов, Старченко, 1982:103], с другой — разветвленная система синонимических средств позволяет выразить оценку достоверности с учетом тончайших различий в содержании мысли. Рассмотрим пример.

Существуют тысячи языков и диалектов. **Совершенно невозможно учесть** все возможные типы слов, которые **способно выделить** человеческое сознание. Однако **с полным основанием можно предполагать, что** количество основных типов конечно и **вполне определенно**. Это **дает возможность** выделить словообразовательные типы, обладающие наибольшей частотностью.

В этом лаконичном отрывке из текста можно наблюдать «плавное» движение мысли, эксплицированное посредством оценки степени достоверности информации от полного незнания (*совершенно невозможно учесть*) к предварительному, однако высказанному в настойчивой, категоричной форме (*с полным основа-*

нием можно предполагать, что), а затем — эпистемически вполне логично — к новому знанию, наиболее ценному для автора, хотя и представленному в некатегоричной форме, по существу снимающему вопрос о достоверности информации (*дает возможность выделить словообразовательные типы*). Характерно, что переход от не-знания к выдвигению предположения (гипотезы) подчеркивается контрастными по значению языковыми единицами *совершенно невозможно учесть* и *с полным основанием можно предполагать, что*, вполне определенно, точно сигнализирующими об этих моментах мысли, принципиально важных для изложения содержания и его восприятия читателем. В связи с этим нельзя не отметить особой, полифункциональной роли акцентуаторов *совершенно, с полным основанием*. Эти акцентуаторы (как и многие другие, употребляемые в научных текстах) фиксируют сначала ситуацию выбора позиции и формирования мнения, а затем ситуацию результата выбора в пользу точки зрения автора. Эти узловые моменты движения мысли нуждаются в точном выражении, если автор стремится адекватно передать гибкость познавательного процесса.

В тексте автор выражает коммуникативно истинное знание (хотя в общем процессе познания оно лишь относительно достоверно). Поэтому смысл текста, будучи континуальным образованием, по существу не нуждается в экспликации оценки достоверности и никогда не сопровождается такой оценкой. Для научного текста неактуально недостоверное знание, значит, «сигнал» о недостоверности противоречил бы сущностному свойству научного знания.

Вместе с тем деятельностная трактовка научного знания, все более принимаемая исследователями, приводит к мысли о том, что в научном тексте как бы имитируется движение от не-знания (по крайней мере, неопределенного знания) к знанию. А в таком случае оценка достоверности информации оказывается вполне правомерной и даже необходимой. Именно поэтому достоверность как логическое понятие (относящееся к модальной логике) выражается в тексте опосредованно — через психологическое понятие уверенности (в разной степени) автора в истинности суждения (по существу уверенность в коммуникативной истине). Иначе говоря, автор отстаивает свою определенную или неопределенную, предварительную, позицию.

Надо сказать, что оппозиция определенности/неопределенности ни в коей мере не отражает действительно гибкого, континуального характера мысли, в частности, ее оценочного компонента. В связи с этим уместно привести замечание Л. А. Радзиховского о методологических трудностях описания недискретности «диалога» как единицы сознания: «Очевидно, описывать такой “диалог” можно только с помощью двух “дополнительных языков”».

Но из этих языков нам известен лишь один — дискретно-логический... Поэтому у нас нет и адекватного способа описания диалога в целом» [Радзиховский, 1988:33 — 34].

Оценка содержания в отношении достоверности знания включает сомнение, уверенность в достоверности и констатацию факта как высшую степень уверенности. Необходимо отметить, что категория точности реализуется не только в пределах предложения, но и в более широком контексте, где особенно отчетливо проявляется диффузный, континуальный характер значений неопределенности и определенности и их тесная связь.

Каждый из этих «моментов» оценки может быть соотнесен с определенной ступенью в процессе научного познания и имеет различную меру субъективности.

Первой ступени соответствует сомнение в достоверности содержания мысли. В научных текстах сомнение имеет различные оттенки, которые передаются прежде всего вводными словами *очевидно, вероятно, маловероятно, весьма вероятно* и др.

Следующей важной ступенью в познании действительности можно считать уверенность в достоверности знания. «Уверенность характеризует субъективное отношение человека к выражаемому в суждении знанию, его готовность принять или опровергнуть соответствующее суждение» [Кириллов, Старченко, 1982:105]. Для передачи этого значения используется группа следующих средств: вводные слова *действительно, конечно, разумеется, несомненно*, синтаксические конструкции *очевидно, что; ясно, что; понятно, что* и др. Они имеют варианты, посредством которых с разной степенью категоричности передается уверенность: *разумеется — само собой разумеется — не подлежит сомнению — достаточно очевидно* и др.

Последняя ступень в достижении достоверности знания — та, на которой знание характеризуется бесспорностью. Для передачи этой характеристики автор использует особые языковые единицы, выражающие констатацию факта: *известно; известно, что; как мы видим; бесспорно* и др.

Универсальное свойство речи — внутренняя диалогичность [Кожина, 1986] — по отношению к оценке достоверности ее информации заключается в том, что два полюса оценки — достоверность и недостоверность — не могут существовать безотносительно друг к другу, хотя в соответствии с коммуникативной установкой автора эксплицируются только актуальные в данной эпистемической ситуации смыслы (значения) оценки. Приведем пример:

Приходится признать наличие в человеческом сознании понятийных категорий. Некоторые наши лингвисты высказывали сомнения относительно возможности существования понятийных категорий. В действительности здесь нет никакой

опасности. Понятийная категория представляет результат человеческого опыта, что может быть подтверждено вполне наглядными примерами... Исключение могут представлять только личные местоимения и некоторые одушевленные имена существительные. Однако отсюда нельзя делать вывод, что у японцев и китайцев нет никакого понятия о множественности неодушевленных предметов. Это понятие им дано в опыте. Точно так же неправомерно было бы делать вывод, что в сознании людей, языки которых не различают грамматической категории вида, совершенно отсутствует понятие действия, достигнутого предела, и действия, не достигнутого предела. Эти понятия также даны в опыте».

В приведенном примере представлен диалог двух противоположных точек зрения — автора и его предшественников. Это противопоставление дано в динамике, оно варьируется не только при констатации того или иного мнения, но и при чередовании средств со значением определенности или неопределенности по отношению к той или иной позиции. Представим эту динамику (см. табл. 2).

На наш взгляд, такое чередование утверждений со значением определенности или неопределенности, причем выраженных с разной долей категоричности, обусловлено не столько логико-познавательной стороной мысли, сколько психолого-коммуникативной, а именно стремлением автора убедить читателя в достоверности именно своей точки зрения. Поэтому совершенно неслучайно то, что при выражении своего мнения автор отбирает средства со значением именно определенности. Но окружает их языковыми единицами, которые придают речи некатегоричную форму (например: *может быть подтверждено, неправомерно было бы делать вывод*).

Таблица 2

Диалог автора и его предшественников

Мнение предшественников	Мнение автора
<i>Высказывали сомнения относительно возможности — неопределенность, некатегоричность нет никакого понятия — определенность, категоричность</i>	<i>Приходится признать — определенность, некатегоричность нет никакой опасности — определенность, категоричность может быть подтверждено — неопределенность, некатегоричность нельзя делать вывод — определенность, категоричность неправомерно было бы делать вывод — некатегоричность</i>

Психологический компонент познавательной деятельности вполне естественно соотносится с одной из важнейших характеристик познавательного стиля («стиля мышления») ученого — ригидностью/гибкостью, т.е. степенью «инерции мышления» при решении конкретных задач. Разумеется, между этими характеристиками нет четкой, жесткой границы, различия же заключаются лишь в той или иной степени ригидности/гибкости мышления и ее выражения в тексте. С гибкостью мышления связана и гибкость выражения мысли, в частности, реализованное стремление автора передать движение мысли от неопределенного высказывания о предмете мысли к более определенному.¹

По-видимому, действительно гибкость мышления в наивысшей степени проявляется при формировании концептуальных альтернатив [Толстов, Филатов, 1988:146—155], поскольку в создании концепции важная роль принадлежит творческому воображению ученых. При развертывании именно нового, концептуального, знания всегда имеются гипотетические, не обоснованные до конца элементы, значит, новое знание по природе своей психологично, а достоверность его всегда относительна. Поэтому, несмотря на глубокую убежденность автора в верности концепции, требуется (по возможности) точное выражение знания не только как результата познания (что бесспорно), но и как процесса познавательной деятельности — движения внутренних, скрытых диалогов знания и не-знания. И здесь проявляется — коммуникативно-психологический парадокс: действительно новое знание (рождение концепции, а затем ее репрезентация в тексте) почти всегда характеризуется неточностью выражения. Поразительно, но это вполне закономерно.

Точность научной речи в когнитивно-эпистемическом аспекте. Понятийно-терминологической системе определенного текста неизбежно присущи как определенность, так и неопределенность в их динамическом соотношении. Эти характеристики актуализируются в тексте и соответствуют когнитивно-эпистемическому аспекту точности научной речи.

Для интерпретации категории точности в когнитивно-эпистемическом аспекте значительный интерес представляет семантика так называемых таксономических операторов² типа *вид, тип, род, сорт, порода, разновидность* и т.п., а также метапредикатов типа

¹ Подчеркнем, что данное утверждение относится лишь к отдельному диалогу, поскольку, действительно, «если бы события настоящего однозначно определяли события будущего, то и не было бы объективной (онтологической) основы для творчества нового» [Морозов, 1976:25].

² Таксономические операторы — строевые слова, «указывающие в таксономическом предложении тип связи между именем объекта и именем класса, которому принадлежит объект» [Розина, 1984:33].

*содержание, форма, система, структура, средство, функция, признак, свойство, отношение, связь, изменение, развитие; анализ, синтез, обобщение, определение; факт, классификация, типология, проблема, гипотеза, теория, закон, обладающих максимальным объемом, потому предельно «несодержательных», значит, неопределенных.*¹

Такие метапредикаты, выражаемые словами широкой семантики, используются для «оформления» еще более широкого содержания понятий вышележащих уровней абстрагирования и обобщения, иначе говоря, помогают структурировать информацию. Отметим, что эти метапредикаты, не определенные в силу широты их семантики, взаимодействуя с опорным содержательно определенным контекстом, формируют новое — эпистемически определенное содержание — научное знание. Рассмотрим пример.

«Символические средства естественного языка или имеют валентности (знаки, признаки типа А) и/или замещают валентности знаков (знаки и символы, признаки типа Б). Оба типа признаков необходимы, если ведущей чертой естественных языков является контекстная связность единиц языка как членов текста... Знаки обладают как своими собственными признаками (признаки типа А), так и признаками, индцированными другими знаками (признаки типа Б), место символа в системе языка задается только признаками типа Б...

...В основу интерпретации признаков символических средств, определяющих их место в языковой системе, должен быть положен тот факт, что валентность указывает на те их качества, которые...

Рассматриваемые признаки символических средств естественного языка не имеют своего собственного выражения, это одноплановые сущности плана содержания символических средств языка, так называемые «фигуры плана содержания»...

Признаки обоих типов конституируют содержание символических средств» [Основы, 1974:93].

В приведенном примере метапредикаты *система, тип, признак, средство* оформляют содержание данного текста именно на вышележащем уровне обобщения. В тексте функция этих метапредикатов различна: на наш взгляд, их можно соотносить с исходными, основными и уточняющими понятиями терминосистемы текста. В частности, метапредикат *система* соотносится с соответствующим исходным понятием, не разработываемым в тексте, метапредикаты *тип* и *признак* — с основными понятиями тер-

¹ Роль этой лексики исключительно велика: «предметный язык разграничивает научные дисциплины, метаязык объединяет науку в единое целое» [Рябцева, 1989:258].

миносистемы, развиваемыми, конкретизируемыми в тексте, метапредикат *средство* — с уточняющим понятием терминосистемы, служащим для аргументации основного понятия. Основное понятие может находиться на любом уровне абстрагирования, в то время как исходное понятие служит для теоретического обоснования на вышележащем уровне, а уточняющее — для эмпирического обоснования на нижележащем уровне абстрагирования.

Автор добивается когнитивно-эпистемической точности выражения качественно определенного смыслового комплекса благодаря использованию словосочетаний, включающих слова, которые в тексте выполняют функцию метапредикатов. Здесь особенно интересно то обстоятельство, что определенность и неопределенность как бы демонстрируют свою относительность, действительно диалектическое взаимодействие. Ср. (приводим в минимальном контексте): *система языка, языковая система, признаки символических средств естественного языка, типы признаков, лексикографические аспекты, типы лексикографической информации, компонент интегрального лингвистического описания, коммуникативная структура, свойство предложения*.

В одном отношении — конкретно-содержательном, денотативном — слова широкой семантики явно недостаточны, несамостоятельны в контексте, а значит, неопределенны и потому представляют собой периферию смыслового комплекса, выраженного в словосочетании. В другом отношении — эпистемическом — именно слова широкой семантики в силу своей инвариантности притягивают к себе варьирующую (значит, менее устойчивую, неопределенную) от науки к науке информацию и фиксируют, по существу, смысловое ядро словосочетания. Естественно, что из этих двух смысловых «срезов» второй, эпистемический, является чрезвычайно важным для анализа выражения специфического содержания научного текста.

Обобщая, подчеркнем, что категория точности научной речи (как и другие функциональные семантико-стилистические категории) обусловлена действительно специфическим функционально-стилистическим содержанием научного текста — эпистемической информацией. Эпистемическая информация представляет собой научное знание, которое эксплицируется не только как результат познавательной деятельности, но и как сама познавательная деятельность субъекта по получению нового знания об объекте изучения. Новое знание выкристаллизовывается в диалоге моментов определенности (знания) и неопределенности (не-знания) в познавательной деятельности. Поэтому представление о категории точности научной речи, можно надеяться, будет способствовать умению ориентироваться в системе средств, которые выражают

определенность/неопределенность знания в тексте, прежде всего в логико-семантическом, психолого-коммуникативном и когнитивно-эпистемическом отношениях.

Не претендуя на полноту анализа точности речи (здесь представлен один из возможных аспектов текстовой категории точности речи в рамках одного из возможных подходов к ее изучению), в логико-семантическом отношении рассмотрены только средства, выражающие квалификацию объема понятия на основе выделения, частичного объединения/ограничения и объединения понятий. Психолого-коммуникативный аспект точности научной речи соотнесен с ценностной ориентацией автора в эпистемическом пространстве, и прежде всего с оценкой степени достоверности информации. Когнитивно-эпистемический аспект точности соотнесен со структурированностью содержания посредством таксономических операторов типа *вид, род, разновидность* и др., а также метапредикатов, обозначающих онтологические сущности (типа *признак, свойство, изменение, развитие* и многие другие), логико-гносеологические и методологические понятия (типа *факт, классификация, типология, теория, закон; система, структура, функция* и др.).

Плотность научного текста: подходы к ее изучению

Привлекая все большее внимание исследователей, текст удивляет многоликостью гармонии формы и содержания. Это находит отражение в описании как традиционных, так и попадающих в сферу внимания лингвистов новых текстовых категорий и признаков. В ряду многих текстовых признаков — разноплановых, но единонаправленных, выражающих его специфику, оказалась свободной «ниша» плотности содержания текста (далее — плотность текста). Это понятие (применительно именно к научному тексту) не было введено ни в лингвистику текста, ни в функциональную стилистику.

Вместе с тем вполне можно считать, что понятие плотности текста не воспринимается как неожиданное и новое, поскольку соотносится с понятиями *уплотнение знания*, известным из гносеологии, а также *плотность информации* — из информатики, *информативность текста* — из лингвистики текста.

Разноплановость понятия плотности текста препятствует полному его описанию на каком-либо одном основании, т. е. в рамках одного научного направления. Значит, необходим междисциплинарный подход, на первом этапе изучения понятия предполагающий учет наблюдений и обобщений, сделанных в смежных научных направлениях.

Понятие плотности текста можно отнести к так называемым пакетным понятиям, поскольку оно по природе своей характеризуется связанностью с другими понятиями — такими как уплотнение, свернутость содержания, развернутость содержания, цельность речи, связность речи и др., т. е. может быть определено лишь в единстве, «в пакете» с другими понятиями (см., например, о пакетном понятии исторического интереса — [Ракитов, 1982]). Каждое из этих понятий является предметом рассмотрения в смежных гуманитарных науках (гносеологии, лингвистике текста, психолингвистике, функциональной стилистике).

Сама природа понятия плотности текста подсказывает общий подход к его изучению: ясно, что подход должен быть комплексным, он должен учитывать сложность объекта по крайней мере в двух-трех отношениях. Пакетный характер понятия плотности текста предопределяет интра- и интертекстуальный анализ проявления этого качества текста. Согласно нашим наблюдениям, при уплотнении, проявляющемся в пределах одного-единственного текста, зрима лишь малая часть связующих нитей. Поэтому желание рассматривать общие текстовые закономерности должно ориентировать исследователя на обращение к обширному массиву тематически связанных текстов.

Плотность как свойство текста проявляется в результате процесса уплотнения содержания. Кратко изложим наиболее общие положения относительно понятия плотности текста, зафиксированные в смежных областях научного знания — информатике, гносеологии и науковедении.

В теории информации [Косолапов, 1968; Сухотин, 1968; Уемов, 1983 и др.] уплотнение содержания научного текста рассматривается как «ограничение», «концентрация», «уменьшение определенных элементов», но без учета содержательной стороны научного текста.

Философский подход к проблеме знания, его особенностям и природе содержится в книге «Гносеологический анализ емкости знания» А. К. Сухотина. Количественное нарастание массы знания порождает проблему емкости знания: как в условиях движения научной мысли, дифференциации и роста массы знания обеспечить его освоение и этим сохранить преемственность познавательного процесса? Под движением научной мысли понимается переход от одного содержания к другому, причем в эволюции науки каждый такой переход связан с трансформацией ранее накопленного знания, в результате которых следующее поколение получает старые факты в новой форме, в форме «снятого» содержания. В частности, наблюдения представляют собой основу для обобщения и формирования научных фактов, научные факты — основу для определения проблемы, выдвижения гипотезы либо

выступают в качестве аргументов уже выдвинутой гипотезы и т. д. Таким образом, среди существенных признаков динамики знания выделяются, во-первых, сокращение знания, во-вторых, сохранение его преемственности. Сокращение знания путем преобразования его содержания А. К. Сухотин называет *уплотнением*.

Как считает А. К. Сухотин, «благодаря уплотнению, накопленное знание удастся выразить в более емкой для усвоения форме, экономно» [Сухотин, 1968:140]. Уплотненное знание в краткой форме передает то содержание, которое было зафиксировано с помощью громоздкой совокупности знаковых средств. Следовательно, по мере того как в ходе исторического развития науки идет нарастание объема знаний, столь же постоянно должно происходить его уплотнение, образование более емких, экономных форм.

С данной концепцией, основанной на постоянном количественном и качественном изменении знания, сходна позиция А. С. Майданова, описывающего процесс научного творчества. Рассматривая свойства познания, он особо останавливается на кумуляции (от позднелатинского *cumulatio* и *cumulo* — собираю, накапливаю) и элиминации (от лат. *eliminatio* и *elimino* — удаляю, исключаю).

А. С. Майданов выделяет три типа кумуляции — прогрессивную, экстенсивную и негативную. Последние два типа, выражающиеся в накоплении множества различных решений по одному вопросу, а также ошибочных результатов, ложных гипотез и теорий, ведут к избыточности познавательного содержания. Приращению знания, а также замене недостоверных результатов более достоверными способствуют элиминация и прогрессивная кумуляция, представляющая собой «процесс непрерывного и последовательного накопления истинного знания об исследуемом объекте, а также перехода к более совершенным и зрелым формам этого знания» [Майданов, 1983:7]. Таким образом, подчеркивается важность качественных трансформаций (наряду с количественными изменениями), которые заключаются в обязательном приращении нового, неизвестного ранее знания.

Несмотря на отсутствие в тексте термина *уплотнение*, очевидно сходство его значения со значением термина *кумуляция*. Это позволяет сделать вывод о том, что и А. К. Сухотин, и А. С. Майданов описывают явление, которое мы будем считать уплотнением в широком смысле слова (сокращение знания и приращение нового), т. е. *уплотнением содержания*. Явление ликвидации избыточности текста было бы логично назвать уплотнением в узком смысле, т. е. *уплотнением текста*.

При реальном овладении знанием, выраженным в тексте, происходит «распредмечивание» деятельности, которая привела

к формированию научной конструкции, «вживание» в совокупность оснований, предпосылок, установок. Только учет многослойности, многоуровневости знания, репрезентированного в тексте, приведет к пониманию содержания текста, а значит, овладению знанием.

В лингвистике текста широко известны такие механизмы текстообразования, как лексическое свертывание [Кобков, 1975; и др.], метафорическая операция [Телия, 1988; Алексеева, 1988; и др.], синтаксическая деривация [Митрофанова, 1973; Мурзи, 1974; и др.], имеющие отношение к уплотнению содержания текста.

В. П. Кобков различает три способа лексического свертывания: опущение компонента словосочетания типа *ведущая форма обучения — форма обучения*; *порог ощущений — порог*; совмещение, при котором тождественный компонент, однажды употребленный, сохраняет связи с нетождественными частями совмещенных предложений (например: «...*трех видов научной деятельности, называемых прикладной (технической) механикой, теоретической (рациональной) механикой и механикообразной математикой*»); в последнем случае автор раскрывает это терминологическое сочетание как формирование математической модели в прикладной механике); замещение, при котором повторяющийся отрезок текста замещается другим, более кратким, например: «*применение механического сопротивления на вдохе с целью тренировки мышц вдоха — эффект такого дыхания — эффект дыхания с сопротивлением — такой “стереотип дыхания”*».

Для понимания уплотнения текста особое и существенное значение имеет метафорический способ терминообразования. При формировании метафоры вслед за В. Н. Телия можно проследить плотность образования нового концепта (понятия): «Метафорическая операция начинается замыслом, постановкой цели, намерением человека, создающего вспомогательные понятия на основе ассоциативных комплексов...; контекст осуществляет фокусировку; результатом является соединение новых признаков со старым значением и формирование нового концепта (понятия)» [Телия, 1988:131].

Переработка старого и формирование нового знания в процессе метафоризации соответствует уплотнению научного знания. Понятие метафоры распространяется и на механизм, и на процесс, и на отдельную фазу познавательной деятельности, и на ее результат, зафиксированный в научном тексте, обеспечивая унификацию компонентов сознания и концептуального научного знания. Метафора кратчайшим способом передает сущность научного явления: «*Позвонок из “слоновой кости” — рентгеноло-*

гический признак, который появляется тогда, когда преобладает процесс костного уплотнения — болезнь Педхота».

Способ метафорического уплотнения имеет целью свертывание информации, чтобы, по верному замечанию В. П. Павловой, «иметь возможность затем вновь ее развернуть на основе сохраненных смысловых следов» [Павлова, 1978:97]. В научном тексте метафора имеет принципиально важное значение при терминообразовании, поскольку лежит в основе концептуального мышления человека. Л. М. Алексеева справедливо подчеркивает, что метафора помогает связать авторскую концепцию с возможными интерпретациями этой концепции таким образом, чтобы возникли точки взаимодействия двух потоков сознания [Алексеева, 1998:93]. Значит, «метафора естественна для языка науки и очищение научного языка от метафор противоречит природе познавательной деятельности» [Там же:95].

В качестве одного из важнейших законов порождения текста Л. Н. Мурзин рассматривал компрессию, под которой понимал «тот или иной способ устранения его избыточности. При этом результаты компрессии откладываются на всех уровнях языка, начиная с фонетики и кончая лексической семантикой, хотя и проявляются на каждом уровне своеобразно» [Мурзин, 1974:77].

В функциональной стилистике при обосновании специфики научной речи подвергнуты анализу такие лексические единицы, как отглагольные существительные, краткие причастия, краткие прилагательные [Митрофанова, 1973; Васильева, 1876; и др.], выражающие скрытую предикативность и тем самым «сжимающие» содержание текста, поскольку развертывание номинативных структур научного текста приведет к расширению (увеличению в объеме) текста, т. е. вызовет формально противоположный эффект.

О. Д. Митрофанова исследует специфику компрессии исходя из своеобразия научного стиля [Там же]. Тенденция научной речи к максимальному выражению содержательной стороны высказывания проявляется в ограниченности словарного состава, в большом числе устойчивых словосочетаний и их легкой воспроизводимости, в стандартизированном построении предложений. Все эти средства компрессии речи порождают высокую лексико-синтаксическую обусловленность языковых единиц, позволяют установить контекстные связи быстрее, обеспечивают быстроту и точность восприятия и передачи информации.

Делая акцент на синтаксической компрессии, О. Д. Митрофанова использует в качестве синонимичного термина словосочетание «синтаксическая конденсация». Автор имеет в виду «увеличение количества информации на одну единицу плана выражения», «движение от предложения к словосочетанию, от словосочетания к словосцеплению, от детализированного выражения к краткому

знаку» [Митрофанова, 1973:132]. О. Д. Митрофанова предлагает комплексный анализ единиц различных языковых уровней, который придает названному исследованию несомненную ценность для рассмотрения механизма уплотнения знания.

Надо сказать, что в литературе рассматриваются различные (среди которых есть и существенные для данного вопроса) текстовые особенности [Гальперин, 1981; Очерки, 1998], которые можно квалифицировать — на другой основе — как способствующие созданию плотности текста. Однако в чем заключается та «особинка» текста, которая позволяет сформировать научное понятие плотности? Найти такую основу непросто: во-первых, тексты даже в пределах одного функционального стиля бесконечно разнообразны в силу многомерной и многоаспектной их детерминации; во-вторых, они должны рассматриваться в целостности (исходя из целостности и единства замысла автора), причем независимо от объема; в-третьих, тексты подвержены зависимости от объективно сложившейся жанровой дифференциации функционального стиля. В свою очередь, все это, как можно надеяться, «извиняет» невозможность представить адекватные (исчерпывающие) иллюстрации плотности текста.

Уплотнение содержания по природе присуще научному тексту, поэтому обычно упаковано в метатекст, который обволакивает его разнообразными смыслами [Рябцева, 2005:575]. В связи с этим плотность текста может быть выявлена при особом взгляде даже на эталонный текст, имеющий свойства целостности и обобщенности содержания, подчеркнутой логичности и связности изложения и др. [Очерки, 1998]. Интересно и то обстоятельство, что полифункциональность языковых единиц в тексте может затушевать то или иное ментальное действие, в частности, действие по уплотнению содержания текста, выдвигая отнюдь не главное в этом плане, хотя и важное в других отношениях. Рассмотрим пример.

«Исходя из сказанного выше, мы можем определить семантику предельности/непредельности (П/НП) (в качестве равнозначного термина может быть использовано соотношение «терминативность/атерминативность») как наличие/отсутствие внутреннего предела в языковом представлении действия. Имеется в виду наличие или отсутствие любого из возможных типов внутреннего предела действия — реального или потенциального, эксплицитного или имплицитного, абсолютного или относительного.

Данное определение предполагает широкое понимание предельности (терминативности). Оно противостоит истолкованию, согласно которому предельным является лишь то действие, которое связано с отношением “направленность — достижение”» [Бондарко, 2001:135].

Здесь вводится определение предельности/непредельности действия и дается трактовка этого понятия в концепции автора. Определение понятия включено в метатекстовую информацию, окружено ею, и потому можно сказать, что занимает в ней ядерную позицию. Кстати, неслучайно родо-видовое определение, т. е. дефиниция понятия, «запрятанное» автором в глубине высказывания, выделено курсивом, т. е. открыто для читателя. Неслучайно также следующий абзац начинается с важной в плане уплотнения содержания номинации *данное определение* — методологически существенной формы знания; эта номинация противопоставлена другой, методологически неопределенной, значит, менее значимой в последующем контексте, — *истолкованию*.

Следует подчеркнуть, что определение с его ядром в форме дефиниции является важнейшей для научного знания ментальной операцией уплотнения информации и потому драгоценной в коммуникативно-познавательной деятельности. Действительно, вся окружающая определение метатекстовая информация может быть осознана как ситуативно важная, но дополнительная, факультативная сравнительно с выделенной курсивом *наличие/отсутствие внутреннего предела в языковом представлении действия*: связь с вышесказанным — *исходя из сказанного выше*; модальность возможности мыслительной операции — *мы можем определить*; условия номинации — *(П/ НП)*; коммуникативное уточнение посредством вставной конструкции; пояснение *имеется в виду ...* и т. д. Приведем еще пример.

«Далеко не во всем следуя Э. Кошмидеру, мы, тем не менее, разделяем те общие принципы анализа, которые определяют подход к анализу языкового представления идеи времени как системы взаимосвязанных категорий» [Бондарко, 2001:64].

Легко видеть, что в предложении эксплицирован момент уплотнения содержания, изложенного автором выше. Действительно, приведенный анализ материала обобщен и представлен в форме одного словосочетания *общие принципы анализа*. Это ли не уплотнение?! Мало того. Это максимально концентрированное предшествующее знание связано с новым, авторским, посредством глагола *определять* с абстрактным значением «детерминировать» и также крайне обобщенные общенаучные номинации *подход, идея, система* — номинации эпистемического уровня речемыслительной деятельности. Интересно и то, что благодаря выраженной связи таких понятий весьма высокой абстракции, как *идея, система* (идея как система, т. е. идея, интерпретируемая, понимаемая в качестве системы), понятия времени и категории становятся также связанными и позволяют уплотнить имеющиеся разрозненные представления. Подчеркнем, что об уплотнении мы говорим на том основании, что понятия *идея времени и система*

категорий связаны логически наиболее тесно, а именно дефинитивными отношениями обоснования — интерпретации [Котюрова, 1988:125 — 128], а также отношениями обоснования — аргументации [Очерки, 1986:247 — 262].

Надо сказать, что приведенный пример достаточно ярко иллюстрирует ситуацию уплотнения, окруженную метатекстом, в котором в толерантной форме выражено несогласие с предшественником, а также представлено уплотненное знание, полученное этим предшественником. Тем самым можно констатировать, что уплотнение содержания представляет собой одну из существенных ментальных операций в коммуникативно-познавательной деятельности автора и читателя научного текста. В научных текстах нередки фрагменты, в которых дается описание уплотнения содержания. Например:

«Замечание по поводу терминологии: ранее для обозначения рассматриваемого понятия мы использовали термин “временная последовательность” [Бондарко, 1995:67–83]. Однако этот термин не вполне адекватно передает то, что имеется в виду. Он наталкивает на истолкование данного понятия лишь в смысле сукцессивности (ср. [Galton, 1976:11 — 12]), между тем анализируемая семантика включает не только сукцессивность (последовательность), но simultанность (одновременность). Поэтому мы отдаем предпочтение термину “временной порядок”, восходящему к Г. Рейхенбаху» [Бондарко, 2007].

Как известно, упорядочению научного знания служит систематизация понятий. Это одна из непреходящих задач терминоведения. Работа с синонимами по их объединению (или дифференциации) имеет большое значение для уплотнения (или расширения) знания. В приведенном тексте представлена ситуация упорядочения терминосистемы, корректировки термина посредством его замены другим, известным в концепции предшественника. Тем самым осуществляется уплотнение знания (его интеграция с другой концепцией); см.: *замечания по поводу терминологии; ранее мы использовали термин «временная последовательность»; мы отдаем предпочтение термину «временной порядок», восходящему к Г. Рейхенбаху.*

Трактовка плотности содержания текста в пространстве функциональной стилистики, но с когнитивно-дискурсивных позиций предполагает комплексную стратегию научного описания. Такая стратегия ориентирована на формирование новой проблемной области, которая будет относиться и к функциональной стилистике в целом, и к стилистике научного текста в частности. Описание когнитивно-дискурсивной категории плотности может быть соотносено с рассмотрением таких вопросов, как:

– плотность содержания текста в связи с его характеристиками, традиционно выделяемыми при порождении и восприятии научного текста;

– микро- и макросредства, способствующие созданию функционального поля плотности научного текста;

– количественные и качественные (формальные и содержательные) методики исчисления плотности научного текста;

– комплекс экстралингвистических факторов, воздействующих на плотность научного текста;

– описание и объяснение плотности текста с учетом жанровой специфики последнего;

– разработка приемов оптимизации как порождения, так и понимания плотного (с наукоемким содержанием) научного текста.

Намеченный нами [Котюрова, Гиренко, 2005] алгоритм исследования плотности содержания текста наиболее полное на сегодня воплощение получил в работе Л. С. Гиренко [2006], поэтому здесь мы лишь акцентируем (в дополнение) некоторые принципы и основанные на них подходы к свойству текста, значимому в функциональном отношении.

Плотность текста является понятием многомерным, так как определяется структурными и семантическими параметрами и соотносится с когнитивными принципами организации текста. Поэтому при изучении плотности текста к исходным установкам можно отнести следующие положения: 1) системный характер содержания текста обуславливает речевую системность функционального стиля и текста как носителя функционально-стилевой специфики; 2) благодаря речевой системности можно применять системный подход к изучению свойств текста. Поскольку элементы системы взаимодействуют по принципу связи с каким-либо определенным элементом, а не по принципу «каждый связан с каждым», применение системного подхода предполагает «вытягивание» цепочек взаимосвязанных элементов. Формирование цепочек элементов в многомерной системе получило название *контурного мышления* (*контур* — замкнутая цепь причинно-следственных связей).

В разработке проблем стилиевой семантики применение системного подхода дает возможность испытать и такие принципы изучения данного объекта, как иерархический, полевой, градуальный, что соотносится с многомерностью содержания текста.

Положение содержания текста «между» адресантом и адресатом, а также зависимость от текстопорождающей деятельности адресанта и деятельности адресата, связанной с восприятием текста, обуславливают необходимость объяснить свойства текста (в данном случае плотность), не ограничиваясь их констатацией.

Современная лингвистика располагает богатым арсеналом методологических средств, которые могут быть использованы для

изучения плотности содержания текста. Отметим лишь некоторые из возможных подходов:

- 1) системный подход:
 - а) контурный,
 - б) объективный и субъективный;
- 2) функционально-стилистический:
 - а) деятельностный,
 - б) когнитивно-дискурсивный.

Многомерность, сложность плотности текста предопределяет упрощение этого феномена при его изучении. Упрощение же обусловлено либо фрагментарностью, связанной с делением объекта на части, либо системностью. Избирая второй путь, мы рассматриваем свойство плотности текста как систему.

Системный подход предполагает моделирование не всех, а базовых взаимодействий элементов, чтобы предоставить ориентиры для проверки конкретного текста «на соответствие» этим ориентирам, или контурам. В кибернетике такой подход к системному мышлению получил название *контурное мышление*. Мы соотносим осмысление структуры плотного текста с контурным мышлением, а контурное мышление — с совокупностью контуров.

Аналогично специальному (в физике) значению слова плотность как «отношению массы тела к его объему» плотность текста можно понимать как отношение содержания к объему текста, к тому же учитывая значение слова «плотный», т. е. «с тесно соединенными частями или содержащий большое количество чего-нибудь в малом объеме, пространстве».

Исходя из этих определений, прежде всего необходимо уточнить, что понимается под содержанием текста. Термин «содержание» употребляем в экстралингвистическом значении для обозначения предметной (тематической) научной информации, содержащейся в тексте; содержание непосредственно соотносится с одним из аспектов знания — онтологическим.

Функциональный подход к тексту предполагает абстрагирование от языковых единиц (дотекстового уровня), а значит обобщенное, «укрупненное» восприятие и изучение текста позволяет обнаружить диалектическое единство двух сторон — текстовой и экстралингвистической. Мы рассматриваем текстовую сторону в системно-речевом отношении, экстралингвистическую — посредством комплекса факторов, оказывающих непосредственное, а также и опосредованное влияние на формирование определенной речевой системы. Можно сказать, что речевая система есть «сущность, которая в результате взаимодействия ее частей может поддерживать свое существование и функционировать как единое целое» [О'Коннор, Макдермотт, 2006:28]. Понимание текста (речи) как системы как будто подчеркивает сложность его организации,

однако системный же подход к нему, т. е. системное мышление, — это подход, который позволяет нам увидеть и понять смысл и закономерность связей в наблюдаемых последовательностях» [Там же:21]. Как известно, «функциональный принцип системного мышления заключается в том, что поведение систем определяется их структурой» [Там же:96].

Предметно-понятийное содержание соотносится с результатом познавательной деятельности, т. е. знанием в его логико-семантической определенности, как данное, когда можно обнаружить установленные связи между элементами, иначе говоря, знанием, рассматриваемым с учетом его логической характеристики. По верному замечанию М. С. Чаковской, научный текст «можно разнимать на части, аннотировать и реферировать, т. е. производить с ним различные манипуляции», никак не вторгаясь в его содержание. Если взять их в зафиксированный момент познания, в определенном контексте, то можно различить термины-понятия как исходные, основные и уточняющие. *Исходные понятия* являются наиболее общими в терминосистеме конкретного текста, они не определяются через понятия данной теории; *основные* — понятия, определяемые в рамках терминосистемы текста; *уточняющие* — частные понятия, используемые для развития основного понятия.

Эти терминированные понятия, выполняющие в системе содержания различные функции, будем считать элементами структуры содержания текста. Рассматривая текст в целом, т. е. как единство динамических элементов, можно обнаружить, что содержательная система текста — это процесс, в котором все взаимосвязано, однако можно видеть повторяющиеся «события». Начать анализ можно с любого момента, хотя удобнее (и целесообразнее) начать с наиболее важного.

Особую значимость для формирования содержания, а в связи с этим и особый интерес для исследователя, представляет дефиниция термина. Познавательную ситуацию дефиниции термина можно рассматривать как «сгусток» содержания, представленного терминированными понятиями во всех основных функциях. Основные функции такого «сгустка» содержания, одного из его паттернов¹ соотносятся с такими ментальными операциями, как *введение* основного, т. е. развиваемого в тексте терминированного понятия, *обоснование* этого понятия посредством более широкого, принятого — по умолчанию — автором и читателем в качестве исходного, наконец, *сужение* основного понятия посредством связи с частными — уточняющими понятиями.

Такие паттерны, намечая контуры системных связей в содержании текста, позволяют зафиксировать моменты динамики со-

¹ Паттерн — это ключ к пониманию скрытой от нас структуры системы.

держания текста. Дело в том, что в процессе формирования содержания то или иное терминированное понятие не только выполняет раз и навсегда заданную функцию, но и перемещается из одной функциональной позиции в другую: основное понятие может функционировать либо как исходное, либо как уточняющее; уточняющее — либо как основное, либо как исходное. Ограничения вносят следующие правила: первоначальное и конечное исходные понятия не могут стать основными; первоначально исходное понятие не может стать уточняющим; последнее уточняющее понятие не может стать основным; последнее основное понятие не может стать уточняющим.

В рассматриваемом плане важно иметь в виду, что системный подход к тексту может быть объективным и субъективным. *Объективный подход* предполагает «работу» с изолированными от контекста — при взгляде со стороны, т. е. извне — семантическими блоками основного, исходного и уточняющих понятий, организованными по принципу паттерна.

Содержание текста может быть соотнесено с совокупностью таких семантических блоков, их связями, переходами, перекличкой и т. д., отражающими динамику содержания и, в конце концов, системность содержания текста. Эту «чистую» массу содержания текста, по-видимому, можно измерить достаточно простым способом, посчитав количество включенных в семантические блоки терминированных понятий. Плотность же будет равна отношению к общему количеству словоупотреблений в целом тексте, например, тексте статьи.

Какую роль играют сегменты текста, не организованные паттернами в семантические блоки? Не являются ли они избыточными для содержания текста? По-видимому, нет, но как регулировать их наличие, если автор намерен гармонизировать структуру текста для лучшего восприятия читателем?

Ответить на эти вопросы можно, полагаясь на субъективный подход к тексту. Субъективный подход включает в качестве одного из необходимых элементов системы ее понимание изнутри, вслед за автором текста, действующим в соответствии с коммуникативной целью, установками, жанром текста и т. д. Только с учетом этих условий объективный подход может сбалансировать представление о достаточной полноте, а значит, необходимой избыточности и гармоничной плотности содержания текста.

Сравним фрагменты текстов из монографии и научно-популярной книги. С большой долей вероятности можно предполагать, что научно-популярный текст будет «оснащен» аналогиями, иллюстрациями, пояснениями, эмоциональными оценками и т. п. На первый взгляд, все это отнюдь не способствует плотности содержания, напротив, «разрыхляет» его. Значит, редактор должен беспощадно

выпалывать эти сорняки, ликвидировать излишества? Отнюдь нет. На наш взгляд, здесь должна проявиться «чувствительность» к тексту, которая только и может тонко регулировать отношения между семантикой текста, организованной взаимосвязанными семантическими блоками, и окружающей их информацией. Ясно, что субъективный подход к содержанию, проникновение в замысел автора, понимание его отношения к адресату («Язык общения не может быть сведен к информационному смыслу высказываний» — [О'Коннор, Макдермотт, 2006:115]) способствуют осуществлению системного мышления, рассматривающего текст, с одной стороны, как единое целое, а с другой — в разных ракурсах: объективно — смотреть снаружи, субъективно — изнутри. «Полная объективность нереальна, потому что отсутствует наблюдатель, который мог бы рассказать нам о виденном» [Там же:153].

Дополнительная к объективной субъективная информация необходима, неизбежна, присуща тексту по природе, «по определению», однако осознать ее необходимость может только субъект текстопорождающей деятельности (автор текста). Отсюда легко прийти к заключению о том, что есть реальные основания считать плотность текста относительной характеристикой — функционально обусловленной, гибкой, а значит, зависимой от воздействия многих и многих факторов (поэтому вполне можно сказать, что создание текста подобно плетению паутины). Это воздействие не всегда обеспечивает ту плотность текста, которая не только не мешает, а даже способствует восприятию содержания читателем, помогает коммуникации автора и читателя. Совершенно ясно, что особую актуальность это свойство текста приобретает при создании учебников. И это подтверждено Л. С. Гиренко [2006] в результате анализа текстов вариативных учебников для учащихся средней школы и для студентов вузов.

Функционально-стилистический подход реализован при изучении ряда функциональных семантико-стилистических категорий, присущих научному тексту. Несомненно, эвристические возможности этого подхода не исчерпаны, он может быть последовательно применен и к плотности текста, позволив выявить структурную и функционально-семантическую специфику этого свойства научного текста. Использование функционально-стилистических принципов анализа целого текста, и прежде всего учет обусловленности научного текста его экстралингвистической основой, позволяет не только констатировать наличие тех или иных языковых явлений в тексте, но и объяснить их появление и функционирование в тексте. В отношении плотности научного текста — это дело будущего.

Объяснительная роль функционально-стилистического подхода к тексту целого произведения далеко не очевидна, если не при-

знать принципиальной интегративности понятия «функциональный стиль» [Долинин, 2004:607 — 620]. Необходимость осознания эталона научного функционального стиля, возможность следовать этому эталону и отнюдь не одинаковая реализация такой возможности предопределяют поиск условий, способствующих либо, наоборот, препятствующих созданию текста, соответствующего эталонному представлению о научном тексте. В связи с этим функционально-стилистический подход к тексту целого произведения можно уточнить посредством понятия *когнитивно-дискурсивный*, находящегося «под зонтиком» более широкого — антропоцентрического подхода.

В свою очередь антропоцентрический взгляд на текст акцентирует субъектную составляющую когнитивно-дискурсивного подхода к речи/тексту. Тем более что фактор субъекта речи является столь сильнодействующим, что неизбежно не только оставляет след в текстовой ткани, но пронизывает ее, так сказать, на атомарном и молекулярном уровнях. Поэтому функционально важные, существенные для той или иной сферы коммуникации качества, в частности, плотность содержания научного текста, несомненно, испытывают воздействие фактора субъекта речи.

Можно заметить, что учет субъекта речи, т.е. приближение текста к человеку, рассмотрение текста в качестве коммуникаата, позволяет выявлять и устанавливать коммуникативное намерение (автора) передать именно такое, а не иное содержание речи, в этом, а не ином количестве, в этой, а не иной форме, и т.д. Средства вербализации коммуникативного намерения передают его синкретично, интегративно с содержанием, точнее, с его развертыванием, поэтому и качества текста, в частности, плотность его содержания, представлены в процессе их формирования, т.е. в динамике.

Как уже было отмечено, плотность текста — его существенный признак, значит, этот признак «вездесущ». Не может быть текста, не обладающего плотностью. Другое дело, что она проявлена в разной степени, градуально, как лишь частичное отражение (а не полное выражение) из-за объемности и синкретичности речемыслительной деятельности.

Понятие плотности текста совмещает в себе интеллектуальное действие, связанное с уплотнением текста, и свойство, сформированное в результате этого действия, — плотность текста. См. аналогично: *взвешивать — вес, украшать — красота, чистить — чистота и др.* Синкретичность свойств содержания текста — процессуальности (динамического свойства) и качественности (статического свойства) — способствует интеграции процесса уплотнения содержания плотности как результата этого процесса. Плотность текста возникает на основе объединения функционально разнообразных, разнотипных речевых средств, ориен-

тированных на уплотнение содержания текста и связанных с уплотнением мыслительных, речемыслительных и речевых процедур. Вместе с тем плотность текста можно обнаружить лишь опосредованно, путем определения коммуникативной и когнитивной функции рече-текстовых единиц. В контексте действующего механизма порождения научного текста плотность рассматривается как итог синтеза и усиления наукоемкой информации — синтеза, который актуализируется посредством соединения языковых средств, ответственных за передачу конденсированной информации.

В заключение подчеркнем следующее. С одной стороны, при рассмотрении плотности необходимо учитывать системность терминов, которая проявляется при развертывании основных понятий и наполнении их содержанием, при установлении логико-семантических отношений между терминовыми понятиями, суждениями и умозаключениями, а также при использовании в тексте связующих языковых и речевых (текстовых) единиц. С другой стороны, при овладении стилем научного изложения, продуктом которого является гармонично плотный текст, необходимо учитывать жанр текста, например, статьи или учебного пособия, а также ориентироваться на адресата. Так, в учебном пособии требуется четкое выстраивание терминосистемы, подчеркнутая логичность и связность изложения, а степень семантической слитности между терминовыми понятиями — выше степени «рыхлости» текста. Кроме того, важны и субъективные установки относительно изложения в тексте нового, авторского знания.

Общеизвестная полиструктурность научного текста, как представляется, может послужить основанием для применения различных методик исследования плотности текста. В частности, сложность семантических образований в научном тексте можно показать на семантических блоках. Семантические блоки основаны на смежности значений лексических единиц, влияющих на уплотнение в процессе выражения научного знания. В составе таких блоков научное знание выступает в единстве основных, исходных и уточняющих понятий. Чтобы увидеть данную закономерность, можно обратиться к матрице смежности значений (описание методики см.: [Котюрова, Гиренко, 2005:295 — 316]), которая демонстрирует «связующие нити» лексических значений терминов, слов широкой семантики и др., определяющих развитие мысли и уплотнение содержания.

Таким образом, плотность содержания научного текста представляет собой единство процесса уплотнения и результата этого процесса, зафиксированного в тексте. Плотность текста соотносится с его терминосистемой, предъявленной читателю не в яв-

ном, статическом, упорядоченном виде, а в движении, динамике смысла, различных «потоках» и их взаимодействиях. Однако важно, что при этом происходит целенаправленное (по воле автора) уплотнение содержания текста посредством формирования семантических блоков, представляющих собой комплексы исходных, основных и уточняющих понятий-терминов. Благодаря взаимосвязи исходных, основных и уточняющих компонентов, организующих новое знание, можно судить о малейшем уплотнении научного знания. Контекстуально-смысловой подход при изучении уплотнения научного текста позволяет увидеть процесс развития научного знания (с учетом его развертывания или свертывания) на основе уплотнения содержания посредством смежности значений лексических единиц в тексте. На этом этапе анализа плотности текста важно определить стереотипные связи как в системе лексических единиц, выступающих в качестве фиксаторов связи этих единиц, так и в системе семантических отношений научных понятий, выступающих в качестве смысловых блоков основного, исходного и уточняющих понятий.

Данный подход к изучению плотности текста представляется целесообразным и правомерным, так как опирается на давно ставшую традиционной функционально-семантическую методику исследования — анализ отдельных единиц в минимальном контексте и их семантических связей с целым произведением.

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ РЕЧИ УЧЕНОГО

В последние десятилетия изучение научного текста значительно продвинулось в рамках функционально-стилистической теории [см. Очерки, 1996, 1998; и др.], поэтому воспримем основной принцип этой теории, каким является единство двух сторон функционирования языка — лингвистической и экстралингвистической. В плане аргументации этого основного принципа особое значение может иметь накопление научных фактов о речевой индивидуальности не только писателя (чему посвящена обширная литература), но и ученого. Тем более что, как замечает М. Фуко, «открытия, методологические исследования, достижения и неудачи ученого принадлежат каждое своему событийному ряду и не могут быть описаны одним и тем же способом на одном и том же уровне» [Фуко, 1996:8].

Вместе с тем, стремясь не поддаваться самообману в надежде на возможность *полного* описания индивидуального стиля письменной речи, мы сталкиваемся с необходимостью основываться на каких-либо *общих* принципах анализа, хотя и принимаем как бесспорное утверждение о том, что «принципы всегда содержат элемент некоторой условности, конвенциональности, так как выбор этих принципов в значительной мере определяется задачами исследования» [Никольская, 1974:24].

Экстралингвистическими предпосылками проявления индивидуальности речи являются личность (полиструктурное образование, включающее природные и социальные свойства человека), когнитивный стиль, творческий характер деятельности, активность в поиске средств для лучшего выражения мысли. Иначе говоря, основными предпосылками индивидуальности речи становятся социальные, психологические и языковые факторы. Учет именно социальных и психологических моментов, которые можно реконструировать на основе контекста произведения, позволяет говорить о том, что материалом исследования в таком случае оказывается не что иное, как *дискурс*, в котором фиксируется

знание в его относительности, «рассеянии», противоречиях, не-последовательности, в движении от субъективного не-знания к субъективному же знанию, в котором, возможно, коренятся ростки действительно объективного знания.

Понижение уровня абстракции при анализе — от функционального стиля к конкретному тексту — приводит к тому, что «строгая» системность, можно считать, обогащается асистемностью и оказывается, что четко установленные стилевые черты (обобщенно-отвлеченность, подчеркнутая логичность, диалогичность, гипотетичность и др.) и текстовые категории (целостность, связность, точность и др.) имеют *градуальный* характер, поскольку испытывают воздействие различных факторов и выражены с разной степенью интенсивности. Вместе с тем более заметным и существенным как для исследователя, так и для практически овладевающего научным стилем речи молодого ученого становится влияние *субъектно-личностных* характеристик автора текста. Иначе говоря, «фокус» восприятия текста смещается в сторону субъективированного компонента содержания, т. е. «приближается» к создателю текста.

К субъектно-личностным основаниям мыслительной деятельности обращаются философы, психологи, лингвисты. Приведем достаточно убедительное обобщение Ю. М. Шилкова: «Специфика мышления не исчерпывается его объектными признаками. Трудности ее анализа обнаруживаются при обращении к субъектной природе мышления... Она не сводится к информационным постулатам, ибо утрачивает свои главные свойства — свойства *целостности субъектной деятельности*» (курсив мой. — М. К.) [Шилков, 1992:43].

Аналитичность мышления как основа дифференциации дискретного и континуального стилей мышления

В широком смысле познавательная деятельность субъекта всегда является аналитико-синтезирующей (неслучайно степень аналитичности и синтетичности, а также уровень абстрактности и обобщения рассматриваются в качестве *критериев* развития мышления. Преобладание анализа или синтеза является яркой психологической чертой любого *познавательного стиля*, — характеризуется ли он простотой либо сложностью конструктивного мышления, ригидностью либо гибкостью перехода от одних мыслительных операций к другим, т. е. той или иной степенью «инерции мышления» при решении конкретных задач, отдает ли предпочтение образованию большого количества мелких групп

или нескольких широких классов. При неразрывной связи, но с учетом доминирования одной из этих сторон познавательного стиля различаются два основных *стиля мышления*, а именно *дискретно-логический* и *континуально-психологический* (далее для простоты употребляем термины дискретный и континуальный). И тот, и другой стили мышления проявляются по отношению и к объекту, и к субъекту знания.

Кстати, кажется уместной оговорка относительно того, что реальный мыслительный процесс не может осуществляться посредством какого-то одного стиля мышления в его определенности и «чистоте», поскольку это научное понятие является абстракцией от массы конкретных текстов, запечатлевших речевое мышление ученых во всем его объеме. Вместе с тем методологически важным представляется замечание В. П. Карцева о том, что «в каждом конкретном случае нам следует интересоваться не всеми компонентами стиля мышления, расписанными по перечню, но лишь теми, которые оказались в творческом поиске ученого *наиболее значимыми*» (курсив мой. — М. К.) [Карцев, 1984:246].

Понятно, что при формировании текста дискретный, точнее, дискретно-логический, фрагментарный характер мышления компенсируется возможностью установить логико-семантические связи между терминированными понятиями, суждениями о них и умозаключениями. Поэтому предметное содержание в научных текстах обычно оформляется посредством выражения его логичности. Во-первых, преобладание дискретно-логического стиля мышления действительно обуславливает такую характеристику стиля изложения, как подчеркнутая логичность. При этом существенно то, что подчеркнутая логичность — это свойство мышления, специально выраженное функционально ориентированными отдельными языковыми единицами, а также их комплексами в речевой ткани, т. е. в контексте их использования. Во-вторых, дискретно-логическое мышление, конечно, проявляется не только в подчеркнутой логичности, но и в «недостаточной» логичности, фрагментарности изложения. Последняя связана с неизбежной неполнотой речи, ее эллиптичностью, что приводит к дефектам в отношении плотности содержания.

Представляется, что именно дискретно-логическое аналитическое мышление связано с преобразовательной сущностью как научного мышления, так и речи. Умение посмотреть на явление с другой стороны присуще человеку с аналитическим мышлением. Преобразовательная сущность дискретно-логического мышления состоит в том, что оно позволяет дифференцировать знание на разных основаниях (находя все новые и новые), правда, нередко не доводя членения до логического конца. Важно, что естественная при этом фрагментарность мысли не всегда являет-

ся недостатком, но переходит в достоинство, связанное с количественной стороной фрагментов.

Ясно, что аналитичность прежде всего направляет мысль на поиск основания, фундамента, на котором произойдет «ломка, разрыв» старого, известного образа предмета. При отсутствии образа осуществляется та же процедура преобразования, хотя и в другом отношении — преобразования энциклопедического понятия в научное, конкретно-бытового — в абстрактно-логическое и т. д. С преобразовательной сущностью аналитической деятельности связана вариативность изложения как способ преодоления стереотипности речи.

Надо сказать, что в познавательной-коммуникативной деятельности кванты содержания объединяются, обобщаются, уплотняются в результате их синтеза и предстают в виде понятий, гипотез, концепций, теорий, законов. Вместе с тем, если мы имеем в виду действительно познавательную-коммуникативную деятельность, то неизбежно должны помнить о том, что преобразовательная сущность этой деятельности начинается с продуктивного понимания. При этом существенно уточнить: понять текст означает установить причастность к общему смыслу, прийти к взаимопониманию в том, «что касается сути дела» [Гадамер, 1988:446]. Без такого понимания текста не может быть осуществлена действительно эффективная коммуникация ученых, поскольку в противном случае будет неполностью реализовано стремление автора «быть услышанным», а читателя — «услышать» мысль автора. Как видим, речь идет о понимании высокой степени сложности, а значит, о совмещении, с одной стороны, восприятия собственно содержания, с другой — диалога с автором текста, ученым, о стиле мышления которого читатель может сформировать свое представление.

Для стилистики научной речи весьма интересна перспектива интерпретации формирования нового знания в связи с тем, что в смежной с лингвистикой психологической науке «намечается реальная возможность развития *психологии продуктивного мышления* путем исследования его рефлексивно-личностного плана во взаимодействии с содержательным (предметным) планом в творческом процессе в целом» (курсив мой. — М. К.) [Семенов, 1992:3].

В лингвистических исследованиях понятие «стиль мышления» применяется как исходное, т. е. не определяемое логически, ясное лишь интуитивно. Поэтому обычно отмечаются лишь отдельные характеристики мышления, достаточно активно воздействующие на формирование речи/текста: аналитическое мышление, логическое, критическое, ассоциативное, полифоническое и др. Для стилистики научной речи принципиально важно: невозможно со-

мневаться в том, что доминирующий стиль мышления обуславливает важнейшие индивидуальные характеристики речи.

Внимание к индивидуальному стилю речи ученого влечет за собой необходимость определить комплекс факторов и хотя бы в какой-то мере структурировать этот комплекс на основе «приближения» к человеку. В контексте исследований языковой личности, а также по аналогии с традиционно широко изучаемой проблемой идиостиля писателя тема речевой индивидуальности ученого возникает вполне логично. Тем более что в отношении работы интеллекта психологами установлено: «на высших уровнях интеллектуальной продуктивности обнаруживает себя удивительное сочетание, с одной стороны, возрастающей способности ко все более объективированной форме отражения действительности (в своей предельной форме — это способность к познанию общих объективных законов мироздания) и, с другой стороны, *усиливающейся индивидуализации* интеллектуальной деятельности» (курсив мой. — М. К.) [Холодная, 2004:13].

Проблема индивидуального стиля мышления и речи ученого носит интердисциплинарный характер и зафиксирована в литературе в разных аспектах: историко-научном [Коммуникация, 1976, Карцев, 1984], науковедческом [Яковлев, 1989], психологическом [Семенов, 1992], функционально-стилистическом [Котюрова, 1996]. Думается, что лишь в широком психологическом контексте творческого процесса и можно приступать к объяснению собственно лингвистических научных фактов, полученных в результате изучения текстов целых научных произведений.

Кстати сказать, для исследования целого текста чрезвычайно важно, что психологами преодолен этап психологического *комментария* к формально-логическому описанию решения поставленных задач посредством цепочек умозаключений. Поиск решения характеризуется как целостное, «идеально» последовательное проблемное рассуждение. Отклонения от этого «идеального пути» проявляются под влиянием индивидуального стиля мышления ученого — логического (точнее, дискретно-логического), психологического (континуально-психологического), критического, метафорического и др.

Для стилистики научной речи существенно то, что наряду с идеально последовательным рассуждением в тексте фиксируются и отклонения от формально-логического движения мысли, которые можно либо объяснить влиянием индивидуального стиля речи, либо рассматривать в качестве речевых *погрешностей* (см. об этом в главе 6).

Стиль мышления ученого обуславливает не только индивидуальные особенности стиля изложения, но и динамику (эволюцию), в определенной мере, стиля научной речи в целом. Как из-

вестно из учебной литературы, необходимо различать, с одной стороны, характер мышления в самом процессе познания, а с другой — воплощение результатов мышления в научных сочинениях. Поэтому правомерно говорить о стилистике речи ученого (а не только писателя).

По существу стилистика речи ученого уже получила обоснование; в научной литературе имеются, хотя и в предварительном плане, обобщающие размышления. Так, Ст. Гаيدا подчеркивает, что ученые осуществляют исследовательскую деятельность в некоем культурном и научном пространстве, в которое он включает контекст культуры, науки, обоснования (контекст семиотики и контекст открытия), а также контекст коммуникации ученых, осуществляемой посредством текста.

Интересно, что стиль изложения обуславливается — в определенной мере — статическим либо динамическим характером знания. Так, В. И. Постовалова говорит о двух стилистических манерах написания: «Тексты первого типа в их окончательном виде максимально рафинированы и обездвижены, в них скрыты следы предшествующей работы мысли — обрывки рассуждений, лакуны в движении мысли, все несовершенное. Тексты второго типа — автопортрет мыслителя, в них отражаются нюансы размышлений (движения мысли. — М. К.) автора: безудержный поток ассоциаций обгоняет в них строй отрефлектированных логических построений и затем, на следующем этапе движения, утрачивает свою стихийность и приобретает логические очертания» [Постовалова, 1982:38].

Для иллюстрации данного рассуждения В. И. Постоваловой приведем два фрагмента из лингвистических текстов.

(1) «Принцип открытой логичности проявляется в особенностях синтаксиса научной речи. Последовательная логичность изложения предполагает легкодоступность восприятия адресатом тех связей между понятиями, которые создают логическую целостность высказываний и текста в целом. Этим, *по-видимому*, объясняется отмечаемое многими исследователями преобладание подчинительных конструкций в научном описании.

Открытая логичность как принцип организации научного текста предполагает тесную взаимосвязь элементов речи на всех ступенях синтаксической структуры (словосочетание, предложение, сложное целое) и четкую выраженность этих связей. Отсюда — активное использование в научном тексте всякого рода показателей связи — союзов, союзных слов, предлогов, частиц, соотносительных слов. Очень активны в научной речи модальные слова, специально предназначенные для выражения логических отношений между частями высказывания и между самостоятельными высказываниями, а также вводные и вставные конструкции (словосочетания и предложения), призванные уточнять содержание выска-

зывания, ограничивать его объем, вводить необходимые пояснения, указывать источник информации и др.» [Головин, 1980:161 — 162].

(2) «В современном обществе людям приходится и говорить, и писать на самые разнообразные темы и в самых различных ситуациях. *Естественно, что* форма речи — устная или письменная — не может не влиять на структуру высказываний. Однако *вряд ли имеет смысл игнорировать то обстоятельство, что* черты, которые характеризуют “разговорную речь”, — это черты устной речи, лишь частично воспроизводимые в письменных текстах (главным образом — в художественной литературе), в то время как все основные особенности функционально-речевых стилей восходят к письменной форме. Устное общение на деловые или научные темы, *естественно*, допускает самый широкий диапазон варьирования речевых средств — в зависимости от ситуации и взаимоотношения уже реально представленных лиц. *Было бы бессмысленно спорить о том, следует ли* относить соответствующие высказывания к разговорной речи или же нужно рассматривать их как трансформированное проявление того или иного функционально-речевого стиля. Если в устной речи в достаточной степени воспроизводится то соотношение между сторонами общения, которое характерно для письменного закрепленного стиля, то *естественно рассматривать* соответствующие высказывания *как* устное отражение данного стиля. Но в связи с присутствием 1-го и 2-го лица как непосредственных участников общения здесь, *конечно*, всегда возможны переходы речи из одной стилистической тональности в другую; возможно вторжение разговорных элементов, которое разрушает стилистическое единство речи, но не создает, *по-видимому*, никакого нового единства» [Шмелев, 1977:71].

Уточним, что В. И. Постовалова, очевидно, имеет в виду лишь кардинально противоположные типы текстов, предполагающие, естественно, целый ряд других, смешанных, различающихся в меньшей степени.

Три принципа формирования индивидуального стиля речи ученого

Основные принципы формирования индивидуального стиля речи ученого представим на основе литературы вопроса. Индивидуальный стиль речи автора испытывает воздействие объективных внелингвистических факторов, таких как эмпирический или теоретический уровень развития знания, соответствующие этому уровню методы исследования (наблюдение, эксперимент, классификация, типология, теория и др.), объектный либо субъектный способы изложения и т. д. Поскольку конкретный, реальный путь мышления пока не может быть исследован чисто лингвистически, остается возлагать надежды на возможность реконструировать отдельные черты, свойства мышления и через них воссоз-

дать — хотя бы схематично — экстралингвистическую основу стиля речи ученого.

Первым принципом формирования индивидуального стиля научной речи будем считать обусловленность экстралингвистической основой, причем с акцентом на *субъектной* [Давыдов, 1970] стороне познавательной деятельности. Субъект познавательной деятельности проявляет себя в тексте по существу односторонне, в отвлечении от конкретных психологических черт, в обусловленности типичной психологией научного творческого мышления. Этот экстралингвистический принцип в самом общем виде можно представить в единстве трех основных компонентов — *типа мышления, познавательного стиля и стиля мышления ученого*. Поэтому именно понятийный тип мышления является «фоновым», всеобъемлющим, наиболее общим фактором, воздействующим на формирование речевой индивидуальности ученого.

Разработка понятий «познавательный стиль» и «стиль мышления» остается пока мало детализированной и стимулируется лишь прикладными целями. Вместе с тем очевидно, что эти характеристики научного творчества лежат в основе понятия «индивидуальный стиль изложения».

Логический или психологический стили мышления обуславливают применение различных способов определения понятий — определения *с ядерной дефиницией* (родо-видовой характеристикой) и *посредством объяснения*, т. е. характеристики внешних, несущественных свойств предмета или явления. Психологический стиль мышления, которому присуще восприятие объекта в целостности, легко включает в свой состав способность субъекта к метафорическому осмыслению старого, известного знания. Именно концентрированная способность порождать метафоры, т. е. реализовать метафорический стиль мышления (достаточно редко встречающийся в науке), активизирует развертывание сети (если не системы) взаимосвязанных, а не вообще — отдельных — метафор.

Второй принцип формирования индивидуально-стилевой специфики речи ученого соотносится со *спектральным* принципом взаимодействия свойств, признаков, особенностей научного функционального стиля. Этот структурный принцип позволяет объяснить единство научного стиля при диффузности свойств разных текстов, обусловленных воздействием индивидуальных стилей. Диффузное, «размытое» проявление индивидуальных стилей нечетко детерминировано экстралингвистической основой, поэтому те или иные черты научного функционального стиля речи актуализируются с разной степенью яркости и очевидности. Спектральный принцип взаимодействия стилиевых черт

соотносится с полифункциональностью языковых единиц в тексте. Так, тесно взаимодействуют диалогичность, оценочность, связность, акцентность, проспективность, ретроспективность и другие свойства текста. Спектральный принцип можно представить в модели как действующий «по горизонтали», в синтагматике свойств текста.

Третий принцип формирования индивидуального стиля ученого — *градуальный*, имеющий собственно *текстовый* характер. Этот принцип сопряжен с текстовыми свойствами, понимаемыми в качестве категорий, которые реализуются только в целом тексте. Действие этого принципа можно выявить, если рассматривать специально, изолированно от других ту или иную текстовую категорию как совокупность функционально единых направленных речевых средств. Градуальный принцип текстообразования можно представить в модели как действующий «по вертикали», в парадигматике средств создания в отдельности того или иного свойства текста.

Рассмотрим категориально-текстовый строй индивидуального стиля речи ученого и убедимся, что такой строй является результатом действия действительно гибкого инструмента формирования и оформления речи. Обратимся к примеру возможного соотношения двух индивидуальных речевых стилей, обусловленных противопоставленными доминирующими стилями мышления — логическим и психологическим — и «обслуживаемых» целым рядом категорий. К ним относятся прежде всего логичность, связность, оценочность и др.

Естественно, что два названных стили мышления содействуют формированию текстовых категорий не в их наборе (ни одна текстовая категория «не противопоказана» тому или иному стилю мышления), но в «силе притяжения» к той или иной категории всех других. Так, *дискретно-логический* стиль мышления найдет выражение и «поддержку» со стороны логико-семантических отношений между основным и исходным, основным и уточняющими понятиями, т. е. в дефинициях терминов, а также в подчеркнутой логичности сверхфразовых единств и их связи в целый текст. *Континуально-психологический* стиль мышления неизбежно актуализирует не четкие дефиниции понятий, а объяснение терминов, окутанное оценочностью, диалогичностью, акцентностью и другими категориями текста.

Если мы хотим увидеть текстовую категорию «крупным планом», в ее отдельности, но все-таки не изолированно, а хотя бы в минимальном контексте, то, несомненно, заметим, что каждая из них «уравновешена» прежде всего оппозитивным компонентом, который есть не отрицание другого, но его модификация. Так, логичность проявляется в связи не с нелогичностью (алогиз-

мами, редкими в научном стиле речи), а с ассоциативностью мышления и речи, связность — в сопоставлении не с несвязностью (свидетельствующей о патологии речи), а с расчлененностью, оценочность — в связи не с безоценочностью, а с нейтральностью (нейтральной оценкой), диалогичность — не с молчанием, а с монологичностью и т. д. По-видимому, в этом проявляется закон семантического согласования, установленный В. Г. Гаком на материале лексико-семантической синтагматики [Гак, 1974].

Нам представляется, что закон семантического согласования вполне можно интерпретировать применительно к семантике категорий, в том числе категорий текстовых. Закон семантического согласования заключается в том, что в предложении релевантная для данного высказывания сема не может выступать «в одиночку» и должна иметь по крайней мере одну парную сему. Исходя из закона семантического согласования, мы рассматриваем текстовые категории как функциональные единства двух компонентов, взаимосвязанных в виде оппозиций: 1) подчеркнутая логичность/ассоциативность, 2) связность/расчлененность (фрагментарность), 3) фактологичность/гипотетичность, 4) нейтральность/оценочность, 5) монологичность/диалогичность (полилогичность, партитурность), 6) определенность/неопределенность (однако не как «безопределенность»).

Каков принцип семантической связи двух компонентов категории? Явно представленная асимметричность семантических отношений компонентов каждой из названных категорий позволяет говорить о градуальной связи этих компонентов. Можно сказать, что градуальная модель текстовой категории строится с учетом целостности семантического пространства, значит, его дискретно-континуального характера.

Градуальность, т. е. наличие градуальных отношений между средствами выражения той или иной категории, — это симбиоз категорий качества и количества. Если градуальность сама является категорией как программой-концепцией усвоения информации, то именно в качестве программы она и может являться принципом создания *аналитического образа* других категорий. Градуальный принцип организации множества компонентов имеет следующие особенности: 1) наличие трех и более смысловых компонентов, объединенных на одном основании, выраженных различными языковыми единицами, причем количество единиц не играет существенной роли; 2) наличие «нулевого градуса» на шкале признака компонентов (вполне возможно, что в описательно-эмпирическом фрагменте научного текста окажется непредставленной критичность мышления автора); 3) возможность связи компонентов на других основаниях (в силу полифункциональности языковых единиц в тексте); например, конструкции связи типа

следует учитывать, нельзя не согласиться с мнением, можно считать доказанным и др. используются для связи самостоятельных предложений и абзацев, а также передают различные нюансы — в данном случае в плане категоричности/ некатегоричности рациональной оценки мысли автора); 4) открытость градуальной «шкалы» и др.

Градуальность не отменяет и не заменяет оппозитивности, но конкретизирует характер смысловой структуры таких понятий, как логичность, связность, оценочность и др., которые рассматриваются в виде категориальных научных понятий. Именно категориальная особенность этих понятий — их двудерность при оппозиционных отношениях ядер — и позволяет трактовать функциональный принцип их реализации в разных текстах как градуальный. Наличие двух ядер в рамках одной категории свидетельствует об ориентирующих «направлениях» шкалы категории.

В качестве примера рассмотрим соотношение различных компонентов текстовой категории *логичности* при закономерном (неизбежном) выдвигании одного из них, доминирующего. Как показывает анализ материала, такой доминирующий компонент категории может быть представлен в тексте как специальными, четко сформировавшимися в языковой системе средствами, так и периферийными для данного категориального значения, иногда — индивидуально-речевыми, авторскими. Категория логичности речи, организованная отношением открытой логичности и ассоциативности мышления, конечно, прежде всего вызывает представление о *специальных средствах выражения* логико-семантических отношений между понятиями в пределах предложения (как известно, такую функцию выполняют союзы, предлоги, глаголы, причастия, некоторые местоимения, наречия), между самостоятельными предложениями и абзацами в целом тексте (союзы, местоименные сочетания типа *это явление, в этом случае, в таком случае* и др., наречия *ниже, выше, далее*, различные конструкции связи). «Плавное» развертывание содержания можно наблюдать в таком тексте, где связь (суждений) в сложном предложении и между самостоятельными предложениями выражена специальными лексическими средствами. Приведем три примера.

(1) «Разделение полиморфных превращений на энантиотропные и монотропные носит термодинамический характер. Однако к классификации превращений можно подойти с кристаллохимических позиций. Полиморфные превращения могут быть связаны с незначительным перемещением структурных единиц в кристалле. Такие превращения называются сдвиговыми, и при них обычно не происходит изменения координационного числа.»

(2) «Различие XIII состоит в том, что *не-1* способно относиться только к синтаксически связанным группам слов, в то время как *не-2* таким ограничением не связано. Дело здесь в том, что синтаксические связи *не-1* и *не-2* регулируются разными правилами: *не-1* непосредственно связано со своей сферой действия (исключая случаи смещения), а *не-2* синтаксически относится к *реме* предложения. При этом существенно, что *рематическая* группа никоим образом не является сферой действия *не-2*. Дело в том, что при противопоставлении семантическая и синтаксическая сферы действия частицы *не* принципиально неизоморфны. СД сем представляет собой предикацию, в вершине которой... В реальном предложении, однако, как правило, нет особого сегментного средства, выражающего этот предикат» [Богуславский, 1985:81].

Здесь средства связи, свидетельствующие о постепенном, «плавном» развертывании текста, его логичности, подчеркнуты светлой линейкой.

(3) «В работе методом неопределенных множителей Лагранжа было показано, что необходимые и достаточные условия локального минимума свободной энергии *F* накладывают очень жесткие ограничения на значения функции распределения и, следовательно, на параметры дальнего порядка. Как показал приведенный в (68) анализ, для кристаллов в равновесном состоянии все возможные значения функции распределения вырождаются в два значения. Такая ситуация в принципе возможна, если некоторые параметры порядка равны нулю. Однако наиболее вероятным случаем вырождения функции распределения является равенство всех параметров дальнего порядка. Следовательно, необходимые и достаточные условия локального минимума свободной энергии могут быть выполнены при равенстве параметров дальнего порядка друг другу. Поэтому при последующем анализе свободной энергии упорядоченных фаз, описываемых несколькими параметрами дальнего порядка, вместо совокупности параметров порядка будет рассматриваться один параметр... Что касается сверхструктур типа..., то они описываются одним параметром дальнего порядка и для них минимум свободной энергии однозначно определяется величиной...»

Как видим, приведенные тексты представляют собой описание (1), обоснование (2) и собственно рассуждение (3). При этом важно подчеркнуть тот факт, что логика развертывания текста, осуществляемая либо через понятия, как в (1), либо через суждения, как во (2) и (3), выражена (выделенными в примерах) языковыми единицами, в тексте ориентированными на логико-связующую функцию. Поэтому определенно можно считать, что в этих и подобных им текстах эксплицирована именно подчеркнутая логичность речи.

В свою очередь важно подчеркнуть, что ассоциативность речи передается различными способами *имплицитной* связи понятий

и суждений, т.е. их логико-семантических отношений. Мы имеем в виду такие яркие (в этом плане) синтаксические конструкции, как двусоставные предложения с опущенной связкой при именном составном сказуемом, с уточняющими вставными конструкциями, выделяемыми тире и круглыми скобками, бессоюзные предложения (с уточняющей второй частью), т.е. конструкции с логико-семантическими отношениями компонентов, не выраженными специальными средствами. Значит, нельзя упускать из виду особую систему — систему пунктуационных знаков — средств пространственной и композиционной организации предложения и текста.¹

Функциональный подход к пунктуационным знакам предполагает учет назначения и цели их применения в тех сферах, где они используются, иначе говоря, учет пунктуационной ситуации, под которой понимается такая «*типовая совокупность определенных свойств структуры и/или содержания (кон)текста, которая обуславливает или стимулирует использование определенных пунктуационных средств, закрепленных правилами и массовой практикой за оформлением в письменном тексте определенных синтаксических конструкций и/или смысловых — или семантико-синтаксических — отношений*» (курсив мой. — М. К.) [Шварцкопф, 1988:13]. Отсюда следует, что семантико-синтаксические (= логико-семантические) отношения выражаются пунктуационными средствами, свидетельствующими о типовых свойствах текста. В свою очередь характер *пунктуационной системы* (как внешней системы) в том или ином тексте тесно связан со строем, *логикой* движения *мысли* автора.

В отношении особенностей выражения логичности мысли в речи со стороны пунктуационной оформленности отметим следующее: 1) знаки препинания сопровождают *развертывание* либо *свертывание* (компрессию) содержания мысли: развертывание содержания наиболее ярко эксплицируется средствами связи как внутри предложения, так и между самостоятельными предложениями, в то время как типичные разделительные знаки: запятая, точка с запятой и точка — лишь дифференцируют развиваемый и развивающий компоненты; свертывание содержания представлено в бессоюзных предложениях, предложениях со вставными конструкциями, а также конструкциями, которые условно можно назвать «втянутыми» (например, вводящими иллюстративный материал), наконец, предложения с комплексом знаков, организованным по «*матрешечному*» принципу усложнения содержания;

¹ «Пунктуацию принято чаще всего соотносить со сферой предложения, между тем как она охватывает не только предложение, но и текст» [Шварцкопф, 1988:12].

2) синтаксические конструкции, способствующие развертыванию содержания, соотносимы с тем компонентом категории логичности, который получил название *открытой логичности*, в то время как синтаксические конструкции, компрессирующие содержание, соотносимы с ассоциативностью речи; 3) формирование в тексте *сложных пунктуационных ситуаций*, эксплицированных комплексами знаков (сложными пунктуационными единицами), считаем яркой манифестацией индивидуального стиля речи автора; 4) количественные показатели употребления союзных и бессоюзных синтаксических конструкций, конструкций смешанного типа и др. также характеризуют индивидуальные пристрастия авторов.

Индивидуальный характер выражения подчеркнутой логичности/ассоциативности обусловлен предпочтительным употреблением названных выше единиц и их общим количеством в тексте — минимальным или максимальным. Кстати, минимально выраженная логичность приводит не к алогизмам, а к логичности «неразвернутой», компрессирующей, но также передающей динамику мысли.

Для примера приведем фрагмент из статьи А. А. Брагиной. Текст насыщен двусоставными предложениями с именным составным сказуемым с опущенной связкой, т. е. невыраженными логико-семантическими отношениями тождества.

«Самое характерное в заголовке с двоеточием — это наличие определенного суждения, акта экспликации. Такое заглавие — краткий тезис, который будет развернут в последующем тексте... Как строится такой заголовок-тезис? Один элемент его — знак препинания, двоеточие — единообразный и постоянный элемент... Двоеточие — это знак актуального в данной ситуации, в данном контексте членения словесного ряда. Тем самым двоеточие — это и знак заголовка-предложения, а не словосочетания...»

Вот наиболее частотный тип заголовка — первое звено представляет собственное имя, географическое название...»

Как видим, использование такого средства экспрессивного синтаксиса, как составное именное сказуемое с опущенной связкой, в научном тексте приводит к сжатию, уплотнению его содержания. При этом интересно, что скрытые за знаком «тире» логико-семантические отношения между подлежащим и сказуемым — отношения отождествления — фиксируют разнообразные семантические связи, можно сказать, совершенно неожиданные, непредсказуемые, которые поэтому вполне можно характеризовать как ассоциативные. Этот пример показывает тесную связь двух сторон одной категории *логичности* — подчеркнутой логичности и ассоциативности. Здесь явно имеет место крен в сторо-

ну ассоциативности, а не подчеркнутой логичности описания, хотя сама синтаксическая конструкция отточенно четко выражает совершенно определенное логико-семантическое отношение тождества.

Обратимся к рассмотрению *спектра* таких взаимодействующих категорий в тексте, как логичность, диалогичность, тональность (категоричность/некатегоричность), при формировании доминирующей характеристики фрагмента текста.

«Чем же обусловлено столь разное поведение отрицательной частицы в противопоставительном и непротивопоставительном контексте?»

Самым простым объяснением было бы утверждение о том, что...

**...Не отрицая того, что... мы тем не менее не можем при-
дать... Можно построить** непрерывный ряд предложений с противопоставлением, в которых, *без сомнения...*

Во-первых...

Во-вторых...

В-третьих...

Наконец...

Кроме того...

Крайне мало правдоподобно, чтобы...

В частности, **очевидно, что...**

Одновременно **трудно представить себе, чтобы...**

Это означало бы, что... (не говоря уже о том, что... тогда *возникает неразрешимая дилемма...*).

... Впрочем, **... можно найти аналогию...**

Во-первых...

Во-вторых...

Тем не менее приведенная *аналогия обманлива.*

... В самом деле...

Иначе обстоит дело... Дело здесь, очевидно, в том, что...

Все изложенные соображения заставляют нас отвергнуть гипотезу о том, что...

**Существует, однако, и другая возможность в рамках под-
хода...**

Против такого решения формально возразить нечего: оно описывает все предъявленные факты. Описывает — но не объясняет.

**Необъяснимым остается, в частности, явно неслучайное об-
стоятельство...** Кроме того, *не объясняется* также то, что...

**В свете этих фактов возникает соблазн объяснить разли-
чия в поведении отрицания...**

Корень всех различий **следует** тогда *искать* в том, какова...

Вглядимся пристальнее в значение предложений...

... Тогда точно так же **следует толковать** сочетание... В таком случае **следует ожидать**, что...

Однако это не так.

Таким образом, **наше предположение** о значении сочетания... **оказалось неточным...**

Для того чтобы сформулировать различие... более точно, **необходимо коротко остановиться** на соотношении семантической структуры предложения и его актуального членения» [Богуславский, 1985:73 — 77].

Приведенный фрагмент текста характеризуется подчеркнутой, т.е. выраженной специальными языковыми средствами, логичностью, внутренней диалогичностью, аргументированностью, наконец, определенной тональностью речи. Так, логичность подчеркнута противительными союзами *однако, тем не менее, вводными словами во-первых, во-вторых, в-третьих, кроме того, таким образом*, сопоставительными наречиями *иначе, точно так же*, уточняющими вводными словами *в частности, в самом деле* и др. Все эти средства выражения логичности создают каркас рассуждающей мысли, без которого она «рассыпалась» бы и не могла восприниматься как нечто единое. Вместе с тем очевидна значимость и других названных категорий — диалогичности и некатегоричности речи, которые придают особое звучание, особую тональность «приобщения» читателя к динамичному внутреннему диалогу автора (самого с собой).

Надо сказать, что если логико-семантические отношения между моментами мысли выражены типичными языковыми единицами, ориентированными в языковой системе специально на обозначение этих отношений, то «аранжирующие» категории диалогичности и некатегоричности имеют свободный характер выражения. На эту особенность категорий чутко реагирует автор текста, проявляя речевую индивидуальность в экспликации категорий названного типа и тем самым придавая речи своеобразие, хотя и в рамках научного функционального стиля. Действительно, если мы условно дифференцируем отдельные «реплики» внутреннего диалога только на две группы — со значением согласия либо несогласия, то легко заметить, что эти значения передаются в тексте отнюдь не типичными для них языковыми единицами, а находящимися как бы на периферии соответствующего логико-семантического поля.

См.: **согласие:** *Самым простым объяснением было бы утверждение о том, что...; Не отрицая того, что...; ...без сомнения... очевидно, что...; Против такого решения формально возразить нечего...*;

несогласие: *Мы тем не менее не можем признать...; Крайне маловероятно...; Трудно представить себе, чтобы...*

(возникает неразрешимая дилемма...); ...аналогия обманчива; Все изложенные соображения заставляют нас отвергнуть гипотезу о том, что...; Необъяснимым остается, в частности, явно неслучайное обстоятельство...; В свете этих фактов возникает соблазн объяснить различия...; Однако это не так; Таким образом, **наше предположение** оказалось неточным.

Как видим, **доминирующей** категорией рассматриваемого текста является диалогичность, представленная внутренним диалогом (по М. Н. Кожинной, Я-1 и Я-2), причем с преобладанием **несогласия**, выраженного в мягкой, некатегоричной форме. Кроме того, существенно то, что диалогичность эксплицирована нетипичными для научной речи средствами: *крайне маловероятно, возникает неразрешимая дилемма, аналогия обманчива, отвергнуть гипотезу, возникает соблазн объяснить различия* и др.

Замысел каждого автора при создании, например, теоретического текста представляет собой совокупность конкретных установок сообщить о **новом** знании, информировать о методах его получения, убедить читателя в достоверности знания, его значимости для научного социума и т.д. При этом каждый автор стал-

Рис. 2. Индивидуальный стиль речи ученого

живается с необходимостью выразить эти установки, с разным «нажимом» акцентируя внимание читателя на этих моментах посредством различных речевых средств. И нельзя не заметить, что в том, какими речевыми средствами в данном тексте эксплицируются типичные познавательные ситуации — квалифицируется старое знание, вводится новое, полученное автором, как «склеиваются» те или иные познавательные ситуации, как развиваются фрагменты знания от старого к новому и т. д., проявляется авторская индивидуальность ученого.

Итак, в лингвистическом отношении индивидуальность стиля речи ученого формируется названными и другими свойствами (категориями), объединенными на основе спектрального и градуального принципов использования языковых единиц. На рис. 2 свойств индивидуального стиля речи ученого показан их дискретно-континуальный характер (мелкая штриховка) и рассредоточенность по «шкале» категорий (по вертикали), а также плавность переходов (по горизонтали) от одного свойства к другому (ср. в математике понятие «пушистые множества»), что связано с полифункциональностью языковых единиц в тексте. Стилиевая семантика конкретных научных текстов формируется индивидуальным спектром текстовых категорий и характеризуется определенной эпистемической целостностью.

Модель индивидуального стиля речи ученого

Каждый автор, создающий научный текст, в той или иной мере (причем сознательно или не вполне осознанно) владеет такими категориями, как логичность, связность, диалогичность и др., оценивая эти категории как необходимые качества научной речи и т. д. Однако невозможно представить себе, чтобы все авторы использовали все категории в равной степени и формировали бы их в разных текстах одними и теми же языковыми средствами. Это тривиальное утверждение аргументировано в литературе: «Мыслительная деятельность отдельного человека тем продуктивнее и логичнее, чем полнее и глубже он присвоил всеобщие категории мышления» [Давыдов, 1970:5].

Модель индивидуального стиля речи ученого, ограниченная и сжатая, построена с учетом лишь одного семантического параметра — текстовых категорий. Однако она позволяет получить представление о формировании индивидуального стиля речи. А именно: отбор и употребление языковых единиц, имеющих определенное «место» на шкале категории — в соответствии с «удельным весом» в плане выражения категориально-текстового значения; количественно-качественный синтез этих единиц в отдельных

фрагментах текста, в тексте всего научного произведения и творчестве в целом — таков путь проявления индивидуального стиля речи ученого.

Отнюдь не каждый фрагмент текста (как, впрочем, и не каждое целое произведение) характеризуется индивидуально-стилевой спецификой. М. Н. Кожина при описании категории гипотетичности подчеркивает, что «в разных текстах, у разных авторов наличие эксплицитной и яркой гипотетичности неодинаково» [Очерки, 1998:301 — 302]. Последнее наблюдение она соотносит со «стилистическими пристрастиями авторов» [Там же:295], иначе говоря, речевой индивидуальностью авторов. Рассматривая собственно языковую сторону индивидуальности ученого, нельзя не отметить, что неповторимость использования языковых единиц сопряжена с устойчивостью, стереотипностью того или иного контекста. При этом вполне очевидно, что только на фоне стереотипного выражения мысли, осознаваемого представителями научного социума как типичное, нейтральное, значит универсальное, только с учетом такого фона и можно говорить об индивидуально-стилевой специфике текста целого произведения либо наиболее типичных его фрагментов.

В качестве примера рассмотрим категорию логичности/ассоциативности. Ясно, что логические отношения между понятиями, многократно зафиксированные, получили определенную языковую «форму» для выражения в речи, в то время как ассоциативные отношения не имеют стереотипной формы. Напомним, что в научной речи логичность носит эпистемический характер, поэтому ориентирована на раскрытие познавательного концепта, который может иметь либо сугубо логическую, либо нечетко логическую основу. В первом случае познавательный концепт вполне может быть представлен в текстовой форме как логически саморазвивающееся явление, во втором же совершенно необходимо присутствие «активного субъекта», который находит «немыслимые» (не осознанные четко логически) связи и отношения. Между этими двумя разновидностями реализации логических и ассоциативных связей имеет место широкий спектр переходных явлений, что, кстати, также дает основание говорить о градуальном принципе организации языковых единиц, выражающих категорию логичности/ассоциативности.

Приведем минимальные фрагменты из теоретических лингвистических текстов, где формируются познавательные концепты. Логически четкие эпистемические понятия представлены в контексте нестрого научного рассуждения. Например, типичные для научной речи стереотипные словосочетания вроде *иметь характер, носить характер...* в реальном употреблении нередко приобретают выразительность за счет различных определений: «Два

предмета-понятия могут быть связаны какими-то подобными чертами. Иногда это подобие существенно., иногда оно несущественно и *носит чисто внешний характер*» [Гак, 1985:31]; «Те различия, о которых мы будем говорить, *носят совершенно другой характер*, чем различия, отмеченные В. В. Виноградовым» [Богуславский, 1985:130]; «Итак, неправильность предложения *носит не языковой, не семантический характер*» [Там же:151]; «слово-сочетание в большинстве случаев *носит метонимический, иногда метафорический характер*» [Гак, 1985:74].

Несомненно, служат экспрессивности, выразительности, а значит, сопряжены с индивидуальностью речи различные «вкрапления» иноязычных единиц, привлекающих внимание читателя неожиданностью появления. Естественно полагать, что они неслучайны, поскольку обычно употребляются либо после логически точной номинации познавательной ситуации, либо — изредка — перед ней. Приведем примеры: «Один и тот же семантический тип наименования может оформляться разными структурными типами... Структурные расхождения *обнажаются* при переходе от одного языка к другому» [Там же:31]; «В русском переводе отбор лексики точно отражает взаимоотношения между персонажами, которые не находят специального языкового выражения в подлиннике... Последний пример *обнажает* экспрессивно-стилистическое согласование, свойственное русскому языку» [Там же:107]; «Наши наблюдения показывают, что, хотя французское словообразование в целом несколько слабее русского, оно не просто уже, но имеет иную направленность... — Ослабление того или иного словообразовательного типа вовсе не свидетельствует о том, что словообразовательные средства в целом *пришли в упадок*» [Там же, 1985:62]; «В русском языке чрезвычайно развито образование глаголов от других глаголов с помощью префиксов. — Всякий глагол в русском языке *обрастает* целой системой префиксов...» [Там же, 1985:64]; «Языки богаты по-разному. Разные модели словообразования по-разному представлены в них. Во французском языке *“плохо” образуются* относительные прилагательные... — Дело в том, что, действительно, во французском языке *“туго” создаются* относительные прилагательные...» [Там же:66].

Надо сказать, что появление таких «инкрустаций» в научном тексте не вообще, а с определенной текстообразующей нагрузкой только и может свидетельствовать об индивидуальном их использовании. Так, в приведенных выше примерах все иноязычные языковые единицы употреблены в уточняющих речевых вариативных повторах концептуально значимого утверждения. Эти языковые единицы употребляются автором с определенной коммуникативной целью — доступно выразить концептуально значимую

мысль. И это весьма заметно при сопоставлении функциональной роли подобных иноязычных вкраплений в других текстах — с целью синонимической замены лишь одного определяющего компонента, не имеющего принципиального значения для научного рассуждения.

Приведем примеры из другой книги: «Тот факт, что..., понятно, невозможно отразить... Поэтому на синтаксическом уровне картина неизбежно *оказывается огрубленной*: границы... можно провести лишь “с точностью до словоформ”» [Богуславский, 1985:21]; «Отрицательные предложения... интересовали исследователей издавна. — Однако настоящая *вспышка интереса* к таким предложениям произошла в последние 10 — 15 лет» [Там же:22]; «...знаменитой *орфографической дилеммы* “слитно или раздельно”, которая *доставляет немало хлопот* при обучении правилам правописания» [Там же:25]; «Ни одного сколько-нибудь *правдоподобного примера* на смещение в сторону мы не знаем» [Там же:48]; «Представляется, однако, что такое описание хоть и *обладает приятным свойством* симметричного относительно описания...» [Там же:51] и др.

Как видно из примеров, иноязычные слова и словосочетания, несомненно, играют различную роль в контексте. И это вполне естественно. Однако важно, что употребление их именно в разных функциях и придает речи индивидуальный характер.

Стилистика категорий текста имеет значение для исследования как стереотипности письменной научной речи, так и речевой творческой индивидуальности ученого. При этом мы не можем не видеть трудностей изучения этой проблемы в связи не только с объективно-научным описанием самих категорий, но и рассмотрением их специфики в рамках индивидуального речевого стиля ученого.

Вслед за Т. В. Матвеевой подчеркнем методическую сложность вопроса об объеме адекватного описания функционально-стилистических текстовых категорий. На данном этапе развития функциональной стилистики целый ряд категорий описан с учетом четырех параметров: состава, частотности, комбинаторики и композиции элементов [Матвеева, 1997:192 — 193]. В стилистике научной речи акцент должен переместиться: изучению следует подвергать не все известные категории, а определяемые как основные в данном тексте. Например, при изучении аналитико-историографических описаний важно обратиться к таким категориям, как оценочность/нейтральность, категоричность/некатегоричность, монологичность/партитурность; при изучении эмпирических исследований целесообразно обратить внимание на логичность/ассоциативность, связность/расчлененность, определенность/неопределенность и др.; при изучении теоретических ис-

следований — на определенность/неопределенность, образность/безобразность, оценочность/нейтральность, категоричность/некатегоричность, монологичность/партитурность и др.

При этом существенно то обстоятельство, что полифункциональность языковых единиц в тексте, а также разная их значимость для выражения тех или иных категориально-текстовых смыслов не позволяет четко дифференцировать эти единицы по категориям, а значит, разделять сами текстовые категории в процессе формирования речевой индивидуальности ученого. Это подтверждается исследованием ряда функциональных семантико-стилистических категорий (таких, как гипотетичность, оценочность, акцентность и др.), их экстралингвистическим обоснованием применительно к научным текстам, а также анализом языковых единиц, выражающих эти категории.

В результате изучения таких категорий научного текста, как эпистемическая цельность, связность и логичность, мы пришли к обобщению о соотнесенности этих категорий с единой экстралингвистической основой — специфическим научно-познавательным содержанием текста [Очерки, 1998:91]. Так, эпистемическая цельность [Котурова, 1998:329—342] научного текста коррелирует с важнейшей функцией научной речи эксплицировать научное знание в единстве онтологического, методологического и аксиологического аспектов. Связность научной речи также формируется на познавательной основе. Гетерогенность научного знания может быть преодолена и автором, и читателями посредством специального «стягивания» и «связывания» его компонентов, что и обуславливает широкое употребление языковых единиц в этой функции. Логичность научной речи имеет также целенаправленный эпистемический характер, который проявляется в том, что информация даже нечетко (нестрого) логическая вводится специальными речевыми средствами, помогающими читателю ориентироваться в «массе» знания. Значит, эпистемическая цельность, связность и логичность сосуществуют, реализуя спектральный принцип их организации в текстовом пространстве.

Таким образом, *индивидуальный стиль* письменной речи ученого формируется — лишь в основном! — в трех плоскостях и обусловлен разными причинами: во-первых, *экстралингвистически*, а именно культурно-исторически (общекультурным, общенаучным и предметно-научным контекстом) и психологически (типом мышления, познавательным стилем в ту или иную эпоху, стилем мышления ученого); во-вторых, *лингвистически* (готовностью литературного языка к выражению научно-познавательной ситуации), в частности функционально-стилистически (сложившимися традициями в изложении научного знания); кроме того,

в-третьих, *категориально-стилистически*, т.е. благодаря формированию стилевых черт (текстовых категорий) посредством консолидации языковых единиц с определенными контекстуальными значениями.

Благодаря деятельностному подходу к научному тексту можно предположить, что каждый «новый» исследователь — по мере углубления в сущность познаваемого — оказывается в «интеллектуальном одиночестве» (хотя бы и локальном, — в пределах разрабатываемой проблемы). В этом мы видим одну из причин того, что именно в теоретических научных текстах так сильно, ярко выражено стремление автора «навстречу адресату». И — нельзя не заметить! — эксплицируемое весьма индивидуально.

РЕДАКТИРОВАНИЕ ПОГРЕШНОСТЕЙ СТИЛЯ НАУЧНОГО ИЗЛОЖЕНИЯ. КОНТРОЛЬ ДОТЕКСТОВЫХ И ТЕКСТОВЫХ ЕДИНИЦ. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АРХИТЕКТониКИ ТЕКСТА

Не без оснований великий Ч. Дарвин считал, что жизнь ученого была бы совсем счастливой, если бы ему не нужно было быть еще и писателем. Как известно, текст должен быть подвергнут хорошему, т. е. целостно-композиционному, редактированию. Объяснительную поддержку в непростом деле совершенствования текста может оказать функционально-стилистическая теория. В рассматриваемом отношении объяснительная «сила» функциональной стилистики связана с таким важнейшим теоретическим положением, как единство лингвистического и экстралингвистического в создании текста.

Редактирование текста, осуществляемое преимущественно с общезыковых позиций, предполагает его совершенствование относительно соблюдения в целом норм литературного языка. Вместе с тем ясно, что невозможно обойтись (что известно всем, имеющим отношение к практике редактирования) без «проверки на соответствие» нормам функциональных стилей (точнее, функционально-стилистическим нормам). В отношении научных текстов такой контроль весьма важен.

Надо сказать, что нормативно-языковое, стилистическое (в пределах практической стилистики, т. е. «стилистики ресурсов») полифоничное совершенствование речи (в соответствии с целостным композиционным мышлением как автора, так и редактора), несомненно, способствовало созданию и просто хороших, и гармоничных, и филигранно «отточенных» текстов.

И все-таки представляется актуальным применить достижения теоретической функциональной стилистики к прикладному направлению лингвистики — редактированию текста, в данном случае текста научного. С этой целью необходимо на новой основе — функционально-стилистической — разработать принципы редактирования научного текста, что предполагает формирование междисциплинарной области знания по следующим причинам.

Научный стиль изложения, как было рассмотрено выше, обусловлен специфическим содержанием речи — научным знанием, а также эмпирическим или теоретическим уровнем развития знания, что, как известно, является предметом эпистемологии. Значит, в междисциплинарную область знания неизбежно должны войти некоторые положения эпистемологии.

Теперь уже бесспорно, что научное знание как содержание научного текста тесно связано с субъектом познавательной деятельности и испытывает воздействие не только типа мышления, понятийного или образного, но и познавательной структуры субъекта, его когнитивного стиля — всего того в научно-познавательной деятельности ученого, что включается в предмет психологии научного творчества. Поскольку в тексте реализуется познавательная функция мышления, то существенным оказывается логико-семантическое начало, вызывающее интерес со стороны логики — как формальной, так и диалектической.

Междисциплинарный подход к тексту позволяет конструировать корпус объяснительного знания, ориентированного на обоснование полученных лингвистических фактов. Это отнюдь не новое, но принципиально важное для функциональной стилистики положение М. Н. Кожина подчеркнула в 2004 г.: «речь (=текст. — М. К.) как функционирование языка неизбежно требует выхода в широкий контекст ее изучения, в междисциплинарные связи» [Кожина, 2004:12].

Тем самым функциональная стилистика подготовила почву для практического применения теоретических положений к целому научному тексту. Появилась возможность на междисциплинарной основе разработать принципы и технологию функционально-стилевого совершенствования научного текста.

Принципы редактирования научного текста

К важнейшим принципам редактирования научного текста целесообразно отнести следующие: 1) функциональный (эпистемический), учитывающий специфическое (эпистемическое) содержание научного текста, соотносимое с научным знанием; 2) голографический, соотносимый с эпистемической целостностью содержания как текстовых единиц, так и текста произведения в целом; 3) аналитико-синтезирующий, совмещающий редактирование двух типов: дотекстовое, т. е. с акцентом на словосочетаниях и предложениях, и текстовое — с акцентом на сверхфразовых единствах, более сложных фрагментах текста и тексте целого произведения; 4) технологический, соотносимый с редактирующим (медленным) чтением, которое характеризуется «включенным»

вниманием той или иной разновидности (волнообразным, челночным, скачкообразным, паутинным, спиралевидным).

Эти принципы отражают взаимосвязь разных сторон порождения и восприятия научного текста:

– познавательная деятельность субъекта по отношению к объекту и результат этой деятельности — научное знание (1, 2, 3, 4 принципы);

– научное знание и аспекты знания (1, 2);

– смысл текста и модель смысла текста (2);

– целый текст и его единицы (3);

– коммуникативная ситуация (автор → текст → читатель, редактор) (4).

Рассмотрим принципы редактирования подробнее.

Первый, самый общий, **функциональный принцип** редактирования научного текста установлен в духе речеведческих идей М. Н. Кожинной [2002] о таком использовании языка, когда затрагивается «весь механизм языка в целом», а не отдельных его единиц. Этот принцип формировался в связи с эпистемическим подходом к научному тексту [Котюрлова, 2004; 2005]. Эпистемический подход к тексту является основополагающим и потому объединяющим все принципы редактирования; он позволил выявить смысловую структуру научного текста, построить голографическую модель целостного смысла текста и соотнести с этой моделью соответствующий принцип редактирования.

С эпистемическим принципом согласуется второй — **голографический принцип** редактирования текста. Этот принцип лежит также в основе модели целостного смысла текста, которая отражает такое соотношение текстовых единиц и целого текста, при котором структура смысловой единицы и целого текста идентична. Понимая модель смысловой единицы как целостность, легко проецировать эту модель на весь текст научного произведения. Соответственно: модель целостности текста предопределяет ту же модель целостности смысла текстовой единицы. Эта модель соотносится со структурой знания, которое по природе своей характеризуется в онтологическом, методологическом и аксиологическом отношениях.

Все эти характеристики закономерно присущи именно научному знанию, полученному эмпирически либо теоретически, посредством наблюдения, опыта либо логически, выводным путем, зафиксированному в понятиях, суждениях, умозаклчениях, в виде классификации, теории или закона, достоверному либо недостоверному (но обычно изложенному автором с меньшей степенью уверенности в его значимости) и т. д. При этом необходимо подчеркнуть, что структура содержания в наиболее общих, существенных его чертах одинакова как для целого, так и для его ча-

стей. В этом и заключается принцип голографической модели целостности содержания научного текста.

В плане культуры письменной научной речи важно иметь в виду, что каждый аспект знания (онтологический, методологический и аксиологический) может быть зафиксирован в тексте различными языковыми единицами. Комплексы этих языковых единиц подвергнуты Е. А. Баженовой анализу и интерпретации в качестве субтекстов [2001]. Так, онтологический аспект знания представлен терминированными понятиями, которым присущи формально-логические или ассоциативные отношения, но которые, по нашим наблюдениям, не всегда точно выражены в научных текстах. См., например: «*Категориальный анализ и синтез субстанции текста — одна из важнейших проблем при разработке динамико-системного подхода... — здесь нет отношений тождества, поскольку анализ и синтез не являются проблемой, а представляют собой процессы или методы исследования объекта*».¹

Методологический аспект знания соотносится с методами, способами, приемами получения нового знания и реализуется в тексте соответствующими лексическими единицами. В частности номинации философских категорий, общенаучных и частнонаучных понятий используются при характеристике свойств исследуемого объекта. Свойства объекта (*свойство, качество, признак, характер, черта*) конкретизируются со стороны содержания (*сущность, природа*), формы, состава (*структура, строение, элемент, компонент*), генезиса (*генезис, происхождение, истоки*), отношений с другими объектами (*статус, положение, место, соотношение, связь, взаимодействие, единство, диада, триада; отличие, различия, специфика, особенность*), изменения (*становление, развитие, движение, изменение*), функции (*функция, роль*). Номинации этих аспектов описания объекта вы-

¹ Все приведенные примеры взяты из опубликованных авторефератов диссертаций, статей и монографий последнего десятилетия, причем даны с минимальным сокращением, и то лишь в некоторых случаях. Полнота иллюстративного материала обусловлена тем, что среди функциональных стилей речи именно научный характеризуется наибольшей полнотой выражения процесса мысли, что приводит в тексте к усложнению его синтаксической стороны. Здесь и возникает ряд трудностей, которые можно объяснить влиянием такого психологического фактора, как аналитико-синтезирующая мыслительная деятельность ученого. Если наблюдается «крен» в сторону анализа, то минимальные словосочетания строятся четко (и правильно), но при этом композитивные словосочетания и более сложные единицы текста формируются с погрешностями, поскольку синтез этих единиц осуществляется при недостаточном контроле со стороны автора. Если же «крен» в сторону синтеза — тогда синтаксическая сторона текста может быть хотя и сильно разветвленной, но ясной, «прозрачной», а лексико-семантические связи даже в минимальных словосочетаниях могут быть явно нарушены.

ражают познавательную стратегию автора, его категориальный профиль, эксплицированный в тексте произведения. Естественно, что эти и многие другие номинации подобного типа необходимо «проверить на точность» выражения мысли именно с научно-познавательной, эпистемической точки зрения. В противном случае точность восприятия с неизбежностью пострадает или не будет достигнута. См., например: *«Стратификационная модель как текстовая категория... — модель не может быть представлена в качестве категории, в то время как обратное — текстовая категория, понимаемая как модель, — возможно».*

Аксиологический аспект знания связан с оценкой степени достоверности, аргументированности, актуальности, новизны и т. п., одним словом, значимости эксплицируемого знания для развития концепции. В этом отношении наиболее яркими средствами являются такие номинации этапов познавательной деятельности автора либо исследователя-предшественника, как *проблема, гипотеза, явление, факт, тип, концепция, теория, закон* и др. В аспекте речевой культуры важно, что эти номинации могут быть использованы неточно либо являются избыточными.

Например, общеупотребительное слово *факт* имеет значение «действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло». В научной речи факт — это не только единичное явление с присущими ему существенными признаками, но и результат обобщения изучаемых явлений, зафиксированный посредством утверждений.

Вместе с тем употребление номинации *факт* достаточно «прихотливо»: «Впервые факт устойчивости словосочетаний в функции наименования был засвидетельствован Ф. Ф. Фортунатовым, поскольку ясно, что была замечена и засвидетельствована, описана устойчивость», но целесообразно было бы употребить номинацию в таком контексте: «Известна устойчивость словосочетаний в функции наименования. Этот факт впервые был засвидетельствован Ф. Ф. Фортунатовым».

Третий, *аналитико-синтезирующий принцип* редактирования обусловлен линейностью речи/текста. Этот принцип действует в большей или меньшей степени гармонично либо с доминантой на аналитической или синтезирующей стороне мышления. В связи с этим аналитико-синтезирующий принцип можно конкретизировать как дотекстовое редактирование, когда внимание сосредоточивается на отдельных текстовых единицах — простых и композитивных словосочетаниях и предложениях, либо текстовое редактирование, когда внимание охватывает такие более сложные текстовые единицы, как сверхфразовое единство, фрагмент текста и даже целый текст.

Именно линейность речи/текста является первопричиной, с одной стороны, дискретного, «позлементного» порождения текста и его восприятия, когда внимание ориентировано на передачу «кванта» мысли, с другой — целостно-смыслового, когда отдельные детали «не прорабатываются». Дискретное мышление и внимание, соответствующее ему, при редактировании позволяют оперировать многочисленными стереотипными единицами вроде *актуальная задача, главная проблема, дать определение, выявить закономерности, определить принципы, сформировать концепцию* и др.

Стремление выразить новую мысль нестандартно, нестереотипно сталкивается с таким препятствием, как образование композитивных, многокомпонентных единиц. Тут и допускает автор такие погрешности, как: 1) контаминация (перекрестная связь компонентов предложений; например: *Задача данного исследования — это описание... и Задачей данного исследования является описание...*), результатом которой явилось предложение *Задачей данного исследования... — это описание...*; 2) появление избыточного компонента: *В (существующей — избыточное слово. — М. К.) литературе по лингвистике текста есть ряд работ по модусу; ... носителю языка (самому — избыточное слово. — М. К.) предлагается оценить частотность того или иного речевого элемента; Как показало исследование, в (своем — избыточное слово. — М. К.) подавляющем большинстве интенсификаторы являются метафорическими образованиями. Многообразие зафиксированных (и рассмотренных — в ходе исследования — избыточное словосочетание. — М. К.) лексических средств выражения интенсивности свидетельствует о гибкости языка...; 3) неполнота выражения мысли: *В ювелирных промыслах бурятские умельцы добивались успехов, признаваемых компетентными ценителями (чего? — неполнота) разных народов. Требуется восполнение недостающих компонентов: компетентными ценителями изделий — представителями разных народов; ... делать уступки в коммерческой и других деятельности — вместо: ... делать уступки в коммерческой и других видах деятельности; 4) неоправданная инверсия: *Особенно в хозяйственном плане заметно влияние буддийской религии на отношение к собственности и труду — вместо: В хозяйственном плане особенно заметно влияние...; Затесы на деревьях, расположенные на тропе, а зимой на снегу сломанные веточки сообщали охотнику различные сведения — вместо: Летом затесы на деревьях, расположенные на тропе, а зимой сломанные веточки на снегу сообщали охотнику различные сведения; 5) неоправданное акцентное выделение: *Обращение к материалу английского языка сделало возможным установить наличие у авторизации в научном стиле****

сравниваемых языков как общих свойств, так и присущих только научному стилю русского языка — вместо: ... присущих научному стилю только русского языка.

Четвертый принцип редактирования научного текста мы назвали *технологическим* потому, что он лежит в основе внимания как одного из важнейших свойств, присущих редактирующему чтению. Вообще-то внимание субъективно, индивидуально, поскольку характеризует субъекта познавательной деятельности, в частности, автора или редактора. Однако единство, неразрывность субъект-объектных отношений с неизбежностью приводят к выводу о воздействии объекта на когнитивные характеристики субъекта — автора или редактора текста. При редактирующем чтении именно внимание во многом способствует успеху или неуспеху этой деятельности.

Виды внимания при редактирующем чтении

Следует подчеркнуть, что та или иная разновидность соотносится с доминирующим вниманием в процессе специального медленного чтения. Ясно, что специальное — редактирующее — чтение не монотонно и однообразно; оно характеризуется различными «флуктуациями» внимания. Доминирование этих «флуктуаций» и позволяет выделить следующие разновидности внимания¹.

1. Волнообразное внимание, при котором вершина «волны» соотносится с «ловушкой» — с той или иной текстовой трудностью. Такое внимание присуще редактирующему чтению на всем его протяжении. «Волнообразное» внимание является фоновым при редактирующем чтении. Внимание автора или редактора индивидуально, поскольку соответствует автоматическому или рефлексивному уровню владения орфографическими, пунктуационными, стилистическими нормами литературного языка, а также функционально-стилевыми нормами текста.

Действительно, одним автором все ситуации с употреблением, например, причастного оборота контролируются автоматически (внимание не задерживается), у другого — хотя бы одна ситуация с обособлением причастного оборота вызывает рефлексивную реакцию, размышление. Или употребление союза *не только... но и...*; например:

В частности, появился целый ряд работ, посвященных функционально-прагматическим особенностям предложений не только определенного структурного типа, но и предложений с предикатами определенной семантики.

¹ Практическая ориентация в рассмотрении этого вопроса объясняет обыденно-метафорический характер номинаций установленных разновидностей внимания.

Как видим, внимание спокойно до «ловушки» — союза *не только... но и...*, употребление частей которого необходимо контролировать (поставить перед каждым из однородных членов). Здесь имеет место проспективный контроль. См. предложение в отредактированном виде: *В частности, появился целый ряд работ, посвященных функционально-прагматическим особенностям не только предложений определенного структурного типа, но и предложений с предикатами определенной семантики.*

2. Челночное внимание, т.е. «внимание назад» проявляется в тех случаях, когда надо удержать компоненты в единстве (в частности, при семантическом и грамматическом согласовании подлежащего и сказуемого). Например:

Разработанный терминологический аппарат И методика исследования цвето-световой картины мира имеет реальную перспективу применения к изучению цветковых картин мира других писателей; ... определяется научная новизна, предмет И объект исследования...

Дистантное расположение сказуемого и подлежащего, выраженного однородными существительными в форме единственного числа, может спровоцировать употребление сказуемого в форме также единственного числа. Такую погрешность психологически можно объяснить следующим образом. Это происходит в тех случаях, когда сочинительный ряд (однородные члены предложения) включает компоненты с определяемыми словами, что, естественно, утяжеляет синтаксическую конструкцию и «расчленяет» внимание. В связи с этим приведенное ниже предложение можно прочитать двояким образом — в зависимости от характера чтения (обычного и редактирующего):

а) обычное чтение: *Разработанный терминологический аппарат // и методика исследования/цвето-световой картины мира // имеет реальную перспективу применения...*

б) редактирующее чтение: *Разработанный терминологический аппарат и/(! — что соединяет союз «и» ?) методика исследования цвето-световой картины мира имеет (! — неверно, следует исправить на *имеют*, поскольку подлежащее уже установлено — *аппарат и методика*) реальную перспективу применения...*

Еще пример: ... *определяется научная новизна, // предмет и объект исследования.* Психологическая «премудрость» порождения предложения автором заключается здесь в том, что для сказуемого *определяется* «вполне достаточно» подлежащего, представленного «весомым» стереотипным (причем почти фразеологическим) словосочетанием *научная новизна*, а следующие компоненты сочинительного ряда представляют собой также само-

стоятельную стереотипную единицу, которая «гуляет сама по себе» — *предмет и объект исследования*. Так проявляется внимание при обычном чтении.

При редактирующем чтении «волнообразное» внимание фокусируется иначе: *...определяется научная новизна, предмет и (! — что соединяет союз и ?) объект исследования ...* — и сразу включается «челночное» внимание, т. е. внимание назад (если подлежащее, как в данном случае, выражено однородными членами, то сказуемое, как известно, должно иметь форму множественного числа).

3. Скачкообразное внимание, которое проявляется при неясности связи компонентов в контексте, когда необходим ретро-спективный контроль. Например:

В этом регистре часто функционируют конструкции, не имеющие четкой регистровой закреплённости, которые могут использоваться...

На фоне достаточно спокойного волнообразного внимания («флуктуация» вызвана лишь употреблением причастного оборота) происходит остановка в связи с контекстом *регистровой закреплённости, которые...* Именно в предшествующем контексте необходимо найти определяемое слово, т. е. совершить ретроспективный «скачок» и внести поправку. Предложение в отредактированном виде:

В этом регистре часто функционируют конструкции, которые не имеют четкой регистровой закреплённости и могут использоваться...

4. Паутинное внимание, которое проявляется при многокомпонентном глагольном или отглагольно-именном управлении и вследствие этого возникающей избыточности, «вязкости» речи. Например:

Описать динамическую системность — это значит описать движение системы в доминантных линиях развития в их соотносённости с недоминантными системами и хаотическими линиями движения. Такой подход позволит вскрыть не только причины целостности объекта, выражения динамико-целевой целостности текста, но и выявить динамическую открытость и закрытость системы, моделируя симметрию-асимметрию его сторон.

Скрупулезное, «паутинное» внимание к фрагменту текста позволило установить следующие погрешности:

а) «логический круг»: *Описать динамическую системность — это значит описать движение системы;*

б) неправомерное отождествление номинации: *описать динамическую системность* и ее интерпретации автором, оформленной констатирующей конструкцией *это значит описать дви-*

жение системы (эта конструкция выражает общепринятое, а не только авторское мнение);

в) логический сдвиг при выражении сопоставления: *в доминантных линиях развития в их соотносённости с недоминантными системами;*

г) смысловое несогласование компонентов сочинительного ряда: *в их соотносённости с недоминантными системами и хаотическими линиями движения;*

д) неполнота в словосочетаниях: *линиях развития* (чего?); *линиями движения* (чего?); *такой подход* (к чему?);

е) неточное употребление слов широкой семантики: *причины* вместо *условия*, *выражения* вместо *объяснения*;

ж) неточное употребление двойного союза не *только.., но и: вскрыть* не *только причины.., но и выявить* — вместо: *не только вскрыть причины, но и выявить...*

Поскольку первая часть фрагмента, на наш взгляд, требует именно авторского редактирования (необходимо устранить «логический круг»), то мы внесем исправления во второе предложение, которое может принять следующий вид:

Такой подход к описанию динамической системности позволит не только вскрыть условия целостности объекта, объяснить динамико-целевую целостность текста, но и выявить динамическую открытость и закрытость системы, моделируя симметрию-асимметрию его сторон.

5. В целом стратегическое внимание при редактирующем чтении текста можно представить в виде синтезирующей «спирали» (как спиралевидное), которая позволяет акцентировать открытость редактирования.

Во-первых, этот процесс всегда имеет протяженный, линейный, характер. Именно линейный, а не объемный, характер внимания обуславливает его избирательность и тем самым ограниченность, в силу которой повторное редактирующее чтение обычно выявляет «новые» погрешности. Интересно, что известные ученые, притом имеющие славу блестящих стилистов, как оказывается, редактируют свои труды, многократно перечитывая их до публикации. Например, академик А. В. Бондарко, по его признанию, редактировал «Функциональную грамматику» раз 10 (!). Вот пример, достойный подражания.

Во-вторых, имеет значение «широта охвата» пространства текста (простое словосочетание; сложное, или композитивное, словосочетание; простое или сложное предложение) при реализации текстовых ситуациях, а также паутинного — в более сложных.

В-третьих, спиралевидное внимание обусловлено сложностью как порождения, так и восприятия текста при мысленном укруп-

нении единиц редактируемого текста (от словосочетаний, предложений, сложных синтаксических целых до фрагментов текста и т. д.). В таком случае автор (и редактор тоже) реализует не только внимание, но и целостное композиционное мышление.

Именно целостное композиционное мышление позволяет автору не только улучшать форму текста, но и углублять и совершенствовать его содержание. Благодаря целостному композиционному мышлению (по спирали) автор «не растекается мыслию по древу», а углубляет и расширяет содержание посредством различных вставок (уточняющих, поясняющих и др.) либо отсекает ненужное (опять-таки с учетом целостного содержания текста). Поэтому вполне правомерна точка зрения, что текст является формой не только выражения знания, но и его развития.

Культура письменной речи ученого обусловлена многими факторами, прежде всего владением нормами литературного языка, а также нормами научного функционального стиля речи. Далее мы сосредоточим внимание лишь на функционально-стилевом подходе к редактированию текста. Анализ материала позволил выявить отклонения от нормативно-стилевой культуры письменной научной речи, которые мы назвали погрешностями, ничуть не умаляя их «негативной значимости» для гармоничного изложения научного содержания. Необходимая и достаточная полнота изложения призвана обеспечивать легкое и плавное восприятие целостного содержания текста читателем. Однако такому восприятию могут препятствовать погрешности двух типов.

1. Отклонение в сторону предельной полноты, приводящей к избыточности выражения мысли, что способствует созданию «вязкого» текста. Например:

Интерпретация текстов такой сложности, как литературно-критическое эссе, прежде всего требует актуализации текстовых смыслов.

В этом предложении смысл может быть передан проще:

Интерпретация таких сложных текстов, как литературно-критическое эссе, требует прежде всего актуализации текстовых смыслов. Здесь исправлены: а) оборот *такой сложности, как литературно-критическое эссе*; б) неоправданная инверсия: *не прежде всего требует, а требует прежде всего актуализации.*

Отклонение от функционально-стилевой нормы научного стиля в сторону полноты приводит к избыточности из-за многословия, насыщения текста малоинформативными словами со значением бытия, существования, наличия, а также отглагольными существительными и словами с модальным значением. Например:

Несколько иная линия развития представлений об инобытии состоит в изучении влияний входящих в его состав процессов воплощения и превращения на формы существования художественного предмета.

Данное предложение, состоящее из 24 словоупотреблений, включает только один глагол, но шесть отглагольных существительных и одно причастие, значит, может быть «развернуто», трансформировано в восемь предикативных единиц. Однако внешняя сжатость, лаконичность формы в данном случае оказывается обманчивой из-за малой информативности ряда словосочетаний: *линия развития представлений, состоит в изучении, входящих процессов, формы существования* и др.

Очевидно, что необходимо произвести следующие действия:

а) найти «моменты избыточности»; стремление к упрощению облегчит поиск: в контексте предложения неинформативны слово широкой семантики *процессы* и существительное *существование*, образованное от глагола с крайне абстрактным значением *существовать*;

б) найти компоненты смысла, которые можно оформить посредством однородных членов; в данном предложении такая возможность заложена в «молекулярном» словосочетании *в изучении влияний входящих в его состав процессов воплощения и превращения*, которое легко заменить на конструкцию с однородными членами *в изучении воплощения и превращения, входящих в его состав и влияющих на формы художественного предмета*;

в) подобрать замену выражению с семантически не сочетаемыми компонентами *линия развития состоит в изучении*.

В результате редактирования предложение могло бы принять следующий вид.

Несколько иная линия развития представлений об инобытии соотносится с изучением воплощения и превращения [чего во что? — неполнота восстанавливается из широкого контекста монографии], входящих в его состав и влияющих на формы художественного предмета;

2. Отклонение в сторону неоправданной сжатости, точнее, «стянутости» компонентов мысли, что приводит к неясности речи. Например:

Первый параметр можно назвать антропологическим, это... Второй параметр — лингвистический, т. е. (скачок. — М. К.) язык и речь (скачок. — М. К.). Данный автор основное внимание уделяет первому параметру.

Неполнота выражения мысли может возникнуть вследствие неправильного оформления управления при однородных членах. Например:

Можно констатировать, что потребность и основания, что не менее важно, в выделении юридической лингвистики как самостоятельной специальности имеется.

Нетрудно заметить, что здесь требуют исправления, с одной стороны, избыточность речи, многословие, а с другой — неполнота выражения мысли. Предложение может иметь следующий вид:

Можно констатировать потребность в юридической лингвистике и наличие оснований для выделения ее как самостоятельной специальности.

В заключение подчеркнем, что редактирующее чтение научного текста всегда волнообразно: внимание автора или редактора спокойно до «ловушки», т.е. любой неясности, особенно функционально-стилевой. Привлечение внимания может быть ничтожным, если текст поддается «автоматическому» редактированию. Однако даже опытному редактору и в таких случаях приходится «включать» челночное и скачкообразное внимание, чтобы справиться с дотекстовыми единицами. Вместе с тем важно, что диапазон внимания редактора подвижен из-за линейности текста, которая неизбежно детерминирует дистантность дотекстовых единиц.

Следствием «разбросанности» единиц являются как избыточность, так и неполнота выражения мысли, неоправданная инверсия, неточное выражение логико-семантических отношений личными и притяжательными местоимениями, некоторыми союзами и союзными словами, вводными словами и т.д. Все эти и многие другие языковые единицы представляют собой «сигналы» для реконструкции нормативных отношений между компонентами словосочетаний и предложений. Именно реконструкция отношений компонентов является когнитивной основой редактирования.

Естественно, что функционально-стилистический подход к редактированию научного текста не может ограничиваться правкой рассмотренных погрешностей. Научные тексты требуют внимания и автора, и редактора также и в отношении стилиевых черт (точности, подчеркнутой логичности, отвлеченно-обобщенности, диалогичности и др.), т.е. функционально-стилевого редактирования научного текста.

Хорошее редактирование (аналогично термину «хорошая речь», предложенному О. Б. Сиротининой) научного текста может быть осуществлено профессионалом или автором — при саморедактировании. Условием хорошего редактирования является целостно-композиционное мышление, которое обеспечивает целостное, нерасчлененное, общее представление концепции или ее фрагмента, текстуально оформленного, а также скрупулезную прора-

ботку частных компонентов, но с учетом общего содержания. Целостно-композиционное мышление редактора, несомненно, опирается на ряд параметров конструкта «научный текст», в частности, на комплементарность (дополнительность) дискретности и континуальности текстовых единиц.

Целостно-композиционному рече-мышлению присущи, с одной стороны, континуальность, нерасчлененность, диффузность и т.п., а с другой — дискретность, расчлененность, стройность линейно организованных речевых единиц. Вместе с тем неизбежна комплементарность континуальности смысла текста и дискретности (а вслед за тем и линейности) речевых единиц и компонентов текста нередко является причиной погрешностей при порождении текста.

Общеизвестно, что современные научные издания пестрят ошибками, погрешностями и опечатками. Одна из причин шквала погрешностей (не ошибок, зачастую обусловленных незнанием школьных правил) в современных научных текстах, по нашему представлению, лежит не в обычном, последовательном, а в так называемом смысловом чтении, при котором актуализируется континуальность мысли, а значит, сужаются задачи и автора, и читателя.

Так автор выражает мысль «в основном», не проясняя всех связей между единицами речи, читатель же вынужден довольствоваться заданной степенью точности мысли автора. Смысловое чтение научной литературы — необходимый этап творческой познавательной деятельности. Оно должно быть результативным, эффективным для исследователя, а значит, для развития научного знания. Неясно, недоступно выраженная мысль автора не будет воспринята читателем, следовательно, не будет подхвачена им, развита и введена в общий фонд научного знания (далеко идущие последствия этой ситуации).

Как известно, на вхождение нового научного знания в общий фонд оказывают воздействие удачно или неудачно найденные номинации новых понятий, определения терминов понятий, заголовки статьи и т.п. Несомненно, что выражение мысли без погрешностей, к тому же с учетом ее содержания, имеет не менее важное значение для читателя. Уместно привести из работы «Мысль и язык» суждение А. А. Потебни о том, что «на слово нельзя смотреть как на выражение готовой мысли... Напротив, слово есть выражение мысли лишь настолько, насколько служит средством к ее созданию».

Дискретность линейно-текстовых единиц и континуальность их объединений на смысловой основе мы соотносим с возможностью членения текста с учетом — преимущественно — либо линейности, либо дискретности рече-мышления. Известно, что

в тексте следует гармонизировать отношения дискретных единиц посредством лексической и грамматической сочетаемости. См. в художественном тексте: *Какое счастье сидеть на траве и видеть этот родник, плакучую иву, небо и солнце!* Очевидно, что однородные члены здесь объединены семантически — визуальным восприятием ситуации субъектом речи. Аналогично использование сочинительных рядов с однородными членами: *«Звон колокола, чистый и нежный, доносился до нас, сладко было слушать его, сидеть с закрытыми глазами и чувствовать ласку солнца на лице и мягкую прохладу от воды»* (И.А. Бунин).

В культурно-речевом плане важно, что в языке сформирован широкий ассортимент лексических, лексико-грамматических и синтаксических единиц, объединенных в различные по составу синонимические ряды. Текстовые погрешности, обусловленные дискретностью, проявляются в оформлении компонентов текста и их связи. Так, в словосочетаниях нередко «преступается» закон семантического согласования, нарушается управление, допускаются погрешности при составлении композитивных словосочетаний из более простых, появляются избыточные слова, опускаются необходимые уточнения, неточно выражаются те или иные логико-семантические отношения между членами предложения и т. д.

Интересно, что в научном тексте субъект познавательной деятельности (он же автор) посредством выражения своих интеллектуальных действий формирует объединяющий контекст, континуальную среду сообщения. В плане редактирования научных текстов важно отметить, что, например, сочинительный ряд может быть сформирован без учета семантической сочетаемости однородных членов либо объединяющего ментального акта со стороны субъекта познания. Например:

В общем ряду используемых Хлебниковым имен интересно отметить украинские и ориентальные элементы — семантическая несочетаемость; Поэтический язык писателей Серебряного века ориентирован как на использование традиционных лексических единиц пассивного состава, так и на языковой эксперимент; Эти лексические ресурсы становятся не только богатейшим источником создания новой поэтической образности, но и способствуют дальнейшему становлению... — семантическая и грамматическая несочетаемость.

В кругу возможных подходов к редактированию научных текстов — таких подходов, как описательный (нормативно-грамматический, нормативно-стилистический) и объяснительный (функциональный, функционально-стилистический), в последние 15—20 лет актуальным оказывается именно объяснительный. Нормативная

грамматика — по умолчанию, т. е. как само собой разумеющееся, — начало начал редакторской компетенции. Функциональная лингвистика (особенно же функциональная стилистика, учитывающая не «вообще язык», а необходимый в определенной сфере коммуникации) — «это наука объяснительная; в ее задачи входит объяснение явлений, составляющих функционирование речи, через отношения взаимной зависимости потребностей, приемов и недостаточности. Именно функциональная лингвистика должна (и может. — М. К.) объяснять существование, содержание или замену правил системы [Фрей, 2006:22]. По нашему глубокому убеждению, именно функциональный подход к редактированию научных текстов, опирающийся на нормативно-грамматический (а не ограничивающийся им), является объяснительным и может стать прогнозирующим. Надо сказать, что объяснение самого процесса редактирования лежит в русле современной лингвистики, о которой А. Е. Кибрик пишет, что она «вплотную подходит к рубежу, когда автономный описательный подход себя изживает. Устройство языковых объектов таково, что их невозможно правильно выделить, проанализировать и в конечном итоге описать безотносительно к их функциональной природе. Исходя из этого, естественно ожидать, что на смену как-лингвистике придет зачем/почему-лингвистика, в основе которой будет лежать примат объяснения» [Кибрик, 2003: 103].

Предполагается, что такой подход к тексту и его редактированию даст возможность ответить на вопрос о том, почему в «жестком» (сравнительно, например, с разговорной речью) тексте, фиксирующем речь «навек», тиражируется масса ошибок и погрешностей (учитывая современную норму русского литературного языка).

Подходы к редактированию научного текста

Хорошее редактирование текста нельзя вмести́ть в сознание, не упрощая этого сложного феномена. Упрощение же достигается двумя путями — фрагментарным, связанным с делением объекта на части, и системным. Мы избираем второй путь.

Методологическая трудность интерпретации редактирования как системы заключается в следующем. Изменив ракурс рассмотрения текста в сторону проблем его редактирования, мы вынуждены специально разрабатывать структуру изучаемой системы в целом, выбирать внутри этой структуры элементы, устанавливая связи между ними и, наконец, интерпретировать полученные результаты в рамках общей системы коммуникативно-познавательной деятельности.

Редактирование научного текста, безусловно, представляет собой системный процесс совершенствования текста. Однако нельзя объять необъятное. Системный подход предполагает моделирование не всех, а базовых взаимодействий элементов, чтобы предоставить ориентиры для проверки конкретного текста «на соответствие» этим ориентирам, или контурам. В кибернетике такой подход к системному мышлению получил название контурное мышление.¹ Мы соотносим структуру редактирования с контурным мышлением, а контурное мышление — с совокупностью контуров. Рассмотрим хотя бы некоторые из них.

Материалом анализа послужили тексты авторефератов кандидатских и докторских диссертаций, научных статей, монографий (опубликованы в течение последних десяти лет). В связи с этим в качестве материала исследования оказываются те речевые погрешности, которые остаются в тексте не «по незнанию», а по каким-то другим причинам.

Под речевыми погрешностями понимаем отступления от функционально-стилевых норм, обусловленных законом смыслового согласования (прежде всего на основе абстрактности/конкретности лексических значений), линейностью речи, контактным либо дистантным расположением сегментов речи, подчеркнутой логичностью и связностью научного изложения. Такие погрешности в соответствии с нормативным подходом к тексту требуют устранения, в то время как при функциональном — объяснения.

Оценивая собранный материал, можно считать, что дать полный свод (реестр) речевых погрешностей, пожалуй, не представляется возможным из-за их необычайного разнообразия. Ясно также, что погрешности имеют различные причины: когнитивные (неясность мысли), психолингвистические (невладение целостным композиционным речемышлением), психологические (неустойчивое, нефиксированное внимание к тексту). Действие этих факторов носит разнонаправленный характер, причем «негативный продукт» не всегда очевиден, поэтому нуждается в объяснении.

Трансдисциплинарный подход к редактированию научного текста

В функциональном аспекте редактирование рассматривается не как итог законченного, закрытого процесса, а как продолжающийся, открытый процесс, вовлеченный в творческую, а значит, осмысленную, текстопорождающую деятельность. Такое понимание редактирования представляется плодотворным потому, что

¹ Контур — замкнутая цепь причинно-следственных связей.

предоставляет возможность найти объяснение погрешностям, пропущенным при публикации.

Именно в связи с этим понимание редактирования как открытой системы предполагает проявление толерантности к авторскому использованию языка для выражения нового, неизвестного ранее знания. Как известно, новое знание всегда включает в качестве необходимого компонента «старое», известное.¹

Важно подчеркнуть, что благодаря крупницам того, чего не было ранее, как еще не было сказано, только и происходит развитие языка, соответствующее потребностям углубления и расширения знания. В то же время толерантность не тождественна вседозволенности употребления языка, поскольку не уполномочена противоречить глобальным эволюционным законам формирования языковой картины мира. В связи с этим уместно привести выразительное суждение Анри Фрея, высказанное им в 1929 г.: «...силы, которые руководят рождением языка, проявляются в рамках “продолжительного творения” и, конечно же в разной дозировке, в современном лингвистическом функционировании» [Фрей, 2006:18]. Только языковое чутье редактора и может уловить «разную дозировку» изменений в функционировании языковых единиц.

Объяснительный подход к речевым погрешностям по существу является трансдисциплинарным, так как объединяет анализ текстовых ситуаций с разных позиций — лингвистических, эпистемических, формально-логических, психологических. В рассматриваемом отношении важно, что многоплановое междисциплинарное обращение к тексту позволяет установить не только речевые погрешности, но и объяснить причину их «оседания» незамеченными в тексте.

Лингвистический взгляд на текст фиксирует такие отклонения от речевой нормы, которые можно считать традиционными «школьными» ошибками.²

С эпистемических позиций нетрудно выявить погрешности в употреблении слов широкой семантики типа *факт, явление, феномен, проблема, процесс, фактор* и др. (они являются избыточными) без учета специфического содержания научного текста. Например:

Далее производился процесс сушки плодов; Рассмотрение производного слова позволило обосновать понимание феноме-

¹ Наиболее аргументированно об этом сказано Н.В.Данилевской [1992, 2005].

² Традиционные орфографические, грамматические (типа нарушений управления: *объектом для наблюдений* — надо *объектом наблюдений*; *метод поисков и подготовки* — надо *метод поиска и подготовки*; *оригинальный подход рассмотрения* — надо *оригинальный подход к рассмотрению* и др.), а также пунктуационные (типа отсутствия запятой перед вводным словом *так, например* или неверной постановки знаков тире и двоеточия в бессоюзных предложениях и др.) мы здесь не рассматриваем.

на иконичности как важнейшего направления **процесса** семиозиса; На завершающем этапе обработки данных констатировался уже не только **факт** общего восприятия текстов, а **факт** различного восприятия подтекста.

Нечеткая формально-логическая развертка содержания при порождении текста приводит к погрешностям, связанным с неточным выражением отношений как между членами предложения, так и между самостоятельными предложениями. Например:

При этом понятие речевого произведения ограничивается от узкой трактовки понятия текста — надо: При этом понятие речевого произведения ограничивается от понятия текста в узкой трактовке;

В работе акцент делается именно на процессе восприятия подтекста, а не процессе его понимания — надо: В работе акцент делается именно на восприятии подтекста, а не его понимании;

Неполнота исходных данных является в целом прагматической предпосылкой употребления данных глаголов; Различие же между ними проходит по другим семантическим признакам — надо: несопоставимые признаки, неполнота и различие не могут входить в отношения противопоставления, выраженные союзом же.

Психологический компонент объяснения погрешностей связан с тем, что личность ученого (несмотря на массовый характер современной науки) по-прежнему является уникальным генератором творческой идеи, научное познание в немалой степени обусловлено личностно-интеллектуальными особенностями исследователя. Как писал Ф. Энгельс, «для опыта имеет существенное значение, *какой ум* приступает к изучению действительности. Великий ум делает великие наблюдения и усматривает в пестрой игре явлений то, что имеет значение» [Маркс, Энгельс, 20:520]. Неслучайно психолог А. М. Улановский считает, что «сам подход, при котором в фокусе оказывается не только текст, но и личность, породившая его, по своей сути является прежде всего психологическим, что предполагает анализ не только текстовых структур (предложений, внутритекстовых связей и т. д.), но неких внетекстовых, собственно психологических структур (целей, мотивов, установок и т. д.)» [Улановский, 2006:53 — 54]. Продолжая эту мысль, можно включить в психологические структуры типы личности ученых, установленные с учетом мировоззрения (реалист, романтик) и когнитивного стиля (аналитик, классификатор и др.), а также виды внимания, сопутствующие специфическому редактирующему чтению (нами установлено волнообразное, челночное, скачкообразное, спиралевидное — см. об этом: [Котюрова, 2006:71 — 79].

Именно психологический компонент объяснения позволяет объединить такие разные явления, как, с одной стороны, контаминация, с другой — тавтология, плеоназмы, случайные каламбуры, поскольку причиной их «допуска» в научный текст является недостаточно концентрированное на текстовой форме внимание автора. Эта же причина лежит в основе таких отклонений, которые можно было бы считать традиционными ошибками; см., например, нарушение согласования, однородных определений и определяемого слова и др. Однако мы склонны отнести столь очевидные отклонения от нормы именно к погрешностям, учитывая их происхождение (не от незнания, а от недостаточного внимания).

Подчеркнем, что трансдисциплинарный объяснительный подход к речевой деятельности ученого и ее продукту — научному тексту мы видим, по меткому определению Е. Вучевой, не как соперничество между отдельными дисциплинами, которые взаимно оспаривают эпистемологический статус, а как возможность дополнения и взаимодействия в рамках единого антропологического подхода к речевой деятельности (и тексту).

Системный подход к редактированию научного текста

Функционально-стилистические исследования, одним из основных принципов которых признается единство собственно лингвистической и экстралингвистической сторон, неизбежно учитывают такие когнитивные феномены, как структуры знания, память, внимание и др. Возникает необходимость обратиться к научному психологическому знанию. В результате может быть создана глубокая теоретическая основа для изучения проблем редактирования научного текста, порождаемых всей когнитивной системой человека в контексте его коммуникативно-познавательной деятельности.

Научный текст как готовый продукт речевой деятельности не может быть отчужден от коммуникативно-познавательной ситуации, ее закономерностей, а его структура в определенной мере обусловлена структурой получения нового знания. В связи с этим полагаем, что автор в процессе редактирования своего текста может реконструировать мыслительные процессы, соотнести их с коммуникативно-познавательной стратегией, а затем и улучшить, усовершенствовать текст. При этом ясно, что для усовершенствования текста целого научного произведения необходима концентрация целостно-композиционного мышления.

Нельзя не согласиться с обобщением Ю. Т. Рубаника: «Люди никогда не видят “чистой”, “истинной” реальности. Видение и

понимание окружающего нас мира определяется понятийными фильтрами (ментальными моделями), т.е. концепциями, представлениями... Их можно уподобить линзам, призмам в перископах, через которые мы рассматриваем окружающий нас мир... Искусство системного мышления дает возможность увидеть и понять мир (в частности, мир текста. — М. К.) в единстве, в широкой, глубокой и образной перспективе» (Предисловие к русскому изданию книги: [О'Коннор, 2006:15 — 16].

Мы не только принимаем системный подход к тексту как инструмент его изучения, но и применяем концепцию системного мышления к редактированию текста. Кстати, позитивно оценивая системное мышление, Дж. Е. Беллингер пишет, что «на системное мышление можно положиться» [Там же:18]. Ясно, что именно системное мышление дает возможность перейти от фиксации типичных речевых событий, соответствующих норме, к пониманию структурных взаимосвязей, порождающих типичные же отклонения от нормы. Почему мы считаем целесообразным применить системный подход к описанию редактирующего мышления автора научного текста? Во-первых, системный подход к объекту — тексту — представляет собой единую методологическую основу для понимания специфического предмета — редактирования текста. Во-вторых, системный подход предоставляет перспективу совершенствования научного текста в процессе углубления в смысловую структуру текста и концентрации внимания на соотношении мысли и речи (содержания и формы). В-третьих, обращение к пониманию редактирования научного текста в кибернетическом аспекте, в аспекте общей теории систем, полезно для этого прикладного направления лингвистики в плане развития технологии редактирования.

Принципы кибернетики позволяют обосновать трансдисциплинарное понимание этого процесса. Чтобы такая трактовка успешно развивалась и способствовала эффективному осуществлению редактирования, необходимо, чтобы в ней «взаимосвязанно сосуществовала пара языков» [Митина, 2006:42]. Таковую пару с языком лингвистики в данном случае составляет язык кибернетики. В результате объединения этих языков возникает новая информация о редактирующем мышлении. Ее новизна заключается в признании условной эквивалентности вместо тождества соотносимых понятий. Интересно, что неточное соотношение смыслов текста в сознании автора и читателя, т.е. непонимание, составляет один из существенных элементов всякого творческого мышления. В связи с этим считаем совершенно справедливым афористичное суждение математика О. В. Митиной: «Абсолютно понятный текст в то же время и абсолютно бесполезен». Психолог Д. А. Леонтьев отмечает, что «понимание не гарантиро-

вано, оно ограничено; всегда существует определенная граница понимания», и ориентирует на «толерантность к собственному непониманию». Хороший научный текст — это функциональная гетерогенная система открытого характера, имеющая внешний источник энергии в окружающей как лингвистической, так и экстралингвистической среде.

Открытый характер научного текста как функциональной системы проанализирован более 30 лет назад на материале жанра статьи Д. Дж. Прайса, работу которого «Тенденции в развитии научной коммуникации — прошлое, настоящее, будущее» Э. М. Мирский и В. Н. Садовский обобщают следующим образом: «Статья в научном журнале, которая с конца XVIII века и в течение долгого времени являлась основным средством коммуникации на переднем крае науки, ни исторически, ни логически не может быть жестко связана с выполнением этой функции. С одной стороны, исторически более ранними средствами оперативной коммуникации на переднем крае науки были письма, а затем — монографии (сама статья первоначально представляла собой письмо в редакцию журнала), а с другой стороны, сегодняшние исследователи все чаще обращаются за оперативной информацией к рефератам, а не к самим статьям. Таким образом, коммуникационная система науки (тексты. — М. К.) каждый раз пополняется новыми средствами, однако старые при этом не исчезают — изменяются их функции, но они сохраняются в рамках целостной системы» [Коммуникация, 1976:7].

Системный подход к пониманию процесса редактирования своего и чужого текста акцентирует внимание на тех взаимодействиях, которые становятся причиной возникновения новых свойств, присутствующих системе в целом, а не ее элементам. Такими эмерджентными свойствами текста являются смысловая целостность и связность выражения содержания. Целостный «узор ковра» создан автором благодаря отбору и сочетанию всех языковых элементов.

Применим системное мышление к пониманию текста как системы. В таком случае важно прежде всего подчеркнуть, что научный текст представляет собой сложноорганизованную систему, которая состоит из множества элементов, или подсистем, и все они способны пребывать в разных состояниях, изменяющихся в ответ на то, что происходит с другими частями. Стремясь конкретизировать это общеизвестное утверждение, представим употребление модальных слов:

Здесь необходимо построить новый дом (Заменить старый);

Здесь можно построить новый дом (Построить новый или оставить старый);

Здесь невозможно построить новый дом (Оставить старый).

Как видим, смысл высказывания имеет принципиально различные варианты. Сложная система пронизана множеством связей, поэтому можно представить ее «в виде особого рода паутины, каждый элемент которой связан со многими другими и влияет на них. Чем больше в ней элементов, тем выше сложность детализации. Чем шире круг их возможных состояний, вариантов формирования временных альянсов¹, тем больше число возможных связей между ними и тем выше динамическая сложность данной системы» [О'Коннор, 2006:39].

Интересно, что «система действует как мощная эластичная сеть: когда перетягивают какой-нибудь узел на новое место², он остается там лишь до тех пор, пока его удерживают. Стоит его отпустить, и он немедленно займет прежнее положение» [Там же:40]. Эластичность — не только объяснимое, но и неизбежное свойство системы.

Хороший пример — «решения, принимаемые в Новый год. Представьте, что есть привычка, от которой вы хотели бы избавиться. Она вам не нравится и кажется чем-то 'посторонним', что можно просто отбросить, и сразу станет лучше. Но она элемент системы поведения и связана с множеством других элементов вашей жизни. В Новый год вы принимаете решение измениться, но привычка каким-то образом сохраняется, если не проявлять постоянной бдительности.

Вы будете в напряжении — в буквальном смысле слова. Как ни старайтесь, толку не будет. Дело не в том, что привычка или стиль поведения так уж сильны сами по себе. Сила сопротивления изменениям обусловлена проявлением других связанных с этой привычкой элементов вашего поведения. Попытка удалить ее тянет за собой изменение остальных привычек и особенностей образа жизни, которые с ней связаны. С позиций системного мышления следует признать, что решения, принимаемые в Новый год, трудно выполнить» [Там же:41].

Внимание к одному элементу текста связано с испытанием «запаса эластичности» системы. Примером может служить более широкая, чем в наличном тексте, разработка того или иного понятия в процессе саморедактирования текста. Такое расширение (уход в сторону) может привести к изменению не только фрагмента, но и всей концепции, а значит, всей системы текста. Запас эластичности системы оказался исчерпанным, система распалась, что потребовало не доработки, а переработки системы. Без переработки, т.е. формирования по существу новой системы, текст теряет одно из основных свойств — логичность речи.

¹ Читатель может и не замечать или игнорировать их. — М.К.

² Или останавливают на нем внимание. — М.К.

Важно определить ключевые связи элемента (например, понятия) системы с другими элементами этой системы и либо «обрубить» их, либо «ослабить». О'Коннор считает такое отношение к связям внутри системы «главным принципом системного мышления», поскольку «имея дело с системой, невозможно осуществлять точечные изменения». Связанность элементов системы порождает возникновение закономерных побочных эффектов, причем чем сильнее «лекарство», тем вероятнее проявление побочных эффектов.

Понимание текста в качестве системы-паутины с неизбежностью вынуждает поставить вопрос о том, как изучать такую паутину. Здесь-то и может прийти на помощь понятие «контурное мышление». Контурное мышление предполагает обратную связь. «Словосочетание "обратная связь" часто используется для обозначения любой реакции, но на самом деле оно означает восприятие результата наших действий, влияющее на последующие действия, т.е. двустороннюю связь. Обратная связь реализуется в контуре, который можно представить в виде петли, поэтому мышление в категориях обратной связи — это контурное мышление» [О'Коннор, 2006:49]. Понятие «контурное мышление» вполне применимо к анализу текста, так как даже не получая сигнала об обратной связи непосредственно, мы его домысливаем, т.е. в восприятии читателя непременно образуется контур петли обратной связи. Несомненно, что «наличие обратных связей — неотъемлемая характеристика систем: нет обратных связей, нет и систем» [Там же:53].

Вместе с тем существенно подчеркнуть, что при формировании петли обратной связи могут возникнуть заблуждения, основанные на иллюзиях восприятия мира (в нашем случае — текста). Сначала приведем очень яркий графический пример из книги О'Коннора — пример убедительной иллюзии белого треугольника, которого нет на рисунке [Там же:82].

Основной иллюзией автора текста является представление об адекватном прочтении читателем зафиксированной в тексте мысли. Это заблуждение автора проиллюстрируем предложением, в котором заложена вариативность смысла. Ясность в интригу вносит глагол, который вместе с тем требует синтагматической и интонационной перестройки высказывания. См. пример: *В связи с этим важным постулатом / настоящей работы / является тезис о том, что...* — что неверно; надо: *В связи с этим / важным постулатом настоящей работы является тезис о том, что...*

Интересно, что в английском тексте в аналогичной ситуации была бы поставлена запятая. Как пишет Н.К. Рябцева, «английская пунктуационная система, в отличие от русской, двигалась

в направлении делимитации тех зон, в которых отсутствие знаков приводит к затруднениям понимания или двусмысленности» [Рябцева, 2005:195].

Как видим, стечение форм творительного падежа указательно-го местоимения в предложном сочетании *в связи с этим* и субстантив-атрибутивного сочетания *важным постулатом* требует вмешательства либо самого автора (при саморедактировании), либо редактора. В данном случае достаточно опустить связочное сочетание *в связи с этим*.

Иллюзия адекватного восприятия текста читателем может привести к простой небрежности выражения мысли; см., например, в отношении связи между предложениями: *В центре современных лингвистических исследований — концепт языковой личности. Это связующее звено* (или: *это/связующее звено? — М. К.) между человеком и языковой системой. Он* (концепт или человек? — М. К.) *включает данные исследований о зарождении, развитии, восприятии речи.*

Таким образом, редактирование научного текста представляет собой, безусловно, системный процесс реконструкции коммуникативно-познавательной деятельности. В этот процесс включаются такие эксплицитные (представленные в наличии) элементы, как субъект познавательно-коммуникативной деятельности (он же автор) и реальный текст. Кроме того, в процессе редактирования незримо «присутствуют» имплицитные (не выраженные специальными языковыми средствами, но подразумеваемые) элементы: смысл текста, выражаемый автором; субъект познавательно-коммуникативной деятельности (он же читатель); смысл текста, формируемый читателем; другие тексты, с которыми в разных отношениях связан данный текст; экстралингвистическая среда, прежде всего эпистемическая, связанная с научной познавательной деятельностью, как источником смыслового богатства текста. Важно подчеркнуть, что даже частичное (временное) «выпадение» какого-либо элемента из рассматриваемой системы редактирования научного текста приводит к сбоям, отклонениям от нормы хорошего текста.

В практической деятельности редактирование осуществляется преимущественно не осознаваемо, даже можно сказать, в автоматическом режиме. Автоматизм этой деятельности обеспечивается знанием норм литературного языка, а также функционально-стилевых норм порождения научного текста. Понятно, что редактирование осуществляется автоматически до тех пор, пока интерпретация текста на соответствия (или несоответствия) нормам — орфографическим, пунктуационным, стилистическим — не вызывает затруднений, пока для субъекта редактирования текстовые единицы являются стереотипными, не требующими реакции

«стоп!» Кстати, стереотипными можно считать не только конвенциональные правила, но и случаи их нарушения из-за незнания этих правил. Такие нарушения легко исправляются опытным редактором, так как обработка соответствующей информации, а также ее преобразование соотносятся с четким, хотя и компрессированным алгоритмом его мысли.

Напротив, имея коммуникативное намерение выразить свое, а значит, новое для него, научное знание, автор использует язык прежде всего осознанно. Хотя не только. Именно в тех случаях, где, кажется, нет необходимости с напряжением удерживать внимание, чтобы не допустить погрешностей в речи, оно ослабевает и пропускает отклонения от нормы смыслового и грамматического согласования, управления и т.д. Многие ситуации, связанные с порождением текста, требуют наличия не столько научной (содержательной) компетенции, сколько психологической настроенности на создание хорошего текста, наличия коммуникативного намерения достичь необходимого качества текста. Мысль ускользает — и это приводит к неполноте выражения; «топчется на месте» — к избыточности; притягивает какой-либо компонент из другого «слоя абстракции» — к смысловому несогласованию; какой-либо компонент высказывания дистанцируется — разрыву связи и т.д. Поэтому подчеркнем, что объяснительный аспект концепции редактирования опирается на психологические основания самого материала исследования. Важно и то, что погрешности в опубликованных научных текстах имеют не индивидуальный, а стереотипный характер, соответствуют «правилам нарушения правил» [Дементьев, 2003:11], что позволяет типологизировать эти погрешности и описать их с целью предупреждения.

Психологический компонент объяснения погрешностей

Системный подход к тексту и его редактированию ориентирует нас на разработку ментальной модели текста. Понятие ментальной модели текста соотносительно с более широкими понятиями «коммуникативный идеал» [Дементьев, 2006] и «тип текста» [Чернявская, 2004]. Последнее используется «для обозначения культурно-исторически сложившейся продуктивной модели, образца текстового построения, определяющего функциональные и структурные особенности конкретных текстов с различным тематическим содержанием» [Там же:35]. Несомненно, что «каждое конкретное текстовое произведение — экземпляр текста — существует как представитель соответствующего типа текста» [Там же], однако с тем уточнением, что при редактировании тип текста (по-

нятие определенной степени абстракции) опосредован ментальной моделью (понятие более низкой степени абстракции) научного текста, «обитающей» в сознании автора (в качестве редактора) или редактора.

Ментальная модель текста целого научного произведения должна обладать силой общей идеи, формирующей системное мышление и автора, и читателя. В данном случае важно, что ментальная модель (общая идея) текста выступает в качестве посредника между редактируемым и отредактированными текстами. При этом базовая ментальная модель членится на совокупность взаимосвязанных частных моделей. В соответствии с общей теорией систем системное мышление можно понимать как сеть (паутину) многомерных элементов, рассматриваемых в разных ракурсах: это не просто комплексное и всестороннее, но и вертикальное, и горизонтальное, и глубокое, и цикличное мышление.

Отсюда ясно, что системное мышление — с данной утилитарной целью, т.е. для обобщения процесса редактирования, — необходимо схематизировать, упростить, иначе говоря, построить базовую ментальную модель текста.

Наличие ментальной модели, т.е. абстрактного, отвлеченного от реальной действительности представления о тексте, само по себе не гарантирует ни качества этой модели, ни — тем более — качества заполнения этой модели языковым материалом в процессе порождения текста. Ясно, что автору важно сформировать модель, соответствующую гармоничному тексту, т.е. модель:

а) минимизированную, состоящую из вполне обозримого количества элементов;

б) гибкую, эластичную, в которой без нарушения связей элементов можно расширять или сужать любой элемент, а также усиливать или ослаблять его связи с другими элементами;

в) динамичную, в которой динамика достигается за счет вариативности элементов (эффекта мультипликации).

Гармония многолика, не всегда очевидна, но всегда труднодостижима. Предваряя рассмотрение модели эталонного текста, приведем пример из истории науки, иллюстрирующий мысль о том, что вхождение научного открытия в общий фонд знания «окроплено как общепризнанной мудростью, так и разбитыми надеждами» [О'Коннор, 2006:81]. Этот пример подчеркивает зависимость от качества текста такого важного аспекта научной деятельности, как своевременная оценка и признание результатов проделанного исследования.

В связи с этим интересно «вхождение» в научное знание открытия, положившего начало молекулярной биологии в зарубежной науке. Открытие было представлено в статье О. Эвери с соавторами, опублико-

ванной в 1944 г. Статья пользовалась меньшей известностью и признанием, чем того следовало ожидать в свете имеющихся теперь представлений. Г. В. Вайятт, изучавший причины такого положения, констатирует следующее. Во-первых, в заголовке статьи не содержалось ключевых слов, которые способствовали бы ее признанию в то время. Во-вторых, содержание заключения к статье также не способствовало этому: «Представленные данные укрепляют уверенность в том, что нуклеиновая кислота дезоксирибозного типа играет основную роль в трансформации пневмококка типа III». В заключении «нет упоминаний ни о генах, ни о мутации, ни вообще о каких-либо терминах, позволяющих связать сделанное Эвери и его соавторами открытие с общими идеями генетики». В-третьих, «если у Эвери в резюме содержится лишь беспристрастное изложение фактов, то у Херши и Чейз (на эту же тему, однако позднее, в 1952 г. — М. К.) изложение фактов перемежается с их интерпретацией». Автор заключает: «... нет никаких оснований надеяться, что статья, аналогичная работе Эвери, вновь не встретит такой же прием. Напротив, при увеличившемся числе публикаций ситуация может оказаться еще более трудной... Новая информация усваивается лишь тогда, когда она без особого труда укладывается в общепринятые представления. Информация не признается в качестве таковой, пока она не превращается в знание» (курсив мой. — М. К.) [Вайятт, 1976:374—388].

Подчеркнем, что любая модель — это не копия, она дает лишь контурное представление о чем-либо. Живое наполнение модели имеет динамический характер, поскольку она ориентирована на модификацию (вариативность). Однако именно с возможностью модификации и соотносится основное достоинство модели.

Модель «Качество эталонного текста»

Из литературы по функциональной стилистике, лингвистике текста, стилистике текста и других направлений, в рамках которых изучается целый текст, известны его феноменологические свойства. На основе целого ряда зафиксированных свойств реальных текстов построим модель как единство «замкнутых» контуров обратной связи — цепей причинно-следственных связей, но открытых для реального заполнения языковыми единицами. Это минимизированная (схематичная) модель качества эталонного текста, представленная совокупностью его взаимосвязанных свойств (см. рис. 3).

Системе «Качество эталонного текста» соответствует метафора *система-паутина*, отражающая связи элементов (частных качеств текста). Схематичное представление системы подчеркивается самим термином *контур*, обозначающим частное качество (понимаемое как одна из характеристик текста). Контур — внеш-

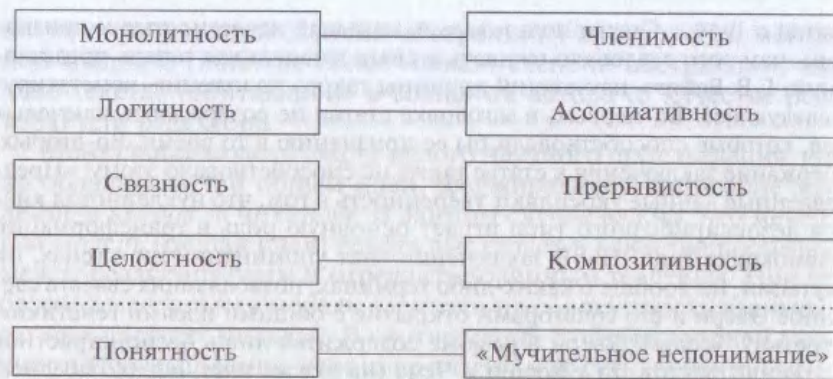

Рис. 3. «Качество эталонного текста»

нее очертание чего-нибудь, контурная линия — прерывистая, из точек. Вместе с тем термину «контур» мы придаем более широкое, объемное, значение, применяя его в отношении содержания и формы того или иного качества. Контур — это ориентир для наблюдения за тем или иным качеством речи в пространстве текста целого произведения. См., например, связность: нельзя в одном фрагменте контролировать выражение связности (в частности, связи двух смежных предложений), а в другом — не обращать на нее внимания; это качество текста проявляется на всем его протяжении. Так же и логичность, которая проявляется и внутри предложения, и между самостоятельными предложениями, и между более сложными единицами.

Как видим, контуры системы, названной нами «Качество эталонного текста», образуют (на схеме) по горизонтали пары, взаимосвязанные на градуальной основе; см.: монолитность — членимость, логичность — ассоциативность, связность — прерывистость, целостность — композитивность, понятность — непонятность как «мучительное непонимание». Те же контуры системы, если рассматривать их на схеме в разных направлениях, оказываются связанными как по вертикали, так и перекрестно; см.: логичность — связность — целостность; членимость — ассоциативность — прерывистость — композитивность; членимость — логичность, членимость — связность, членимость — целостность, логичность — прерывистость, логичность — композитивность и др.

Система «Качество эталонного текста» имеет полипараметральный (многоконтурный) характер, ей присуща эластичность (внимание к одному свойству/элементу может изменить форму всей «паутины»), а также открытость и релятивность, поскольку ни один из контуров этой системы не является абсолютным, проявленным в высшей степени.

Данную модель текста можно рассматривать прежде всего как описательную, служащую для формирования определенного конструкта из «старых», известных, имеющихся, но еще не собранных после «нахождения», установления компонентов. Но не только описательную. Эта модель текста по существу является мета-моделью, поскольку выполняет познавательную, а именно объяснительную, функцию; эта модель способствует пониманию других, ранее не известных текстов — пониманию, связанному с дальнейшим «манипулированием» свойствами текста. Хотя при этом считаем необходимым привести замечание психолога А. В. Брушлинского: «Любые... компоненты живого мыслительного процесса (зафиксированного в тексте. — М. К.) настолько органически, неразрывно взаимосвязаны, что их нельзя рассматривать так же, как... отдельные друг от друга детали машин или элементы множеств, лишенные генетических связей».

Чтение как стихия интеллектуальной деятельности порождает управляемый самим субъектом деятельности поток сознания. При редактирующем чтении этот поток контролируется имеющейся в сознании субъекта моделью эталонного, идеального текста.

Модель эталонного текста соотносится с его формально-содержательным единством как смыкающим компонентом акта коммуникации адресанта и адресата. В связи с этим не только реальный текст, но и модель эталонного текста хранит отпечаток психологических характеристик, обусловленных восприятием текста со стороны коммуникантов. Почему имеется в виду восприятие со стороны адресанта, т. е. автора текста? Потому что автор предполагается не во всем объеме присущих ему свойств, а лишь в ипостаси лица, редактирующего свой, уже созданный текст. В свою очередь, адресат предполагается также как выполняющий определенную функцию — редактирование текста целого произведения определенного жанра (статьи, монографии, автореферата, диссертации и др.).

На основании сказанного под эталонным текстом, предназначенным для использования в качестве инструмента редактирования, понимается текст, обладающий целостностью содержания как эмерджентным свойством, возникающим в результате преодоления линейности текста благодаря его перестройке, т. е. *композитивности* содержательной стороны текста.

Здесь возникают два вопроса: 1) о личности автора как индивидуума с присущими ему свойствами, понимаемой в качестве фактора обоснования текстопорождения; 2) о роли креативного компонента в текстопорождающей деятельности как форме научного творчества.

Раскрывая личность автора как фактор обоснования текстопорождения, следует абстрагироваться от сугубо индивидуальных

(вплоть до уникальных) и фиксировать типичные свойства личности, особенно важные, доминирующие в научно-познавательной и текстообразующей деятельности. Психологами установлено, что фундаментальными личностными характеристиками являются познавательные (когнитивные) стили, поэтому интересно обратиться к этому основанию при определении некоторых типов личности автора текста. Другим, не менее важным основанием дифференциации типов личности является отсутствие или наличие эмоций в процессе познавательной и текстообразующей деятельности. С учетом исследований психологов представляется возможным установить — условно, т.е. в рабочем порядке, лишь с определенной целью — по первому основанию (познавательный стиль) такие типы личности автора, как *созерцатель*, *классификатор* (систематик) и *синтетик* («композитор»), по второму основанию — *реалист* и *романтик*.

Зафиксировав отклонения от нормы, реконструируем смысл, который необходимо было выразить иначе, и сопоставляем полученные варианты языковых (текстовых) единиц. Такое сопоставление позволяет диагностировать стремление (осознанное или неосознанное желание) проявить наиболее сильную, доминирующую черту когнитивного стиля автора. При лингвистическом анализе текста (точнее, редактировании) мы должны лишь основываться на суждениях психологов о тех или иных понятиях, специально разрабатываемых в психологии познавательной деятельности. Мы должны осознавать, что «нельзя судить о личности» по одной черте, хотя бы и очень важной, и разделяем мнение психолога М. А. Холодной «о природе индивидуального ума»: «Следует принимать во внимание комплекс когнитивных контролей, который и был обозначен термином 'когнитивный стиль'» [Холодная, 2004:65]. Мы имеем в виду актуальную в данном случае черту того или иного когнитивного стиля.

Обращаясь к вопросу о роли креативного, творческого компонента в научно-познавательной деятельности при порождении текста, важно уточнить, что речь идет о *первичности* нового знания. Высокая степень новизны (не для науки, а для конкретного автора текста) сопряжена с трудностью выражения именно нового знания в рече-текстовой (языковой) форме. Как отмечает М. Н. Кожина, «чем сложнее содержание, подлежащее сообщению, тем богаче должен быть набор вариантов и *труднее выбор*» (курсив мой. — М. К.) [Кожина, 1979:18].

При ориентации автора на само знание, т.е. при подчинении мысли *содержанию* высказывания, ускользает внимание с формы выражения. Интересно, что в таком случае оказывается незначимой первичность или вторичность жанра (например, дис-

сертации или автореферата диссертации), поскольку во вторичном жанре автореферата внимание скользит по «поверхности знания» уже по другой причине — в силу закрепления, стереотипности речевой формы знания.

Исходя из того что источником речевых погрешностей является автор, в частности когнитивный тип его личности, можно соотнести эти погрешности с определенными типами личности:

1. *Созерцатель*, ориентированный на выявление как наблюдаемых, т.е. несущественных, признаков явлений, их феноменологическое описание; поэтому широко используются:

а) аналитические конструкции типа *происходит фильтрализация* — независимо от субъекта; погрешности: *происходит познание, происходит изучение* — осуществляет субъект;

б) языковые единицы, находящиеся «под рукой», т.е. употребительные в обыденной речи, например: *по факту, выйти на причины, работать на читателя, задействовать, имеют место быть* и др.;

в) индифферентные знаки — предлоги с неточным значением *со стороны — с точки зрения, с целью — в направлении* и др.; связочные глаголы *является — становится*, уточняющий союз *в том числе*.

2. *Синтетик*, ориентированный на целостность видения предмета и «семантическую краткость» [Фрей, 2006] выражения, в чем проявляется результат действия двух процессов: расширения смысла (до родового) и его сужения (до видового): *процесс формирования мысли; в период двадцатых годов XX века; процесс сушки плодов*.

Типичный случай объединения понятий связан с установлением и выражением родо-видовых отношений.

Речи синтетика присуща семантическая транспозиция, т.е. использование отдельного слова или словосочетания с нечетким значением. Как было замечено французским лингвистом Анри Фреем, в разговорной речи говорящие избавляют себя от необходимости называть все тонкости значения. Продолжая эту мысль, можно сказать, что научный стиль речи стремится ограничить, уточнить семантику знаков (слов и словосочетаний), а разговорная речь — расширить ее; см., например: *Основным компонентом лекарственного препарата ВИНИБИС является перга... — Дай мне это лекарство*.

Обобщение знака, расширение его возможностей для номинации предметов и явлений, не затрудняющее коммуникации в обыденном (ситуативном) общении, в научной речи может быть неоправданным и даже недопустимым, если «семантическая краткость» достигается за счет не только уточнения, «сужения» семантики обозначаемого, но и ее расширения.

Семантическая краткость обусловлена потребностью в скором и объемном взаимообмене мыслями, поэтому связана с действием языковых законов экономии и аналогии. Закон экономии речевых усилий опирается на механизмы памяти человека, в связи с чем фиксирует стабильность, неизменяемость. Интересно то, что под воздействием законов экономии и аналогии в научной речи, «немножко иностранной», наблюдается не только сужение значения номинаций типа *сложные предложения, одночленные сложные предложения, одночленные сложноподчиненные предложения, подчинение посредством союзных слов* и т.п., но и расширение значения за счет связи со словом широкой семантики (родовым словом) типа *анализа сложного предложения*. В плане речевой культуры здесь автора подстерегает соблазн усилить контекст и употребить добавочное слово широкой семантики; см., например: *процесс анализа сложного предложения* или (см. выше) *процесс сушки плодов*. Здесь *процесс* — избыточное слово. «Инстинкт аналогии» привел к погрешности в выражении мысли. См. также: *описываются формальные и семантические отношения, возникающие в рамках контекста между причастиями и предикативными формами глаголов; в рамках контекста* — избыточное словосочетание.

Семантическая краткость, сжатие номинаций при выражении мысли нередко является результатом «борьбы семантики с морфологией». Например: *имеют разный взгляд на один и тот же вопрос, не отвергая возможности различного подхода к определению*.

3. Классификатор (*систематик*), стремящийся к выявлению существенных связей и установлению формально-логических отношений между понятиями; вместе с тем нередко нецелесообразно используются языковые единицы, призванные выражать те или иные логико-семантические отношения между понятиями. Например: *Предметом исследования в реферируемой диссертационной работе становится женская проза (надо: является); Специфика предмета исследования обуславливает методологию, которая связана в том числе и с общей теорией систем...; Возможность выделения ФМ-системы в рамках звукоизобразительной системы языка обусловлена в том числе и нивелировкой отдельных универсальных законов (присоединительно-уточняющий союз в том числе и избыточен)*.

4. *Реалист*, для которого характерно подчинение одной идее, ограничение «самого себя» во имя главного; изложению материала в этом случае присуща особая стройность, логичность, последовательность. Однако стремление автора к упорядочению, подчинению мысли какому-либо общему понятию может столкнуться с трудностью лексико-семантического и грамматического со-

гласования. Например: *Анализ композиционно-смысловой структуры автореферата установил отсутствие максимальной степени жесткости жанровой нормы и привел к выводу, что тексты АКД позволяют...* — нецелесообразно устранять субъекта деятельности, поскольку такая элиминация приводит к неточности выражения логико-семантических отношений между понятиями, что, в свою очередь, затрудняет адекватное понимание текста читателем.

5. *Романтик*, для которого характерны «разброс» тем, ассоциативность, множество попутных замечаний. При этом, естественно, необходимо «собрать» довольно разрозненную информацию и объединить ее посредством языковых единиц, выражающих сам процесс мысли автора. В противном случае возникают погрешности типа *несогласования глагольных форм* в отношении тех или иных грамматических категорий. Например: *Возможны две интересующие нас композиционные формы. В первом варианте изложение содержания начинается с краткого описания основных вопросов работы. Затем показываются методы, главные результаты исследования и научные достижения. Каждую рекомендацию необходимо четко сформулировать, указав, в каком состоянии находился рассматриваемый вопрос к моменту исследования, что достигнуто диссертантом (какой вклад вносится в науку) и какое практическое применение можно найти выдвигаемым положениям*. Представляется, что этот список не закрыт.

В связи с вопросом о редактировании научного текста имеет смысл подчеркнуть значимость модели «Качества эталонного текста», которая накладывается на конкретный текст и позволяет автору или редактору выявить отклонения и улучшить текст. Рассмотренные погрешности в построении текста обусловлены психологическими особенностями автора, в частности особенностями его когнитивного стиля. Понятно, что приведенный выше список (отнюдь не классификация) доминирующих признаков не исчерпывает вариативности познавательной структуры ученых. Вместе с тем этот перечень ориентирует на объяснение причин отклонений от нормы научного функционального стиля, соотношенной с моделью эталонного научного текста. Дело в том, что доминирующая черта когнитивного стиля ученого активно воздействует на порождение текста, в результате чего происходят те или иные «перекосы», вплоть до погрешностей. Можно считать, что особенности когнитивного стиля автора оказывают влияние на формирование его речевой манеры и характер отклонений от культурно-речевого эталона научной коммуникации.

Ясно, что взаимосвязанные свойства целостности-композитивности глобализируют, объединяют и весь линейно представлен-

ный текст, и его фрагменты, части. Эти свойства представляют собой метацентр, который управляет совокупностью оппозитивно организованных конкретизирующих свойств монолитности — членимости содержания. С одной стороны, эталонный текст далеко не монолитен, поскольку хранит жанровую структуру текста (структуру описания эксперимента, истории вопроса, теоретической аргументации и т. д.), которая складывалась, «затвердевала», освобождаясь от реально-практического участия создателя того или иного текста. С другой стороны, именно о монолитности содержания свидетельствует наличие заглавия типа *Генетика, Неорганическая химия* и даже совокупности последовательно либо иерархически связанных заголовков, т. е. оглавления текста целого произведения. Общеизвестна и членимость содержания научных текстов целых произведений на разделы, части, главы, параграфы, логические единства (логемы), абзацы и т. д. При этом важно подчеркнуть, что все эти структурно-содержательные компоненты текста образуют смысловую целостность. Такой текст воспринимается целостным в отношении смысловой структуры, что поддается осознанию лишь при выходе за его пределы, при взгляде со стороны, в сопоставлении с другими текстами.

Целостность научного текста соотносится прежде всего с его логико-семантическим единством, которое достигается благодаря системе терминов. В тексте целого произведения терминологические понятия связаны логико-семантическими отношениями пространства, времени, причинно-следственными, целевыми; тождества, сходства, аналогии, противоположности и др., а также ассоциативными отношениями типа часть — целое, род — вид и др. Сеть логико-семантических отношений реализуется в тексте не только в предложениях, но и в более сложных единицах (абзацах, сложных синтаксических целых, фрагментах текста на основе вышеназванных принципов последовательности и иерархии).

Принцип четко определенной последовательности смысловых элементов реализуется в текстах с жесткой содержательно-смысловой структурой, например, в текстах научных статей, посвященных описанию экспериментов в области химии и физики. Иерархический принцип смысловой организации научного текста является универсальным, поскольку соотносится с универсальным свойством научного знания (в науковедении именуется единством), а также свойством смысла любого текста, психолингвистически осознаваемом как латентная целостность текста.

Вместе с тем следует отметить, что целостность текста присуща тем или иным произведениям в разной степени. В частности, в объемных исследованиях по существу недостижима смысловая гармония (исключения подтверждают общее правило), поэтому текст не может соответствовать идеальному, эталонному пред-

ставлению о разворачивании замысла в целостную форму текста, например, текста теоретического характера. Отклонения от «эталонного представления» имеют нелингвистические причины. Такой причиной может явиться неразработанность проблемы или даже недостаточно строгое отношение к специфике именно научного знания.

Целостность текста — это его «стратегическое» свойство, присущее отдельному произведению во всей его полноте. При таком взгляде на целостность легко оценить значимость периферийных, сопутствующих текстов, а именно введения, выводов, заглавия, оглавления, аннотации и др., поскольку в свернутом виде в них представлено то же содержание, что и в основном, хотя по форме оно вариативно.

Итак, целостность текста имеет наиболее общий характер, а все другие характеристики — частный. Членимость, логичность и связность пронизывают содержание текста, а значит, способствуют смысловой целостности в разных направлениях. Целостность текста обусловлена его содержанием, представляющим собой именно научное знание, логичность — понятийной природой научного мышления, связность — многомерностью, гетерогенностью содержания, отражающего полифонию коммуникативно-познавательного процесса.

В соответствии с моделью качества эталонного текста под *логичностью* мы понимаем и его соответствующее качество — структурно-логическую схему, и соответствующее свойство разворачивания этой схемы, обусловленное тем, что языковые средства, «максимально отвечая требованиям логического мышления, выражают чисто понятийное мышление» [Сенкевич, 1976:35].

На рис. 3 после отточия приведены такие частные качества текста, соотносимые с контурами системы, как понятность — «мучительное непонимание». Отточие сигнализирует о том, что данные контуры установлены на другой основе — с учетом интерпретации текста либо автором, либо читателем. Так, *понятность* текста для автора несомненна, вместе с тем ясно, что затруднения при выражении мысли обусловлены ее несовершенством, неясностью связей между элементами мысли, «мучительным непониманием ее сущности». Как считает Д. А. Леонтьев, «понимание не гарантировано, оно ограничено». Естественно, что понимание текста читателем сталкивается с другими барьерами, прежде всего с неопределенностью, нечеткостью терминологических понятий и их связи в терминосистеме текста.

Интересно, что к своему непониманию авторы относятся по-разному. Одни скрывают его, выражая мысль «мягко», гипотетично, эксплицируя сомнение, неуверенность. Другие игнорируют непонимание, предпочитая констатирующую форму речи. Третьи

покрывают его флером уверенности, предпочитая категорично-экспрессивную форму речи.

В случае непонимания хода авторской мысли редактору целесообразно устранить «темные места» и заполнить их связующими конструкциями.

В аспекте культуры письменной речи отметим, что с понятностью — непонятностью речи не соотносятся какие-либо определенные языковые либо текстовые единицы. Это эмерджентное качество речи можно считать контекстуальным, поэтому требующим весьма пристального внимания автора и редактора.

В заключение подчеркнем *речевую системность* как текста, так и процесса его совершенствования. Очевидно, что для выявления, объяснения и устранения погрешностей можно применить системный подход, т. е. рассмотреть само редактирование как систему, гармонизирующую качество текста. Она имеет открытый характер не только потому, что «совершенствованию нет предела», но и потому, что в соответствии со специфическим (контурным) мышлением при редактировании в действие приводятся, актуализируются, лишь те или иные (в зависимости от опыта и компетенции автора или редактора) контуры системы и составляющие их «петли обратной связи». При этом важно, что в процессе восприятия текста происходит самодостраивание целостной структуры текста благодаря целостно-композиционному мышлению и интеллектуальной интуиции и автора, и редактора.

Научный текст в культурно-речевом пространстве: тенденция к лаконизму

Культура письменной научной речи, понимаемая в диахроническом аспекте, носит дискурсивный характер. «Дискурс выражает индивидуальные коммуникативно-когнитивные стратегии восприятия, интерпретации и переработки знаний. А каждый отдельный субъект науки действует в рамках системы научного знания, сложившейся в момент создания конкретного текста и определяющей методологические границы научного поиска его автора» [Чернявская, 2004:164]. Естественно, что каждый новый текст выступает элементом единого научного дискурса, т. е. прежде всего испытывает «власть дискурса», в то же время в той или иной мере оказывая влияние на формирование дискурса. Интерпретируя мысль М. Фуко [1996], В. Е. Чернявская подчеркивает, что «власть дискурса» возможна потому, что дискурсивная формация охватывает правила, условия и возможности — *всю сеть когнитивных отношений*» (курсив мой. — М. К.) [Там же], так или иначе релевантных для возникновения определенного знания.

Контекстуально-целостному восприятию не противоречит дискурсивно-стилистическая интерпретация текста. Асистемность, открытость дискурса вполне плодотворно сосуществует с системностью научного функционального стиля речи. Однако при этом существенно, на наш взгляд, мнение о том, что стиль (речь идет о стиле в журналистике) «порабощает, сглаживает единичное как не идущую к делу шероховатость... Стиль — это война с материалом, тотальная его организация... стиль системен, целостен, тотален, “выдержан”» [Парамонов, 1999:7]. Это рассуждение правомерно применить — в общих чертах — и к научному функциональному стилю, поскольку принцип речевой системности действует во всех разновидностях речи.

Обратимся к рассмотрению эпистемической точности — понятию, по природе присущему научному тексту. Это понятие может быть рассмотрено (правда, мы не ставим этой цели) и в рамках коммуникативных качеств речи [Головин, 1980], и как соответствующая текстовая категория [Матвеева, 1989, и др.]. Точность научной речи — всеобъемлющее качество, пронизывающее весь строй речи. Естественно, что все языковые единицы отбираются автором для точного выражения мысли в статике и динамике, в чередовании определенности и неопределенности знания, формируемого в тексте.

В первом приближении напрашивается утверждение о том, что научное знание с целью достижения точности с необходимостью требует полноты выражения мысли. Ни в коей мере не оспаривая возможности такой манеры изложения, тем не менее зададимся вопросом: какая степень полноты выражения мысли необходима и достаточна для ее понимания читателем? Всем известно, что стремление к полноте легко, незаметно приводит к избыточности не только отдельных слов, словосочетаний, предложений, но и целых фрагментов текста (например, в случае обращения к слабым или даже квазиаргументам того или иного общего утверждения).

В таком общем культурно-речевом отношении вопрос формальной и даже содержательной избыточности в тексте решается в процессе редактирования. Мы же имеем в виду эпистемическую точность, присущую именно и только научным текстам. На наш взгляд, эпистемическая точность может быть достигнута благодаря достаточно тонкому равновесию полноты с необходимой лаконичностью выражения мысли автора; при этом мы расширяем понятие лаконичности, соотнося его не только с «краткостью и четкостью изложения», но и с тем объемом содержания, которое заключено в тексте. Даже очень сложное предложение может быть так четко структурировано, так легко членимо, что «громоздкость» конструкции окажется мнимой. При этом содержание свернуто,

а при развертывании оказывается неизмеримо более объемным. На этом основании можно говорить о лаконичности научной речи.

Рассмотрим некоторые приемы (пути) гармонизации текста в отношении эпистемической точности выражения содержания, иначе говоря, приемы достижения лаконичности научного текста: 1) образование семантических блоков с целью формирования терминосистемы текста; 2) образование и употребление синлексических номинативных единиц с целью «укрупнения» структуры содержания; 3) употребление единиц со скрытой предикативностью с целью «внутреннего» сжатия, компрессии содержания; 4) употребление специальных связующих средств как внутри предложения, так и между самостоятельными предложениями — с целью «внешнего» сжатия содержания.

Несомненно, точности изложения способствует четкая **терминосистема текста**, которая создается посредством формирования смысловых блоков. Смысловой блок — это комплекс по-разному функционирующих в тексте терминов, которые названы исходными, основными и уточняющими (см. главу 1). Модель смыслового блока [Гиренко, 2004:185—203] представляет собой матрицу смежных значений терминов, использованных в тексте. Эта матрица позволила выявить закономерности расположения терминов в поверхностной структуре текста, а также определить «узлы» лексико-семантических связей в глубинных ярусах. В свою очередь, «узлы» связей ведут к образованию «пучков», или семантических блоков. В целом матрица демонстрирует объединение исходного, основного и нескольких уточняющих терминов в один семантический блок. Их совокупность обеспечивает помехоустойчивость блока, его функционирование в тематически родственных текстах и дальнейшее вхождение в фонд научного знания.

Бесспорно, что теоретическое рассуждение требует сложного синтаксического оформления, чтобы мысль ученого была воспринята читателем адекватно во всех логических изменениях.

В литературе подчеркивается, что в научном тексте точно и ясно должна быть изложена система логических рассуждений, передающих мысль ученого [Головин, 1980], верно переданы смысловые оттенки авторской мысли, оптимально осуществлен выбор грамматических конструкций, адекватно и однозначно отражающих смысл [Троянская, 1982]. Вместе с тем понятно, что между замыслом автора и его синтаксическим оформлением нет однозначного соответствия. Достаточно сослаться на И. М. Богуславского, который подчеркивает, что «с точки зрения семантики не имеет значения, чем в предложении представлен участник ситуации — одной лексемой или целым словосочетанием», причем это в простейшем случае [Богусловский, 1985:12].

Семантический блок представляет собой и тематическое единство терминов, и семантическое, организованное на основе важнейшего для научного знания признака абстрактности/конкретности — признака, имеющего градуальный характер. Например: наиболее общее, следовательно, наиболее абстрактное, терминированное понятие *геометрическая фигура*; связанное с ним тематически, но менее абстрактное *треугольник* (входящее содержательно в качестве видового в первое — родовое понятие); соответственно еще менее общее (хотя и конкретное) *равнобедренный треугольник*, входящее в объем понятия «треугольник», а также в объем понятия «геометрическая фигура». Эти понятия могут образовать в тексте семантический блок, поскольку значения соответствующих терминов являются смежными, имеют общие компоненты. Кроме того, важно, что они связаны на основе абстрактности/конкретности семантики.

Рассмотрим семантический блок в текстовом «исполнении»:

Помимо этого, можно использовать понятие координационного многогранника — полиэдра, такой геометрической фигуры, которая ограничена плоскими гранями и все вершины которой заняты частицами одного сорта, находящимися на одинаковом или почти одинаковом расстоянии от атома, расположенного в центре многогранника.

Основанием этой триады можно считать понятие *геометрической фигуры*, известное не только автору, но и читателю, поэтому данное понятие можно считать, с одной стороны, «фоновым» знанием автора и читателя, с другой — исходным для получения нового знания. Новое знание формируется основным предметом рассуждения автора — знанием о координационном многограннике (полиэдре), который является геометрической фигурой (это известное, «старое», общее для автора и читателя знание, необходимое для коммуникации и понимания, восприятия и принятия нового). Важно подчеркнуть, что собственно нового знания еще не получено (поскольку оно не эксплицировано в тексте) без третьего компонента триады. Только наличие еще менее абстрактных терминированных понятий, функционирующих в качестве конкретизирующих, уточняющих, развивающих основное (в данном случае им является понятие *координационный многогранник*) свидетельствует о формировании нового знания. При этом существенно то, что как уточняющие понятия вне связи с основным (в данном тексте) не эксплицируют нового знания, так и фоновые, исходные понятия только в связи с основным функционируют в качестве компонентов (условно говоря) нового знания.

Следовательно, триада исходное понятие → основное понятие → уточняющее понятие (обычно уточняющих бывает больше, чем

одно) представляет собой структурно-семантическую текстовую единицу, названную нами *семантическим блоком*.

Приведем другие примеры семантических блоков, представленных схематично:

вещество → кристалл → пространственная решетка;

вещество → структурная единица вещества → элементарная ячейка;

кристалл → пространственная решетка → элементарная ячейка;

пространственная решетка → элементарная ячейка → наименьший возможный объем и т. д.

Эти семантические блоки терминированных понятий эксплицированы в тексте с разной степенью полноты/лаконизма (*исходное* понятие подчеркнуто светлой линией, *основное* — выделено полужирным шрифтом, *уточняющее* — полужирным курсивом):

...возникает вопрос рационального выбора структурной единицы вещества. В кристаллографии используется понятие элементарной ячейки. Под элементарной ячейкой понимается наименьший возможный объем пространственной решетки кристалла...

Семантический блок из исходного, основного и уточняющих понятий в дальнейшем изложении свертывается и используется в тексте лишь в лаконичной форме номинации основного понятия. Ср., например:

*...**координационные полиэдры** (основное понятие) широко используются в качестве фрагментов моделей... Остановимся вначале на описании основных типов **координационных кислотных полиэдров** (основное понятие)...*

Интересно то, что в тексте целого произведения семантический блок с одной и той же номинацией функционирует по-разному, а именно с учетом контекста. Основное понятие может выполнять функцию либо уточняющего, либо даже исходного понятия. Основное понятие, вслед за В. С. Швыревым, можно считать развиваемым, значит, теоретическим понятием, в то время как исходное — применяемым, значит, эмпирическим. Однако в иерархии понятий, фиксирующих то или иное научное значение, такое эмпирическое понятие переходит на более высокий уровень развития знания, когда эмпирическое знание не «довольствуется» непосредственным соотношением с действительностью, а с неизбежностью требует, в свою очередь, как эмпирического (более частного), так и теоретического обоснования.

В приведенных выше примерах понятия *элементарная частица*, *координационный многогранник* — *координационный полиэдр* выполняют функцию основных, если рассматривать их в рамках семантических блоков. Однако те же самые понятия функционируют как исходные, не требующие ни определения, ни

развертывания, ни развития, в таких контекстах, как, например: *Лиганды, которые вместе с центральным катионом образуют координационный полиэдр, взаимодействуют с d-орбиталями, изменяя при этом их энергетическое состояние; Рассмотрим величину E, которая характеризует энергию единичной связи в данном координационном полиэдре...; Для вычисления... обмена необходимо знать термодинамические значения E (M) при изменении координационного полиэдра* (исходное понятие, не определяемое в данной главе текста).

Семантические блоки устойчивы в структурном, но вариативны в содержательном отношении. Вариативность таких блоков обусловлена переходом основного понятия в позицию исходного в рамках взаимосвязанных семантических блоков и свидетельствует о динамическом характере системы терминов в тексте целого произведения.

Благодаря тому что основные понятия, развиваемые, уточняемые в тексте, переходят в разряд (позицию) неразвиваемых, уже ясных не только для автора, но и для читателя, т. е. исходных, фоновых, можно считать такой путь изложения содержания в научном тексте стремящимся к лаконизму. Эти терминированные понятия расширяют устойчивое, фоновое знание читателя (в долговременной памяти), что способствует усилению актуальности другого основного понятия (в оперативной памяти). Такая динамика формирования терминосистемы стимулирует стремление автора к точности выражения логико-семантических отношений между терминированными понятиями.

Какое отношение семантические блоки имеют к культуре письменной научной речи? Конечно, они образуются по своим логико-семантическим правилам; соблюдение этих общеизвестных правил соотносится с владением культурой речи, можно сказать, в «качественном аспекте». В этом плане требование необходимой полноты выражения мысли (знания) заключается именно в том, чтобы концептуально важные (названные основными) терминированные понятия получали особое — центральное — место в семантическом блоке. А как же другие понятия, «не — важные», но необходимые для развития основных, ведь они тоже могут стать основными? Решение найдено науковедами.

В науковедении установлен принцип минимизации теории. Разумеется, этому принципу важно следовать и при построении научного текста в том или ином жанре. Принцип минимизации теории заключается в отборе взаимосвязанных терминов, необходимых и достаточных для формирования терминосистемы данной теории. Мы можем распространить принцип минимизации теории на частный случай формирования терминосистемы — порождение текста. При этом существенно то обстоятельство, что

термины в тексте имеют не калейдоскопический, а системный характер, причем в малом жанре, например статьи, этот принцип действует более жестко, определенно. В отборе основных понятий, образующих семантические блоки, заключается «количественный» аспект гармоничной речи.

Образование и употребление синлексических номинативных языковых единиц [Климовская, 1978; Вяничева, 2000; 2004]. Проф. Г. И. Климовская выявила неметафорические аналитические устойчивые единицы номинации — синлексы. Основными общими признаками слова и синлекса являются наличие лексического значения и выполнение этими единицами номинативной функции. Механизм формирования синлексов — это «вынимание» одного компонента из парадигмы названий свойств и осложнение его дополнительным смыслом. Синлексы типа *валентная зона, зона проводимости, уровень Ферми и др.* входят в номинативный состав современного русского литературного языка. Понятие номинативного состава представляет собой расширение понятия лексического (словарного) состава языка и позволяет приравнять к слову единицы, имеющие другую структуру, но также выполняющие номинативную функцию, не осложненную оценочностью и особой выразительностью.

В связи с этим неслучайно языковая картина мира XX в. характеризуется как блочная, «крупнозернистая», состоящая из сгруппированных множеств, соответствующих большей системной упорядоченности, структурированности современного русского литературного языка. Благодаря системной упорядоченности номинативного состава русский литературный язык к XX в. стал располагать возможностями для экономного (стремящегося к лаконичности) выражения научного содержания.

Несомненно, служат экономному обозначению понятий и, следовательно, способствуют лаконичному и точному выражению мысли в научном тексте термины-синлексы: *распределение Ферми, энергетическая зона, кинетическая энергия, критическая температура, кристаллическая ячейка, валентный электрон, свободные электроны, эффективная масса, переходные металлы, время перемещения электронов, время колебания атомов, оксиды переходных металлов, электронная теория проводимости* и др.

Формирование и широкое употребление синлексов, несомненно, связано с изменением языковой картины мира под влиянием изменений фактов реальной социокультурной действительности в сторону их «укрупнения». Т. В. Вяничева обоснованно подчеркивает, что «синлекс как аналитическая номинативная единица является удобным и продуктивным средством номинации, соответствующим именно системности речевого мышления» [Вяни-

чева, 2005]. Действительно, формирование синлексических (аналитических) номинативных единиц способствует, с одной стороны, уплотнению научного знания, а с другой — экономному обозначению «квантов» мысли.

Лаконичному выражению мысли содействует широкое использование таких языковых единиц, как отглагольные существительные и прилагательные, причастия и деепричастия, способные заключать скрытую предикативность и тем самым дифференцировать актуальные и менее актуальные смыслы. Благодаря использованию названных единиц, которые обладают большой лексико-грамматической «силой» притягивать другие единицы, в тексте образуются синтаксические группы, позволяющие структурировать линейно «растянутый» объемный смысл текста. Такие способы сжатия текста описаны в литературе по информатике, в данном же случае важно то, что они активно используются при порождении научных текстов. Приведем лишь один пример генитивной цепочки имен существительных, «отягощенных» согласованными определениями — прилагательными:

... фазовое превращение типа беспорядок — порядок может рассматриваться как следствие потери устойчивости однородного неупорядоченного твердого раствора относительно образования статических концентрированных волн...

«Развертка» этого свернутого предложения будет выглядеть следующим образом:

Раствор [является] твердым; твердый раствор [является] неупорядоченным; неупорядоченный твердый раствор [является] однородным; однородный неупорядоченный твердый раствор [обладает] устойчивостью...; устойчивый неупорядоченный твердый раствор [теряет] устойчивость...; потеря устойчивости однородного неупорядоченного твердого раствора относительно образования статических концентрированных волн [детерминирует] фазовое превращение типа беспорядок — порядок...

Как видим, одно предложение, отнюдь не из самых сложных, включает в себя шесть «скрытых» предикативных единиц. И это определенно свидетельствует о стремлении автора к лаконичности выражения мысли.

Интересно, что выбор языковой единицы из той или иной парадигмы, причем не только лексической либо грамматической, но и лексико-грамматической, может соотноситься либо с актуализацией (посредством глагольной формы), либо лишь с попутным выражением того или иного смысла (при помощи предлога). См., например, лексико-грамматическая парадигма: *относиться — относясь — относящийся — в отношении — относительно*; а

также *включать* — *включая* — *включающий* — *включительно*; *касаться* — *касясь* — *касающийся* — *касательно* и др.

Логически стройной и лаконичной организации содержания научных текстов, легко и «плавно» воспринимаемого читателем, соответствует употребление языковых единиц, которые функционируют как **специальные связующие средства и внутри предложения, и между самостоятельными предложениями** (и более сложными единицами речи). Употребление таких средств обусловлено сложной смысловой структурой научного текста, охватывающей содержательную (понятийно-логическую) сторону текста, рациональную оценку содержания, его композицию и коммуникативную ориентацию. Как показало изучение научных текстов XVIII—XX вв. в отношении использования связующих средств, эта метатекстовая «упаковка» имеет специфическую цель — так организовать речь (текст), чтобы она была выражена именно л а к о н и ч н о, поскольку желаемая констатация действительной мысли во всей ее полноте невозможна. Неслучайно многословные связующие речения, зафиксированные в текстах трудов ученых XVIII в., заменяются в дальнейшем четкими стереотипными конструкциями типа *как известно, как видно, перейдем теперь к...*, *рассмотрим* и многие другие [Котюрова, 1986].

В заключение подчеркнем, что все рассмотренные приемы смыслового структурирования научного текста призваны помочь автору реализовать замысел в линейной речевой форме, однако целенаправленно дифференцируя эту форму с учетом разных оснований и создавая новую содержательную форму — научный текст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абиева Н. А. Семиотизированная реальность и семиотизированное мышление // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: Сборник научных статей / Отв. ред. В. Е. Чернявская. — СПб.: СПбГУЭФ, 2007. — С. 211—221.

Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социолингвистики). — Л., 1975.

Алексеева Л. М. Проблемы термина и терминообразования: учебное пособие по спецкурсу. — Пермь, 1998.

Алексеева Л. М. Лингвистика термина // Лексикология. Терминоведение. Стилистика. Сб. науч. трудов. — Москва; Рязань, 2003. — С. 37—42.

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. — Пермь, 2002.

Андреев И. Д. Теория как форма организации научного знания. — М., 1979.

Андреева С. В. Иррациональные конструкции в творческом мышлении // Принципы изучения художественного текста, ч. 2. — Саратов, 1992.

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.

Арутюнова Н. Д. Вторичные истинностные оценки: правильно, верно // Логический анализ языка: ментальные действия. — М., 1993. — С. 67—78.

Архангельская А. С. К проблеме индивидуального стиля в научных исследованиях // НТР и развитие художественного творчества. — Л., 1980. — С. 62—75.

Баженова Е. А. Выражение преемственности и формирования знания в смысловой структуре русских научных текстов / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1987.

Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь, 2001.

Баженова Е. А. Дискурсивно-стилистический подход к изучению научного текста // Stylistika — XIV. — Opole, 2005. — С. 317—334.

Баженова Е. А. Прагматический потенциал научного текста // Това чудо — езикът! / Изследования в чест на проф. д-р Живко Бояджиев. — София, 2007. — С. 67—74.

Байков В. Г. Антропоцентризм языка и поэтика точки зрения // Обшая стилистика: теоретические и прикладные аспекты. — Калинин, 1990.

Баранов А. Н. Аргументация как языковой и когнитивный феномен // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. — М., 1990.

Барнет В. Проблема изучения жанров устной научной речи // Современная русская устная научная речь. — М., 1985.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин Эстетика словесного творчества. — М., 1979.

Баянкина Е. Г. О системном подходе к анализу текста // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1990. Вып. 1. — №2.

Бедрина И. С. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в научных текстах / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Одесса, 1993.

Бельчиков Ю. А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. — М., 1988.

Бирюлин Л. А. О лингвистических аспектах модальности // Сопряженность глагольных категорий. — Калинин, 1990.

Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. — М., 1985.

Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. — Л., 1976.

Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. — Л., 1978.

Бондарко А. В. Функциональная грамматика. — Л., 1984.

Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. — СПб., 2001.

Бондарко А. В. Функциональная грамматика: проблемы системности // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы международной научной конференции (Москва, 8 — 10 июня 2002 г.). — М., 2003. — С. 7—9.

Боронин А. А. Суперконцепт «коммуникативная ситуация» и его вербальное воплощение // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: Сб. науч. трудов — М., Калуга, 2007. — С. 180—188.

Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. — М., 1983.

Брудный А. К проблеме понимания текста // Исследование речемышлительной деятельности. Психология, III. — Алма-Ата, 1974.

Брудный А. А. Понимание и текст // Загадка человеческого понимания. — М., 1991.

Бухтиярова Н. С. Об изучении стиля научной прозы // Особенности языка научной литературы. — М., 1965.

Вайянт Г. В. Когда информация становится знанием? // Коммуникация в современной науке. — М., 1976.

Вакуров В. Н., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я. Стилистика газетных жанров. — М., 1978;

Валгина Н. С. Теория текста: учебное пособие. — М.: Логос, 2003. — 280 с.

Варшавская А. И., Карташкова Ф. И., Кузьмина Т. Е., Сафронова Т. Н. Естественноречевое обеспечение процедуры классификации (на материале современного английского языка). — Л., 1991.

Васильев С. А. Синтез смысла при создании и понимании текста. — Киев: Наукова думка, 1988.

Васильева А. Н. Художественная речь. — М., 1983.

Васильева А. Н. О формах существования функционально-стилистической системы // Структура лингвистической и ее основные категории: Межвуз. сб. науч. трудов. Отв. ред. М. Н. Кожина. — Пермь: Изд-во Пермского университета, 1983.

Васильева А. Н. Основы культуры речи. — М., 1990.

Ведякова Н. А. Стереотипность и вариативность в научном тексте (на материале авторефератов кандидатских диссертаций по языкознанию и педагогике): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. — Челябинск, 2006.

Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи: межвуз. сб. науч. трудов. Отв. ред. О. Б. Сиротинина. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1977.

Вернадский В. И. Мысли о современном значении истории идей. — Л., 1927.

Вещикова И. А. Разговорные произносительные варианты в устной литературной речи // Русская словесность. — М., 1997. — №1.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. — М., 1972.

Винокур Г. О. Культура языка. — М., 1929.

Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980.

Волов В. Т., Китаев Д. Ф. Синергетика как базовая методология гуманитариев XXI века. — Самара, 2005.

Воробьева М. Б. Некоторые особенности научного произведения обзорного характера // Общие и частные проблемы функциональных стилей. — М., 1986;

Вяничева Т. В. Из истории изучения субстантивного пласта устойчивых номинативных единиц в отечественной и зарубежной лингвистике, Стереотипность и творчество в тексте. Под ред. М. П. Котюровой. Вып. 7. — Пермь, 2004.

Вяничева Т. В., Крупенникова В. А., Никиенко И. В. Методические основы толкового словаря синлексов для школьников, IV Житниковские чтения. — Челябинск, 2000.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. — М., 1988.

Гак В. Г. О семантической организации текста // Лингвистика текста. — М., 1974. — Ч. 1.

Гак В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. — М., 1985.

Гальперин И. Р. Интеграция и завершенность текста // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1980. — № 6.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981.

Гвенцадзе М. А. Коммуникативная лингвистика и типология текста. — Тбилиси, 1986.

Герман И. А. Лингвосинергетика. — Барнаул, 2000.

Гетманова А. Г. Логика. — М., 1986.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Факторы, благоприятные для научного творчества	3
О предмете стилистики научной речи.....	7
Некоторые подходы к изучению научной речи	10
Задачи стилистики научной речи	29

Глава 1

Основные термины и понятия стилистики научной речи

Текст, научный текст, широкий контекст	32
Экстралингвистические основания смысловой структуры научного текста.....	36
Функциональный стиль речи, стиль изложения научного содержания.....	40
Эпистемическая ситуация как основная единица смысла текста	47
Субтекст как речевая реализация компонента эпистемической ситуации.....	50
Персональный познавательный стиль.....	52

Глава 2

Стилистика научной речи в XX веке

Изучение научного функционального стиля во второй половине XX века	55
К истории изучения экстралингвистической основы научной речи	61
Конструктивный принцип и механизм текстообразования	64

Глава 3

Структурно-языковая специфика научного стиля речи

Фонетические особенности научной речи.....	67
Словообразовательные особенности научной речи	69
Стилистические особенности лексики научной речи	71
Внутренняя дифференциация научного стиля речи	79
Актуальные жанры научной литературы: тезисы, реферат и автореферат диссертации, научная рецензия.....	85

Глава 4

Морфология категориальной сферы научного текста

Текстовая категория как единица анализа текста	96
Текстовая категория связности речи	98

Текстовая категория логичности речи.....	106
Текстовая категория точности научной речи как выражение определенности/неопределенности знания	122
Плотность научного текста: подходы к ее изучению	139

Глава 5

Некоторые принципы формирования индивидуального стиля речи ученого

Аналитичность мышления как основа дифференциации дискретного и континуального стилей мышления	156
Три принципа формирования индивидуального стиля речи ученого	161
Модель индивидуального стиля речи ученого	172

Глава 6

Редактирование погрешностей стиля научного изложения. Контроль дотекстовых и текстовых единиц. Совершенствование архитектоники текста

Принципы редактирования научного текста	179
Виды внимания при редактирующем чтении	184
Подходы к редактированию научного текста	193
Трансдисциплинарный подход к редактированию научного текста	194
Системный подход к редактированию научного текста.....	197
Психологический компонент объяснения погрешностей	203
Модель «Качество эталонного текста»	205
Научный текст в культурно-речевом пространстве: тенденция к лаконизму	214
Список литературы.....	223

Учебное издание

Котюрова Мария Павловна

Стилистика научной речи

Учебное пособие

Редактор *Т. А. Феоктистова*

Технический редактор *Е. Ф. Коржуева*

Компьютерная верстка *А. В. Бобылёва*

Корректоры: *Э. Г. Юрга, Н. В. Козлова*

Изд. № 101113784. Подписано в печать 30.06.2010. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Бумага офс. № 1. Усл. печ. л. 15,0.
Тираж 1 000 экз. Заказ № 30494.

Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru
125252, Москва, ул. Зорге, д. 15, корп. 1, пом. 266.

Адрес для корреспонденции: 129085, Москва, пр-т Мира, д. 101В, стр. 1, а/я 48.
Тел./факс (495)648-0507, (495)616-0029.

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.007831.07.09
от 06.07.2009.

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных издательством
электронных носителей в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru